

США & Канада

ЭКОНОМИКА • ПОЛИТИКА • КУЛЬТУРА

USA & Canada: Economics • Politics • Culture

- АНТИКИТАЙСКАЯ КОАЛИЦИЯ США
В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ
- АМЕРИКАНСКИЙ БЮДЖЕТНЫЙ ПРОЦЕСС: ПОЛИТИЧЕСКАЯ
БОРЬБА, УГРОЗА ШАТДАУНА И ВРЕМЕННОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ
- ВАШИНГТОН КАК ПОСРЕДНИК: РОЛЬ В ПОДГОТОВКЕ
И ПРОВЕДЕНИИ СБСЕ
- ИММИГРАЦИОННЫЙ ДИСКУРС В ПРЕДВЫБОРНЫХ СТРАТЕГИЯХ
В США ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЯЗЫКА
- ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА БАЙДЕНА: ПРОДОЛЖЕНИЕ КУРСА ТРАМПА
И ОТСУТСТВИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВИДЕНИЯ
- КАНАДА: ГАРМОНИЯ КУЛЬТУР В ТЕНИ СОСЕДСТВА
С США
- КИНЕМАТОГРАФ В КУЛЬТУРНОЙ ВОЙНЕ:
ПРОГРЕССИСТЫ И КОНСЕРВАТОРЫ В БОРЬБЕ
ЗА ОБЩЕСТВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ

НАУКА
— 1727 —

6 • 2024

*Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады
имени академика Г.А. Арбатова*

США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Научный и общественно-политический журнал

2024

№ 6 (654)

Июнь

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год

ISSN 2686-6730

*Журнал издаётся под руководством
Отделения глобальных проблем и международных
отношений РАН*

Главный редактор

А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва, Россия); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва, Россия);
Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва, Россия); А.В. Коробков (Государственный
университет Среднего Теннесси, Нашвилл, США); К.И. Косачёв (Совет Федерации
Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва, Россия);
Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва, Россия); В.П. Лукин (Совет Федерации Федерального
Собрания РФ, Москва, Россия); М.Г. Носов (Институт Европы РАН, Москва, Россия);
О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва, Россия); А.Н. Панов (МГИМО, Москва, Россия);
А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); С.М. Рогов (ИСКРАН,
Москва, Россия); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва, Россия); В.Б. Супян (ИСКРАН,
Москва, Россия); Т.А. Шаклеина (МГИМО, Москва, Россия); Н.А. Шведова (ИСКРАН,
Москва, Россия); Т. Грэм (Ассоциация Киссинджера, Нью-Йорк, США); Пан Давэй
(Шанхайская академия общественных наук, Шанхай, КНР); П. Дуткевич (Карлтонский
университет, Оттава, Канада); Дж. С. Дюрран (Мемориальный университет
Ньюфаундленда, Сент-Джонс, Канада); Т. Ротнем (Государственный университет в
Кеннесо, Кеннесо, США); Н. Симотомаи (Университет Хосэй, Токио, Япония); А. Стент
(Джорджтаунский университет, Вашингтон, США); К. Того (Университет Киото Сангё,
Киото, Япония); Хон Ван Сук (Университет внешнеполитических исследований Хангук,
Сеул, Республика Корея).

Номер готовили:

В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;
Е.К. Рогульская (заведующая редакцией); А.С. Степанов.

Москва

© Российская академия наук, 2024

© Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова, 2024

© Редколлегия журнала «США & Канада» (составитель), 2024

*Russian Academy of Sciences
Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies*

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2024

No. 6 (654)

ИЮНЬ

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global
Problems and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow, Russia); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Korobkov (Middle Tennessee State University, Nashville, USA); K. Kosachev (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow, Russia); V. Lukin (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); M. Nosov (The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Panov (MGIMO, Moscow, Russia); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); S. Rogov (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); V. Supyan (ISKRAN, Moscow, Russia); T. Shakleina (MGIMO, Moscow, Russia); N. Shvedova (ISKRAN, Moscow, Russia), Thomas Graham (Kissinger Associates, Inc., New York, USA); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China); Piotr Dutkiewicz (Carleton University, Ottawa, Canada), John Stuart Durrant (Memorial University of Newfoundland, St. John's, Canada), Thomas Rotnem (Kennesaw State University, Kennesaw, USA) Nobuo Shimotomai (Hosei University, Tokyo, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan), Hon Wan Suk (Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Republic of Korea).

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2024

© Arbatov U.S. and Canada Institute
(ISKRAN), 2024

© Editorial Board of "USA & Canada"
(compiler), 2024

Содержание

2024, № 6 (654)

Батюк В.И. Военная стратегия администрации Дж. Байдена в Индо-Тихоокеанском регионе.....	5
---	----------

Внешняя политика

Меньшикова А.М. Актуальные аспекты внешнеторговой политики США.....	19
--	-----------

Страницы истории

Лекаренко О.Г. Роль США в подготовке и проведении Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.....	31
---	-----------

Точка зрения

Студенцов В.Б. Нематериальный экономический культурный капитал Канады (наброски к характеристике).....	48
---	-----------

На актуальную тему

Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Тема иммиграции и нестандартные варианты английского в американском предвыборном дискурсе.....	64
--	-----------

Размышляя над прочитанным

Сургуладзе В.Ш. «Невидимая сила» или дипломатическое бессилие?.....	78
--	-----------

По страницам печати

Подлесный П.Т. Американские специалисты о проблеме подрыва стабильности российского общества.....	94
--	-----------

Культура

Халилов В.М. Отражение культурных войн в современном кинематографе США.....	100
--	------------

Справки

Кириченко Э.В. Бюджетный процесс в США: шатдаун как инструмент межпартийной борьбы.....	111
--	------------

Информация для авторов	127
-------------------------------------	------------

Contents

2024, No. 6 (654)

Batyuk, V.I. The Military Strategy of the Biden Administration in the Indo-Pacific Region.....	5
Foreign Policy	
Menshikova, A.M. Current Aspects of U.S. Foreign Trade Policy.....	19
History	
Lekarenko, O.G. The Role of the USA in the Preparation and Holding of the Conference on Security and Cooperation in Europe.....	31
Opinion	
Studentsov, V.B. Canada's Intangible Economic Cultural Capital (Outline for Characterization).....	48
The Current Discourse	
Marusenko, M.A., Marusenko, N.M. The Theme of Immigration and Non-Standard Variants of English in American Electoral Discourse.....	64
Reader's Deliberations	
Surguladze, V.Sh. "Invisible Force" or Diplomatic Powerlessness?.....	78
Scanning the Press	
Podlesnyi, P.T. American Experts on the Problem of Undermining the Stability of Russian Society.....	94
Culture	
Khalilov, V.M. Reflections of Culture Wars in Contemporary U.S. Cinema.....	100
Background Material	
Kirichenko, E.V. Budget Process in the USA: Shutdown as a Tool of Inter-Party Struggle.....	111

УДК: 327

DOI: 10.31857/S2686673024060014

EDN: ZBRSVY

Военная стратегия администрации Дж. Байдена в Индо-Тихоокеанском регионе

В.И. Батюк

*Институт Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).*

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

ResearcherID: O-9977-2015 Scopus Author ID: 54883750900 ПИНЦ ID: 74138

ORCID: 0000-0003-1838-8616 e-mail: ctas@inbox.ru

Резюме. С точки зрения американской правящей элиты именно Китай является главным противником США на международной арене. В настоящее время соотношение сил (экономических, военных, технологических) между Соединёнными Штатами и Китаем меняется не в пользу Америки, и Вашингтон вынужден выстраивать целую систему союзов и партнёрств в Индо-Тихоокеанском регионе для стратегического сдерживания и, возможно, стратегического окружения КНР. Сама идея ИТР возникла у американской правящей элиты как оптимальная форма для реализации этой идеи. В настоящее время, однако, Соединённым Штатам не удалось реализовать экономическую и политическую изоляцию Китая – далеко не все страны Индо-Тихоокеанского региона готовы присоединиться к антикитайской политике США.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион, сдерживание, стратегическое окружение, баланс сил, экономическая изоляция.

Для цитирования: Батюк В.И. Военная стратегия администрации Дж. Байдена в Индо-Тихоокеанском регионе. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024. 54(6):5-18. DOI: 10.31857/S2686673024060014 EDN: ZBRSVY

The Military Strategy of the Biden Administration in the Indo-Pacific Region

Vladimir I. Batyuk

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies
Russian Academy of Sciences.*

2/3, Khlebny pereulok, Moscow 121069, Russian Federation.

ResearcherID: O-9977-2015 Scopus Author ID: 54883750900 ПИНЦ ID: 74138

ORCID: 0000-0003-1838-8616 e-mail: ctas@inbox.ru

Abstract: From the point of view of the American ruling elite, China is the main opponent of the United States in the international arena. Currently, the balance of forces (economic, military, technological) between the United States and China is changing not in favor of America, and Washington is forced to build a whole system of alliances and partnerships in the Indo-Pacific region for strategic deterrence and, possibly, strategic encirclement of the PRC. The very idea of the IPR arose from the American ruling elite as the optimal form for the imple-

mentation of this strategy. Currently, however, the United States has failed to realize the idea of China's economic and political isolation – not all countries in the Indo-Pacific region are ready to join the anti-Chinese policy of the United States.

Keywords: Indo-Pacific region, deterrence, strategic environment, balance of power, economic isolation.

For citation: Batyuk, V.I. The Military Strategy of the Biden Administration in the Indo-Pacific Region. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024. 54(6):5-18.

DOI: 10.31857/S2686673024060014 EDN: ZBR SVY

ВВЕДЕНИЕ

В XXI веке именно Индо-Тихоокеанский регион стал важнейшим региональным направлением американской военно-политической стратегии – и для этого имелись веские основания. Ещё при администрации Б. Обамы было объявлено о «перебалансировке» американской политики в направлении Азиатско-Тихоокеанского региона. При этом главным противником США в регионе была объявлена Северная Корея, а по поводу Китая в документе было сказано: «Соединённые Штаты приветствуют укрепление стабильного, мирного и процветающего Китая. Мы стремимся к развитию конструктивных отношений с Китаем, которые приносят выгоду народам наших двух стран, а также способствуют безопасности и благополучию Азии и всего мира. Мы стремимся к сотрудничеству в решении общих региональных и глобальных вопросов, таких как климатические изменения, здоровье населения, экономический рост и создание безъядерной зоны на Корейском полуострове. Хотя конкуренция будет обязательно, мы не верим в неизбежность конфронтации» [5: 24–25].

Однако всё резко изменилось после прихода к власти Д. Трампа. Именно при нём Азиатско-Тихоокеанская стратегия США трансформировалась в Индо-Тихоокеанскую. И смысл такой трансформации был один – стратегическое окружение Китая [Батюк В.И., 2020].

Хотя первоначально идея Индо-Тихоокеанского региона была выдвинута в целях интенсификации торгово-экономического сотрудничества Южной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона (так, ещё в 2007 г., выступая в индийском парламенте, тогдашний премьер-министр Японии Синдзо Абэ выдвинул предложение о формировании «пространства двух океанов» – Тихого и Индийского), однако в дальнейшем идея ИТР была использована Вашингтоном для расширения числа партнёров и союзников в деле противостояния Китаю.

В Стратегии национальной безопасности, утверждённой президентом США Д. Трампом в декабре 2017 г., о главных вызовах национальной безопасности США говорилось следующее: «Китай и Россия бросает вызов американской мощи, влиянию и интересам, пытаясь подорвать американскую безопасность и процветание» [6: 3–4]. Соответственно, национальная оборонная стратегия США 2018 г. следующим образом определяла характер ВОЕННЫХ угроз Соединён-

ным Штатам: «Центральным вызовом американскому процветанию и безопасности является *восстановление долгосрочного стратегического соперничества* со стороны тех, кого стратегия национальной безопасности классифицирует как ревизионистские державы. Становится всё более ясно, что Китай и Россия хотят изменить мир в соответствии со своей авторитарной моделью» [9: 2].

В соответствии с этим подходом при Трампе резко вырос военный потенциал сформированного в 2018 г. Индо-Тихоокеанского командования. В следующем, 2019 г., Министерство обороны США сформулировало свою Индо-Тихоокеанскую стратегию. К концу первой президентской каденции Д. Трампа в распоряжении Индо-Тихоокеанского командования (*USINDOPACOM*) имелось более 2 000 самолётов, 200 кораблей и подводных лодок и более 370 000 солдат, моряков, морских пехотинцев, лётчиков, гражданских лиц Министерства обороны [2: 19].

Неудивительно, что Вашингтон стремится сохранить своё военное превосходство в ИТР: «В течение 75 лет Соединённые Штаты поддерживали сильное и последовательное оборонное присутствие, необходимое для регионального мира, безопасности, стабильности и процветания. Соединённые Штаты были верным региональным союзником и останутся таковым в XXI веке. Сегодня мы расширяем и модернизируем эту роль: Соединённые Штаты наращивают наши возможности по защите наших интересов, а также по сдерживанию агрессии <...> против территории США и наших союзников и партнёров» [2: 12].

С точки зрения правящих кругов Соединённых Штатов, именно Китай является наиболее серьёзным вызовом американскому военному превосходству в ИТР. Как указывается в Стратегии национальной безопасности, утверждённой в октябре 2022 г., «непосредственный стратегический вызов, стоящий перед нами, исходит от держав, которые сочетают авторитарное управление с ревизионистской внешней политикой <...> Россия и КНР ставят перед собой разные задачи. Россия представляет непосредственную угрозу свободной и открытой международной системе, безрассудно попирая основные законы международного порядка сегодня, как показала её жестокая агрессивная война против Украины. КНР, напротив, является единственным конкурентом, обладающим как намерением изменить международный порядок, так и, во всё большей степени, экономической, дипломатической, военной и технологической мощью для достижения этой цели» [7: 8].

При всех политических разногласиях с республиканцем Трампом демократ Дж. Байден в целом продолжил Индо-Тихоокеанскую стратегию своего предшественника. Как говорилось в Индо-Тихоокеанской стратегии Соединённых Штатов, одобренной в феврале 2022 г., «Соединённые Штаты являются индо-тихоокеанской державой. В регионе, простирающемся от нашего тихоокеанского побережья до Индийского океана, проживает более половины населения мира, почти две трети мировой экономики и семь крупнейших в мире вооружённых сил. В регионе базируется больше военнослужащих США, чем в любой другой стране за пределами Соединённых Штатов. Он обеспечивает более трёх

миллионов рабочих мест в Америке и является источником почти 900 млрд долл. прямых иностранных инвестиций в Соединённые Штаты. В предстоящие годы, поскольку на регион приходится до двух третей мирового экономического роста, его влияние будет только расти, как и его важность для Соединённых Штатов» [3: 4].

В Стратегии национальной обороны Соединённых Штатов Америки, утверждённой в октябре 2022 г., Народно-освободительная армия Китая (НОАК) была представлена как главная военная угроза для США: «КНР расширила и модернизировала почти все показатели военной мощи НОАК, уделяя особое внимание нейтрализации военных преимуществ США <...> В дополнение к расширению своих обычных вооружённых сил, НОАК быстро расширяет и консолидирует свои возможности ведения космической, кибернетической, электронной и информационной войны <...> КНР также расширяет глобальное присутствие НОАК и работает над созданием более надёжной инфраструктуры за рубежом и базирования, чтобы позволить ей проецировать военную мощь на большие расстояния. Параллельно КНР ускоряет модернизацию и расширение своего ядерного потенциала. Соединённые Штаты и их союзники и партнёры будут всё чаще сталкиваться с проблемой сдерживания двух крупных держав, обладающих современным и перспективным ядерным потенциалом – КНР и России, что создаёт новые проблемы для стратегической стабильности» [4: 4].

КИТАЙ – ВЫЗОВ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США В ИТР

В своём докладе перед комитетом по делам вооружённых сил Палаты представителей Конгресса США командующий Индо-Тихоокеанским командованием адмирал Дж. Акилино (*John Christopher Aquilino*) указал на значительный рост китайского военного и военно-технического потенциала в последние годы. По его словам, за последние три года на вооружение китайских ВВС поступили 400 боевых самолётов (в основном 4-го и 5-го поколений) и 20 боевых кораблей, включая крейсера с управляемыми ракетами на борту, эсминцы и фрегаты. Количество развёрнутых баллистических и крылатых ракет на вооружении Народно-освободительной армии Китая за эти три года более чем удвоилось. За этот же период Китай на 50% увеличил количество запущенных спутников и удвоил количество находящихся на вооружении НОАК ядерных боеголовок [8: 6–8].

Эта военная мощь, как полагают в Министерстве обороны, может быть использована для достижения военно-политических целей Пекина в отношении Тайваня, в районе индо-китайской границы и в Южно-Китайском море.

По американским оценкам, Пекин значительно усилил своё военное давление на *Тайвань* в 2022 г. в ответ на предполагаемый политический сдвиг в американо-тайваньских политических и военных связях. После визита в августе 2022 г. спикера Палаты представителей США Н. Пелоси НОАК развернула свои наиболее боеспособные силы вокруг Тайваня и провела пуски баллистических

ракет в качестве демонстрации силы: НОАК нормализовала патрулирование военными кораблями вокруг Тайваня и увеличила количество военных полётов, пересекающих самопровозглашённую опознавательную зону ПВО Тайваня. Кроме того, ВВС НОАК неоднократно осуществляли перехваты самолётов США и союзников после августа 2022 г. В 2023 г. китайские военные маневры вокруг Тайваня продолжились. Что особенно беспокоит Индо-Тихоокеанского командование (USINDOPACOM) – так это тот факт, что в ходе этих манёвров НОАК отрабатывались широкомасштабные десантные операции (иными словами, захват Тайваня) [8: 8–9].

Ещё одна «горячая точка» в ИТР, вызывающая особую озабоченность у американских военных – линия фактического контроля в районе индо-китайской границы. Пограничные споры между КНР и Республикой Индия до сих пор не урегулированы. Индия не признала захват Китаем Аксай-Чина в 1962 г. КНР претендует на большую часть территории индийского штата Аруначал-Прадеш на северо-востоке Индии. Напряжённость в отношениях между КНР и Индией вдоль линии фактического контроля, фактической границы между Индией и КНР, остаётся высокой после значительного столкновения в июне 2020 г. и ещё одного инцидента в декабре 2022 г. В этих территориальных спорах между Пекином и Нью-Дели Соединённые Штаты заняли сторону Индии. Поведение китайской стороны, в том числе и расширение китайской военной инфраструктуры вдоль линии фактического контроля, подается как «рискованное поведение» [8: 9–10].

Особую озабоченность у американской стороны вызывают претензии Китая на *морские пространства в Южно-Китайском море*. Американские военные отмечают, что продолжается милитаризация китайских островных владений. Как утверждает Индо-Тихоокеанское командование, КНР продолжает претендовать на японский архипелаг Сенкаку в *Восточно-Китайском море* и проводит там демонстрации силы: так, корабли пограничной охраны КНР периодически входят в территориальные воды архипелага, пытаясь оттеснить японских рыбаков [8: 9–10].

АМЕРИКАНСКИЙ ОТВЕТ НА КИТАЙСКИЙ ВЫЗОВ

Каким же образом Соединённые Штаты собираются противостоять этому вызову со стороны КНР? В опубликованной через несколько дней после СНБ-2022 Национальной оборонной стратегии США (US National Defense Strategy, NDS-2022) говорится, что в условиях китайского вызова Министерство обороны США имеет следующие приоритеты:

- Защита США в условиях растущей многодоменной угрозы, исходящей от КНР;
- Сдерживание стратегических атак против Соединённых Штатов, союзников и партнёров;

- Сдерживание агрессии при одновременной готовности одержать верх в конфликте, когда это необходимо, уделяя при этом приоритетное внимание вызову КНР в Индо-Тихоокеанском регионе, а затем и вызову России в Европе; и
- Создание устойчивой экосистемы Объединённых Сил и обороны [4: 7].

Что касается конкретно Индо-Тихоокеанского командования, то в своём противостоянии китайской угрозе командование исходит из необходимости проведения совместных операций с союзниками и партнёрами, использования новейших вооружений и военной техники, обеспечения оперативной совместности с американскими союзниками в регионе, передового базирования американских вооружённых сил в ИТР, отработки межвидовых и комбинированных операций с американскими союзниками [8: 16–17]. В настоящее время вооружённые силы США завершили двенадцать строительных проектов в Индо-Тихоокеанском регионе на сумму 146 млн долл. [8: 19].

Индо-Тихоокеанское командование Соединённых Штатов исходит из того, что надёжная оборона к западу от линии смены дат должна опираться на нескольких кластеров – гуамский, японский, австралийский и филиппинский.

Гуамский кластер

Гуамский кластер, который включает территории США (Гуам, Содружество Северных Марианских островов, остров Уэйк и остров Мидуэй) и «свободно ассоциированные государства», которые состоят из Федеративных Штатов Микронезии, Республики Палау и Республики Маршалловы острова, имеет, по оценкам Индо-Тихоокеанского командования США, решающее значение для позиций США на тихоокеанском театре военных действий. Завершается строительство базы Корпуса морской пехоты Кэмп Блейз (*Camp Blaze*), куда уже в конце года начнётся переброска морских пехотинцев с Окинавы. Остров Гуам важен для поддержания межвидовой группировки войск Индо-Тихоокеанского командования в качестве основной оперативной базы. В настоящее время *USINDOPACOM* и «Свободно ассоциированные государства» ведут переговоры о дополнительных оборонительных объектах американских вооружённых сил на территории Федеративных Штатов Микронезии, Республики Палау и Республики Маршалловы острова. Американская сторона готова оказать экономическую помощь своим партнёрам из Гуамского кластера: в мае 2023 г. США подписали соглашения с Микронезией и Палау о продлении экономической помощи на 20 лет, а в октябре 2023 г. США подписали аналогичное соглашение с Маршалловыми островами [8: 17–18].

Создание 360-градусной интегрированной системы противовоздушной и противоракетной обороны на Гуаме остаётся для *USINDOPACOM* наивысшим приоритетом. Предполагается обеспечить передовую, интегрированную, постоянную и долговечную многоуровневую защиту от баллистических, крылатых и гиперзвуковых ракет. Именно на Гуаме Вашингтон планирует разместить бал-

листические и крылатые ракеты средней дальности наземного базирования ракет SM-6 и «Томагавк» для усиления сдерживания Китая [1, 2023].

Японский кластер

Соединённые Штаты работают над укреплением японо-американского альянса и оптимизацией взаимодействия вооружённых сил США с японскими силами самообороны путём передового развёртывания более универсальных, устойчивых и мобильных средств. Американские вооружённые силы, развёрнутые преимущественно на Юго-Западных островах Японии (острова Рюкю), должны, в соответствии с замыслом Индо-Тихоокеанского командования, укрепить возможности разведки, наблюдения, сдерживания и реагирования. Для решения этой задачи американцы разместили свои дроны MQ-9 Reaper на японской авиабазе «Канойя», а радар системы *TPS-80* – на архипелаге Сакишима. В последние годы возросла интенсивность японо-американских совместных манёвров и учений [8: 18–19]. Попытки американцев добиться согласия японцев на размещение на территории Японии американских ракет средней дальности наземного базирования (американцы планируют развернуть эти ракеты на острове Кюсю, обращённом к Восточно-Китайскому морю) до сих пор, однако, не увенчались успехом: в Токио хорошо отдают себе отчёт в том, что в случае появления этих ракет на японской территории КНР и РФ сочтут это прямой угрозой для себя и примут соответствующие меры [1, 2023].

Филиппинский кластер

Индо-Тихоокеанское командование добилось значительного прогресса в улучшении оперативной совместимости вооружённых сил США и Филиппин благодаря использованию Соглашения о расширенном оборонном сотрудничестве. Данное соглашение позволяет Соединённым Штатам строить инфраструктуру и размещать военное оборудование в согласованных местах. В соответствии с Соглашением о расширенном оборонном сотрудничестве американская военная инфраструктура в регионе, а также американские инвестиции помогают восполнить пробелы в потенциале вооружённых сил Филиппин, поддержать их долгосрочную модернизацию и улучшить позиции Министерства обороны США для реагирования на мероприятия по оказанию гуманитарной помощи/ликвидации последствий стихийных бедствий. В феврале 2023 г. правительства США и Филиппин объявили о добавлении четырёх объектов вооружённых сил Филиппин в перечень мест, где осуществляется сотрудничество американских и филиппинских военных, в результате чего на сегодняшний день общее количество таких объектов достигло девяти, а инвестиции США в укрепление военной безопасности страны составили около 109 млн долл. [8: 19].

Австралийский кластер

Соединённые Штаты и Австралия договорились о продолжении ротационного присутствия США в воздушной, наземной, морской и космической сферах, включая ротацию оперативных групп бомбардировщиков США. Лидеры стран определили приоритетные объекты в Австралии для поддержки усиленной дислокации сил США, чтобы обеспечить возможность совместных учений и постоянного американского военного присутствия. В настоящее время проводится оценка потенциального использования различных мест в Австралии для материально-технического обеспечения, что позволит увеличить количество размещённых на австралийской территории боеприпасов и топлива для американских вооружённых сил. Составной частью австралийского кластера, как считают в Министерстве обороны США, является и Папуа-Новая Гвинея. С властями этой страны американское военно-политическое руководство заключило в мае 2023 г. двустороннее соглашение о сотрудничестве в области обороны [8: 19–20].

С точки зрения Индо-Тихоокеанского командования большое значение имеют и возглавляемые США союзы и партнёрства в регионе. **АУКУС (AUKUS)**, созданный в 2021 г. после заключения союза между Австралией, Великобританией и США, представляет собой трёхстороннее партнёрство в области безопасности. Первая инициатива в рамках АУКУС «Столп 1» (*AUKUS Pillar I*) заключалась в определении оптимального пути передачи Королевским ВМС Австралии атомной подводной лодки с обычным вооружением, которая была завершена, и результаты были официально объявлены 13 марта 2023 г. Усилия второго компонента АУКУС «Столп 2» (*AUKUS Pillar II*) сосредоточены на наращивании потенциала трёхсторонней комиссии в областях, представляющих общий интерес, включая подводную войну, киберпространство, искусственный интеллект и квантовые вычисления, чтобы обеспечить в будущем ключевые боевые действия высокого уровня и укрепить позиции объединённых сил США и их союзников [8: 28–29].

Соединённые Штаты придают большое значение взаимоотношениям в трёхстороннем формате **США – Япония – Республика Корея**. В последние годы американским военным удалось добиться повышения оперативной совместимости, расширения обмена разведанными и укрепления эффективной коммуникации в трёхстороннем формате. В учениях по противоракетной обороне у берегов Гавайев отрабатывались обнаружение, отслеживание и перехват имитированных целей. В манёврах, наряду с США, Японией и РК, также приняли участие Канада и Австралия [8: 29].

Большое внимание Индо-Тихоокеанское командование уделяет отношениям с таким ключевым союзником США в ИТР, как **Южная Корея**. Для эффективного сдерживания КНДР американские военные возобновили крупные учения на Корейском полуострове, осуществили первое размещение американских истребителей 5-го поколения (F-35) на Корейском полуострове, первый за несколь-

ко десятилетий прилёт стратегического бомбардировщика B-52 в РК и первый за четыре года визит американской авианосной ударной группировки во главе с авианосцем «Рональд Рейган» в страну – всё это продемонстрировало сохраняющуюся приверженность США американо-южнокорейскому альянсу.

РК остаётся ценным партнёром и союзником США в ИТР: достаточно сказать, что военный бюджет Сеула достиг в 2023 г. почти 43 млрд долл. Это – крупнейший оборонный бюджет РК за всю историю страны и отражает планы по реструктуризации и модернизации вооружённых сил Южной Кореи и обретению ими возможностей, необходимых для перехода южнокорейских властей к оперативному управлению вооружёнными силами Южной Кореи в военное время (до сих пор южнокорейские войска находились под американским оперативным управлением) [8: 31–32].

Помимо вышеупомянутого трёхстороннего формата существует и четырёхсторонний формат диалога по проблемам безопасности и сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе (*QUAD*) – «четвёрка», состоящая из Японии, Австралии, Индии и Соединённых Штатов, является важным дипломатическим партнёрством с точки зрения американской политики в ИТР. Хотя она и не является военным альянсом, её страны-члены сотрудничают в области передовых технологий, развития более совершенной инфраструктуры и повышения кибербезопасности, демонстрируя способность всех четырёх стран формировать благоприятную для них среду безопасности в регионе. Все они участвуют в военных учениях «Малабар» (*Malabar*) для продвижения коллективного планирования, интеграции и применения передовых тактик ведения войны [8: 29–30].

Особое значение Индо-Тихоокеанское командование придает взаимоотношениям с **Индией**. Оно сотрудничает с ВМС Индии в различных форматах – обмен информацией, проведение совместных учений, таких как международная авиакосмическая выставка АЭРО Индия (*AERO India*) и совместные учения «Тигр ТРИУМФ» (*TIGER TRIUMPH*). Американские боевые корабли получили возможность осуществлять ремонт на индийских верфях. Идут переговоры о совместном американо-индийском производстве и совместной разработке вооружений и военной техники [8: 38–39].

АМЕРИКАНСКИЕ ОЦЕНКИ СООТНОШЕНИЯ СИЛ В ИТР

Таким образом, американская военная политика и стратегия полностью перестроились в соответствии с изменившейся стратегией национальной безопасности США при президентах Трампе и Байдене. Важнейшие перемены, которые внесли в СНБ США 45-й и 46-й президенты Соединённых Штатов, сводятся к тому, что Китай сейчас главный противник Америки на международной арене, и прежде всего в Индо-Тихоокеанском регионе.

В соответствии с этими установками высшего политического руководства Соединённых Штатов американские военные существенно изменили свои и

стратегические, и оперативно-тактические концепции в зоне ответственности Индо-Тихоокеанского командования. В американских кругах, однако, задаются вопросом: достаточны эти меры для того, чтобы решить те военно-политические задачи, которые ставит перед собой Вашингтон в ИТР?

Профессор университета Дж. Хопкинса Х. Брэндс полагает, что в случае военного конфликта с Китаем Соединённые Штаты столкнутся с противником, который многократно превосходит США по своей производственной мощи. Так, например, КНР в 3 раза превосходит Америку по размерам судостроительной промышленности. И быстро исправить эту ситуацию не получится: Америке не хватает оборудования и обученной рабочей силы, которые потребовались бы для мобилизации в военное время.

Между тем широкомасштабный американо-китайский конфликт может привести к серьёзным потерям вооружений и военной техники у ВС США. По американским оценкам, США могут потерять два авианосца и от 700 до 900 боевых самолётов (почти половину общего количества боевых самолётов на вооружении ВВС США) – и это ещё при благоприятном для Соединённых Штатов сценарии этого конфликта. Между тем уже теперь Министерство обороны США вынуждено направлять значительную часть своих военных запасов на помощь Украине. Вывод Х. Брэндса однозначен: США не готовы сейчас к войне с Китаем, а вот Пекин очень быстро наращивает свою военную мощь и готовится к конфликту с Соединёнными Штатами [Brands H., 2022].

В свою очередь старший преподаватель международных отношений Веллингтонского университета Виктории (Новая Зеландия) В. Джексон поставил под сомнение достижимость главной цели американской политики в ИТР – а именно сохранение американской гегемонии в данном регионе: «Вместо сохранения превосходства азиатская политика США только создаст угрозу миру в регионе. Огромные военные инвестиции, необходимые для того, чтобы Соединённые Штаты оставались доминирующей державой в Индо-Тихоокеанском регионе, требуют обогнать Китай по военной мощи в районах, где он имеет наивысшие возможности – вблизи китайских берегов и вдали от территории США. Это невыполнимая задача. Возьмём, к примеру, шаги, которые должен предпринять Вашингтон, чтобы начать войну за Тайвань. У Китая есть естественное огромное преимущество, заключающееся в близком расположении: весь остров находится в пределах досягаемости китайских ракет. Чтобы отразить нападение НОАК на Тайвань, Соединённым Штатам потребуется просто абсурдное количество современных вооружений и систем ПРО и ПВО» [Jackson V, 2023].

Возникает, однако, вопрос: какова же альтернатива нынешней американской индо-тихоокеанской стратегии, в основе которой лежит противостояние Китаю?

Некоторые американские эксперты предлагают инициировать предметный американо-китайский диалог по ядерной стабильности и безопасности. Так, американские исследователи Х. Биннедийк и Д. Гомперт полагают, что Соеди-

нённым Штатам следует заключить соглашение с Китаем о неприменении первыми ядерного оружия в отношении друг друга. Авторы не видят возможности заключить аналогичное соглашение с Россией («поскольку её возможности в области обычных вооружений слабы и сокращаются, Россия зависит от угрозы применения ядерного оружия в случае нападения на её территорию»). Соглашение же с КНР о ядерной безопасности станет первым шагом «в более длительном процессе достижения большей ядерной стабильности в Азии и, таким образом, снижения риска ядерной войны» [Binnendijk H., Gompert D., 2023].

Некоторые американские эксперты полагают, что американская военная мощь в ИТР должна быть дополнена попытками дипломатического урегулирования конфликта с Пекином. Так, американские исследователи Б. Глэйзер, Дж. Вайс и Т. Кристенсен полагают, что Вашингтон должен заверить китайское руководство в том, что США не поддерживают независимость Тайваня, выступают против любого одностороннего изменения статус-кво любой из сторон, не проводят политику «двух Китаев» или «один Китай, один Тайвань» и не стремятся использовать Тайвань как часть стратегии сдерживания Китая или поощрять Тайбэй к провозглашению независимости [Glaser B., Weiss J., Christensen T., 2023].

Б. Глэйзер, Дж. Вайс и Т. Кристенсен также полагают, что Вашингтону следует уведомить Пекин по дипломатическим каналам о своих конфиденциальных контактах с Тайбэем о недопустимости одностороннего провозглашения независимости. «Соединённые Штаты могли бы быть более прозрачными в отношении параметров своих «неофициальных отношений» с Тайбэем, включая добровольно введённые ограничения на визиты на Тайвань президента США, вице-президента, госсекретаря и министра обороны, – полагают соавторы. – Точно так же, как исполнительная власть не направляет на Тайвань лиц, занимающих четыре высшие должности в правительстве США, точно так же, исходя из политики, Конгресс не должен направлять на Тайвань председателя Сената (который также является вице-президентом Соединённых Штатов), временного председателя Сената, или спикер Палаты представителей» [Glaser B., Weiss J., Christensen T., 2023].

Возникает, однако, вопрос: удовлетворится ли Китай такого рода дипломатическими любезностями со стороны Вашингтона? Ведь все эти «уступки», предложенные американскими экспертами, не меняют сути американской политики на китайском направлении. США продолжают снабжать Тайвань вооружениями и военной техникой стоимостью в миллиарды долларов [Copp T., Baldor L., 2022]; Соединённые Штаты продолжают свою политику стратегического окружения Китая за счёт формирования союзнических и партнёрских связей в Индо-Тихоокеанском регионе по периметру китайских границ.

Между тем соотношение сил в ИТР меняется не в пользу США – и это вынуждены признавать и в Министерстве обороны. Так, в опубликованном министерством в ноябре 2022 г. докладе указывалось, что к 2030 г. НОАК будет располагать 1 000 ядерных боезарядов, а к 2035 г. у китайцев будет 1 500 ядерных бое-

головок. Как подчёркивалось в докладе, растущий арсенал Пекина создаёт неопределённость для Вашингтона, которому придётся уже в ближайшем будущем сдерживать не одну, а две ядерные сверхдержавы, Россию и Китай, одновременно [Copp T., Baldor L, 2022].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

До сих пор попытки официального Вашингтона добиться стратегического окружения и изоляции Китая в Индо-Тихоокеанском регионе успехом не увенчались. США сохраняют союзнические отношения со своими традиционными (со времён первой холодной войны) союзниками в регионе: Японией, Южной Кореей, Филиппинами, Австралией, Сингапуром. Но вот добиться от других стран присоединения к американской системе альянсов в ИТР Соединённые Штаты не смогли. Так, Четырёхсторонний формат диалога по проблемам безопасности и сотрудничеству в Индо-Тихоокеанском регионе американцы так и не смогли трансформировать в полноценный военный союз из-за позиции Индии, не желающей присоединяться к антикитайской системе союзов, которую США пытаются создать в ИТР.

Нежелание стран региона вступать в антикитайские альянсы объясняется прежде всего экономическими соображениями. Выход США из Транс-Тихоокеанского партнёрства в январе 2017 г. и образование Всестороннего регионального экономического партнёрства (ВРЭП) (в котором ведущую роль играет КНР) в 2020 г. предопределили лидерство Китая в экономических процессах в ИТР. В этих условиях даже ближайшие региональные союзники США – Австралия, Новая Зеландия, Сингапур, Филиппины, Южная Корея, Япония (все страны – участники ВРЭП) не готовы разорвать экономические связи с Пекином в угоду Вашингтону. Тем более не готовы это сделать страны, не связанные с Соединёнными Штатами формальными военно-политическими обязательствами.

Что касается соотношения военных сил в ИТР, то здесь ситуация меняется не в пользу США. Америка утратила то абсолютное военное превосходство, которым она располагала в прибрежных районах Китая в годы первой холодной войны. В настоящее время, судя по заявлениям Индо-Тихоокеанского командования, американцы рассчитывают удержать линию обороны Япония – Гуам – Австралия. Не в пользу Соединённых Штатов меняется и стратегический ядерный баланс между КНР и США.

Сама идея стратегического окружения Китая представляется нереалистичной в условиях сокращения американского присутствия на Большом Ближнем Востоке и сохранения российско-китайского партнёрства.

ИСТОЧНИКИ

1. США планируют в 2024 году разместить наземные ракеты средней дальности в Азии. ТАСС. 03.12.2023. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19441939>. (accessed 29.02.2024).
2. Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region. July 1, 2019. The Department of Defense. – Washington, D.C., 2019.
3. Indo-Pacific Strategy of the United States. – White House, Washington, D.C. February 2022.
4. National Defense Strategy of the United States of America. Including 2022 Nuclear Posture Review and 2022 Missile Defense Review. – Washington, D.C. Department of Defense. October 27, 2022.
5. National Security Strategy. February 2015 – Washington, D.C., 2015.
6. National Security Strategy of the United States of America. December 2017. – Washington, D.C., 2017.
7. National Security Strategy. October 2022. – White House, Washington, D.C., 2022.
8. Statement of Admiral John C. Aquilino, U.S. Navy Commander, U.S. Indo-Pacific Command. U.S. Indo-Pacific Command Posture. 20 March 2024.
9. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States. Washington, D.C. Department of Defense. 2018.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Батюк В.И. Структура взаимоотношений в рамках «стратегического треугольника» (США – КНР – РФ) // *Россия и Америка в 21 веке*. 2020 г. Выпуск № 3. DOI: 10.18254/S207054760011657-9 (accessed 01.06.2020).

REFERENCES

Batyuk, V.I. Novaia rossiisko-amerikanskaia gonka iadernykh vooruzhenii [The structure of relations within the framework of the "strategic triangle" (USA – China – Russia)] (In Russ.). *Russia and America in the 21st century*. 2020. № 3. DOI: 10.18254/S207054760011657-9 (accessed 01.06.2020).

Binnendijk, H., Gompert, D. Towards Nuclear Stewardship with China *Survival*. 2023, No. 1. Available at: <https://doi.org/10.1080/00396338.2023.2172846> (accessed 10.01.2024).

Brands, H. Ukraine War Shows the US Military Isn't Ready for War with China. *Bloomberg*. 18.09.2022. Available at: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2022-09-18/ukraine-war-shows-the-us-military-isn-t-ready-for-war-with-china> (accessed 01.10.2022).

Copp, T., Baldor, L. China to increase nuclear warheads to 1,500, Pentagon warns. *Associated Press*. November 29, 2022. Available at:

<https://apnews.com/article/taiwan-europe-china-united-states-beijing-af4dd76e993f450df7af8e63d1a0187c> (accessed 15.12.2022).

Glaser B., Weiss J., Christensen T. Taiwan and the True Sources of Deterrence. *Foreign Affairs*. November 30, 2023. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/taiwan/taiwan-china-true-sources-deterrence> (accessed 01.10.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БАТЮК Владимир Игоревич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института США и Канады имени академика Г.А. Арбатова РАН (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Vladimir I. BATYUK, Doctor of Science in History, Senior Research Fellow, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN). 2/3, Khleby pereulok, Moscow 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 25.03.2024 / Received 25.03.2024.

Статья поступила после рецензирования 10.04.2024 / Revised 10.04.2024.

Статья принята к публикации 12.04.2024 / Accepted 12.04.2024.

УДК 330.33.01

JEL: F10, F13, F15, F17, F60.

DOI: 10.31857/S2686673024060023

EDN: ZBPMDE

Актуальные аспекты внешнеторговой политики США

А.М. Меньшикова

Институт Соединённых Штатов Америки и Канады им. Г.А. Арбатова

Российской академии наук (ИСКРАН)

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, д 2/3.

РИНЦ ID: 767641 ORCID: 0000-0003-2853-5931

e-mail: a.menshikova@iskran.ru

Резюме: Международная торговая политика администрации Дж. Байдена, обусловленная доминированием экономических и политических соображений и отдающая приоритет экономическим проблемам самих Соединённых Штатов, является, по сути, продолжением протекционистской, националистически-популистской торговой политики, характерной для периода президентства Д. Трампа: она лишена стратегического видения и чревата неопределённостью и перспективой продолжения и возникновения новых торгово-экономических противоречий и конфликтов даже с ближайшими союзниками и партнёрами США.

Ключевые слова: демократическая администрация Дж. Байдена, торговая политика США, ВТО, соглашения о свободной торговле, Евросоюз, протекционистские тарифы, промышленная политика Белого дома, внешнеэкономические связи США.

Для цитирования: Меньшикова А.М. Актуальные аспекты внешнеторговой политики США. США & Канада: экономика, политика, культура, 2024. 54(6):19–30. DOI: 10.31857/S2686673024060023 EDN: ZBPMDE

Current Aspects of U.S. Foreign Trade Policy

A.M. Menshikova

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies

Russian Academy of Sciences (ISKRAN)

2/3 Khleby lane, Moscow, 121069, Russian Federation.

РИНЦ ID: 767641 ORCID: 0000-0003-2853-5931

e-mail: a.menshikova@iskran.ru

Abstract: The foreign trade policy of the Biden administration, due to the dominance of economic and political considerations and the priority given to the internal economic problems of the United States itself, has largely retained the same protectionist, nationalist-populist nature of the trade policy characteristic of Donald Trump's presidency. It is devoid of strategic vision and is fraught with uncertainty and the real prospect of continuing existing trade and economic contradictions and conflicts, even with the closest allies and partners of the United States, and the emergence of new ones.

Keywords: Democratic administration of J. Biden, U.S. trade policy, WTO, free trade agreements, European Union, protectionist tariffs, White House industrial policy, U.S. foreign economic relations

For citation: Menshikova, A.M. Current aspects of U.S. foreign trade policy. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024. 54(6):19–30. DOI: 10.31857/S2686673024060023 EDN: ZBPMDE

ВВЕДЕНИЕ

Управление торгового представителя США (*The Office of the United States Trade Representative*) 1 марта 2024 г. опубликовало Повестку дня торговой политики президента Дж. Байдена на 2024 г. и Годовой отчёт за 2023 г. В документах указывается на «продвижение торговой политики, ориентированной на трудящихся, повышение устойчивости цепочек поставок и создание справедливой и устойчивой торговой практики» [1]. Реализация указанных целей осуществляется в контексте экономического видения администрацией Дж. Байдена приоритетов торгово-экономической политики Соединённых Штатов посредством переговоров по торговым соглашениям с союзниками и партнёрами [Меньшикова А.М., 2021, 11: 80–92]. Один из центральных постулатов предвыборной кампании кандидата в президенты США от Демократической партии состоял в решительном дистанцировании от торговой политики президента-республиканца Д. Трампа за счёт возрождения международного сотрудничества, дипломатии и отношений с союзниками. Однако существенного разворота в торговой политике не произошло. Несмотря на более дружелюбный, чем при Д. Трампе, протокольный тон общения с зарубежными торгово-экономическими партнёрами, в целом сохраняется преемственность в позициях предыдущей республиканской администрации с точки зрения содержания внешнеторговой политики Белого дома. В целом невыполненными остаются декларативные заявления об отказе от торговой политики Д. Трампа, отмене введённых им заградительных протекционистских тарифов на сталь и алюминий под предлогом соблюдать требования национальной безопасности Соединённых Штатов. Отсутствует прогресс на переговорах о прекращении торговой войны с Китаем; не возобновляется процесс выработки соглашения о свободной торговле с Европейским Союзом и Великобританией и подача заявки на присоединение США к Всеобъемлющему и прогрессивному соглашению о Транстихоокеанском партнёрстве (*The Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership*). Возрождение приверженности США ВТО и основанной на правилах многосторонней торговой системы и прекращение бойкота деятельности Апелляционного органа ВТО пока не происходит.

ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ США (ИТОГИ 2023 г. И ПЕРСПЕКТИВЫ 2024 г.)

В опубликованных Управлением торгового представителя США упомянутых документах экономические отношения между США и Европейским Союзом характеризуются как имеющие решающее значение. Такое партнёрство Белый дом рассматривает как необходимое условие достижения «общего понимания процветания и безопасности». Однако в силу того, что администрация Дж. Байдена уделяет первостепенное внимание внутреннему укреплению экономики и стратегическому позиционированию против Китая, внешнеторговые инициативы в отношении ЕС явно отошли на второй план. Ни Дж. Байден, ни торговый представитель США К. Тай не комментируют возможность возобновления сделок с ЕС по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнёрству (ТТИП) (*Transatlantic Trade and Investment Partnership*), активное продвижение к заключению которого было характерно для демократической администрации Б. Обамы.

В июне 2021 г. председатели Комиссии ЕС У. фон дер Ляйен и Дж. Байден договорились о предварительном компромиссе, связывающем вопросы климата и торговли. Президент США предложил ЕС приостановить действие введённых ещё при Д. Трампе американских протекционистских пошлин на импорт 3,3 млн т стали и 384 тыс. т алюминия из ЕС в год. Однако этих объёмов явно недостаточно, доходы европейских поставщиков снижаются, позиции сторон относительно перспектив урегулирования вопроса о пошлинах далеки друг от друга. В октябре 2023 г. между США и ЕС была достигнута договорённость продолжить переговоры о том, чтобы продлить приостановку действия пошлин, хотя они могут быть быстро восстановлены, став причиной возобновления торгового конфликта.

Существенная часть Повестки дня торговой политики на 2024 г. посвящена «сложным и конкурентным торговым отношениям» между США и Китаем, в адрес которого выдвинуты обвинения в распространении нерыночной политики, искажающей мировой рынок из-за несправедливого, антиконкурентного поведения, подрыве устойчивости цепочек поставок, ограничении доступа к внутреннему рынку и несоблюдении трудовых и экологических стандартов. В качестве мер противодействия указанным вызовам, администрация Дж. Байдена использует внутренние «инвестиции» – двухпартийный закон «Об инфраструктуре», закон «О ЧИПС и науке» (*CHIPS and Science Act – Creating Helpful Incentives to Produce Semiconductors for America Act, CHIPS Act*) и закон «О снижении инфляции». Кроме того, предпринимаются усилия по международному сотрудничеству для разработки эффективных ответов на так называемую нерыночную политику Китая. Сюда входят одобрение Австралией, Канадой, Японией, Новой Зеландией, Великобританией и США Совместной декларации по борьбе с экономическим принуждением. Соединённые Штаты также продолжают практику всестороннего пересмотра тарифов в отношении определённых импортных товаров из Китая, руководствуясь подходом к перестройке торговых отношений с КНР, основанном

на принципах, согласно терминологии Белого дома, честной рыночной конкуренции, защиты демократических ценностей и экономической безопасности.

Поддержка Дж. Байденом принципов мультилатерализма остаётся преимущественно вербальным выражением, лишённым практического воплощения. Вместо традиционных торговых соглашений Белый дом стремится к менее масштабным соглашениям с союзниками в Индо-Тихоокеанском регионе и Латинской Америке. Эти «рамочные» соглашения будут координировать союзные цепочки поставок и устанавливать стандарты ведения бизнеса, не предлагая торговым партнёрам США более широкий доступ к крупнейшей экономике мира.

В июне 2022 г. Соединённые Штаты и Тайвань предложили двустороннюю Торговую инициативу XXI века, когда подписали первое из предусмотренных соглашений, направленное на стимулирование торговли в различных важнейших секторах. США продолжили развивать экономические связи с Кенией в рамках Стратегического торгового и инвестиционного партнёрства с этой страной, уделяя особое внимание устойчивому росту и региональной экономической интеграции в Африке [2]. Предпринят ряд инициатив по реализации выдвинутой Дж. Байденом в мае 2022 г. Индо-Тихоокеанской экономической программы процветания (*The Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity*) [3]. Запущенная в мае 2022 г. эта программа создала основу для переговоров между Австралией, Брунеем, Индией, Индонезией, Японией, Республикой Корея, Малайзией, Новой Зеландией, Филиппинами, Сингапуром, Таиландом, Соединёнными Штатами Америки и Вьетнамом. Переговоры направлены на создание обновленной модели трансграничного экономического взаимодействия и используют формулировки, похожие на предыдущие соглашения о свободной торговле, но не включают механизмы доступа к внутреннему рынку США. Они ограничиваются вопросами координации по трудовым правам, охране окружающей среды, прозрачности нормотворчества и регулирования, а также мерам по упрощению таможенных процедур.

С июня 2022 г. Государственный департамент и торговый представитель США сотрудничают со странами-партнёрами в Северной и Южной Америке — Барбадосом, Канадой, Чили, Колумбией, Коста-Рикой, Доминиканской Республикой, Эквадором, Мексикой, Панамой, Перу и Уругваем — в серии переговоров, направленных на выработку аналогичного набора обязательств, что и в Индо-Тихоокеанской программе процветания. Текущие консультации проходят по основным направлениям: активизации региональных экономических институтов и мобилизации инвестиций; повышении устойчивости цепочек поставок; создании рабочих мест в области чистой энергетики и продвижении декарбонизации и биоразнообразия; а также устойчивой и инклюзивной торговли.

Отдельно рассматривается вопрос о подходе демократической администрации к реформированию ВТО. Утверждается необходимость в том, чтобы организация развивалась в ответ на быстро меняющуюся мировую экономику, особенно в таких областях как права трудящихся, устойчивость цепочек поставок и изменение климата. Вместе с тем, выступая в Женеве в октябре 2021 г. торговый представитель

США К. Тай уточнила, что разделяет критику администрации Д. Трампа в отношении ВТО в вопросах механизмов урегулирования споров [4]. И хотя на встрече министров торговли стран-членов Организации в декабре 2022 г. США в принципе согласилась принять участие в переговорах по реформе порядка разрешения споров, администрация Дж. Байдена не представила официальных предложений по таким переговорам. Отказ республиканской администрации Д. Трампа разблокировать процесс назначения новых судей Апелляционного органа ВТО сохраняется демократической администрацией Дж. Байдена.

Учитывая растущую роль цифровой экономики в будущем, наиболее разрушительным поворотом торгово-экономической политики администрации Дж. Байдена является решение отказаться от прежней линии цифровой торговли в США, когда отстаивался свободный поток данных, не поддерживалась принудительная локализация данных и защищался индивидуальный исходный код. Белый дом отказался от участия в переговорах по электронной торговле в ВТО, заявив о необходимости иметь большее «пространство для маневра». Даже сторонники Дж. Байдена в Демократической партии расценили данный шаг как успех Китая.

ЦЕЛИ И ПРАКТИКА ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ ДЖ. БАЙДЕНА

Повестка дня администрации Дж. Байдена в области торговой политики на 2024 г. представляет интерес с точки зрения подхода к внешнеторговым отношениям, основанным на принципе достижения баланса правоприменения конкуренции с сотрудничеством, экономического роста с социальной справедливостью. Признается, что с 2024 г. Соединённые Штаты отступают от своей традиционной роли лидера глобальной торговой системы, основанной на правилах, которая берёт своё начало в 2017 г., с торговой политики республиканской администрации Д. Трампа.

Заявленная в президентство Дж. Байдена «новая инклюзивная и справедливая, ориентированная на рабочих торговая политика» должна была стать контрастной альтернативой прошлой внешнеэкономической практике традиционных торговых соглашений, заключённых при президентах-демократах и при президентах-республиканцах, когда в США сокращалась численность рабочих мест в результате перемещения производственных мощностей в офшорные территории. Администрация Дж. Байдена в самом начале своей деятельности фактически исключила переговоры об улучшении иностранного доступа к внутренним рынкам США. В апреле 2023 г. советник президента США по национальной безопасности Дж. Салливан заявил о «новом Вашингтонском консенсусе», направленном на то, чтобы избежать заключения соглашений о свободной торговле и базирующимся на провозглашенной демократической администрацией новой стратегической промышленной политике. Бывший директор Национального экономического совета и главный экономический советник президента Б. Обамы

Л. Саммерс подверг такой курс резкой критике, охарактеризовав его как «агрессивный экономический национализм» [Hopkin, J., 2020: 87–116].

В большинстве стран мира вступают в силу новые масштабные соглашения о свободной торговле и другие экономические соглашения. Инициативу КНР «Один пояс, один путь», выдвинутую в 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином, объединяющую два проекта — «Экономический пояс Шёлкового пути» и «Морской Шёлковый путь XXI века», поддержало 150 стран. Она должна соединить Китай со странами Европы, Центральной Азии и Африки и активизировать международные торгово-инвестиционные проекты. В ней участвует 65% населения мира, в том числе многие союзники США. В 2020 г. Китай и ещё 14 стран подписали Соглашение о всеобъемлющем региональном экономическом партнёрстве, ВРЭП (*Regional Comprehensive Economic Partnership*). На страны ВРЭП приходится около 30% мировой торговли и ВВП. В 2018 г. вступило в силу Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве между одиннадцатью государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, на долю которых приходится 13,4% мирового ВВП. Другими важными соглашениями о свободной торговле являются МЕРКОСУР (*Mercado Común del Sur, Mercosur*) между Аргентиной, Бразилией, Парагваем и Уругваем и Африканское континентальное соглашение о свободной торговле 2020 г., заключённое между 54 африканскими странами; последовательно ширится сотрудничество в рамках интеграционных объединений БРИКС и ШОС.

На таком фоне единственная крупная международная экономическая инициатива администрации Дж. Байдена — Индо-Тихоокеанская программа процветания — остаётся в подвешенном состоянии, фактически оказавшись в тупике из-за отказа США предложить концессии по доступу на внутренний рынок страны в обмен на исполнение политических требований Белого дома, включая условия труда и экологические нормы в зарубежных странах. Не идёт речь и о перспективе возвращения США к участию в Транстихоокеанском соглашении, ТПП (*Trans-Pacific Partnership, TPP*). Переговоры с государствами Центральной и Латинской Америки и с африканскими торговыми партнёрами о сохранении преференциального доступа к рынкам (закон 2000 г. «Об обеспечении роста и возможностей в Африке» (*African Growth and Opportunity Act*)) являются в данном контексте скорее исключением из общей внешнеторговой политики Белого дома. Таким образом, одна из приоритетных целей указанных внешнеэкономических инициатив в отношении стран Азии и Африки, Латинской Америки и Евросоюза, заключается в стремлении Вашингтона консолидировать усилия в различных интеграционных группировках для сдерживания влияния Китая, особенно в Индо-Тихоокеанском регионе.

Демократическая администрация Дж. Байдена, как и ранее президент-республиканец Д. Трамп, рассматривают внешнеторговую политику США в первую очередь через призму экономической безопасности как неотъемлемую составную

часть общей стратегии национальной безопасности страны, особенно, в отношении КНР [Меньшикова, А.М., 2023, 10:14–24]. Конкурируя с Китаем, США всё чаще прибегают к внешнеэкономическим инструментам принуждения, частично применяемым к компаниям многих других странах. В основном это таможенные пошлины, финансовые санкции, экспортный и инвестиционный контроль.

Действия Дж. Байдена во внешнеэкономической сфере, направленные на укрепление экономики США и, следовательно, национальной безопасности страны, основываются на ренессансе промышленной политики, включая крупные программы субсидирования и дальнейшее ужесточение контроля над трансфертом технологий. Такая промышленная политика направлена и против интересов традиционных торгово-экономических союзников и партнёров США. Обозначенный подход Белого дома к контролю над отдельными ключевыми секторами экономики касается прежде всего высокопроизводительных полупроводников, а также технологий искусственного интеллекта и суперкомпьютеров. Именно в силу того, что администрация Дж. Байдена определяет торгово-экономическую политику как часть национальной безопасности, реализуется нынешняя стратегия промышленной политики, направленная на укрепление собственной экономической базы США. Внешнеэкономические инструменты принуждения будут и впредь использоваться и, возможно, расширяться. В правительственных кругах США уже обсуждаются новые меры контроля за экспортом, такие как био- и ультразвуковые технологии.

В декабре 2023 г. Соединённые Штаты категорически отвергли доклады экспертов ВТО о тарифах на сталь и алюминий, введённых администрацией Д. Трампа и поддержанных администрацией Дж. Байдена, на том основании, что, согласно позиции Белого дома, вопросы национальной безопасности не могут рассматриваться при урегулировании споров в рамках ВТО, и Всемирная торговая организация не имеет полномочий сомневаться в способности входящих в неё государств реагировать на широкий спектр угроз их собственной безопасности.

В первый год работы демократическая администрация Дж. Байдена пересмотрела все санкционные программы Минфина США. Реализация плана «Построить лучше, чем было» (*The Build Back Better Plan*, Исполнительный указ Президента Дж. Байдена ЕО 14005 от января 2021 г.), значительно ужесточила применение федерального закона 1933 г. «Покупай американское!» (*Buy American Act of 1933*) [5], который отдаёт приоритет американским поставщикам при заключении государственных контрактов. Продукт считался сделанным в США, если не менее 50% производственных затрат осуществилось на территории Соединённых Штатов. Дж. Байден повысил данный показатель до 75%. Что касается строительных материалов, то при любом сравнении затрат контрактные предложения, содержащие зарубежную продукцию, должны автоматически оцениваться на 20 – 30% дороже, чтобы обеспечить преимущества для американских поставщиков. Для всех заключаемых от имени правительства США контрактов введено требование обязательной проверки безопасности цепочки поставок (стратегический обзор поставок).

Вопрос о совместимости штрафных пошлин с правилами ВТО не имеет значения для нынешней демократической администрации, как это было характерно и для республиканской администрации Д. Трампа, хотя в правительстве США и нарастает дискуссия о негативном влиянии сохранения пошлин на рост инфляции, выросшей за 2022 г. более чем до 8%. Ряд федеральных ведомств выступают за снижение тарифов, чтобы избежать дальнейшего роста цен и сдерживать инфляцию, хотя в целом в Белом доме преобладает точка зрения о необходимости сохранять заградительные протекционистские тарифы в качестве политического рычага, в том числе давления на КНР. Такая позиция вызывает обоснованную критику действий администрации Дж. Байдена с учётом общей экономической ситуации в США при дефиците бюджета в 1,6 трлн долл. в 2024 фин. г., который, как прогнозируется, вырастет до 1,8 трлн в 2025 г., а затем вернётся к 1,6 трлн долл. к 2027 г. После этого дефицит будет неуклонно расти, достигнув 2,6 трлн долл. в 2034 г. По отношению к валовому внутреннему продукту (ВВП) дефицит составит 5,6% в 2024 г., вырастет до 6,1% в 2025 г., а затем сократится до 5,2% в 2027 и 2028 гг. После 2028 г. дефицит в процентах от ВВП вырастет и вернётся к 6,1% в 2034 г. Со времён Великой депрессии дефицит превышал этот уровень только в период после Второй мировой войны, финансового кризиса 2007–2009 гг. и пандемии коронавируса. Государственный долг, согласно имеющимся расчётам, увеличится с 99% ВВП в конце 2024 г. до 116% ВВП — самого высокого уровня за всю историю наблюдений, продолжив увеличиваться к 2034 г. при сохранении нынешнего внутри- и внешнеэкономического курса администраций США [6].

Более 40% выпускаемых в мире производственных машин и инструментов (включая программное обеспечение) для особенно мощных полупроводниковых микросхем разрабатываются и производятся в США. Дальнейший выпуск сосредоточен на предприятиях в Японии и Нидерландах. Весной 2023 г. США договорились с этими двумя странами об экспортном контроле за полупроводниковыми производственными мощностями. С тех пор сопоставимые положения применяются к таким компаниям, как «Никон» (*Nikon Corporation*), «Токио электрон» (*Tokyo Electron*) и АСМЛ (*ASML*), которые являются наиболее могущественными конкурентами американских производителей. В октябре 2023 г. Белый дом расширил список регулируемых товаров, а также число тех стран, в которые экспорт определённых полупроводников допускается в избирательном порядке.

Осенью 2021 г. администрация Дж. Байдена ввела более жёсткие правила проверки в США входящих и исходящих инвестиций при основном акценте на контроле инвестиционных рисков в области передовых технологий, включая находящиеся ещё в стадии разработки. В случае иностранных вложений в американские компании также необходимо рассматривать меры по кибербезопасности, энергетической безопасности, защите баз данных, в том числе содержащих персональные данные.

В августе 2023 г. Дж. Байден впервые ввёл ограничения на инвестиции из США в «проблемные страны» помимо КНР, это ещё в большей степени ограничило реальные возможности инвестирования в высокопроизводительные полупроводники, разработку искусственного интеллекта и квантовых компьютеров, некоторые передовые высокотехнологичные «зелёные» технологии, биотехнологию и ультразвуковые технологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заявляя о «внешней политике для среднего класса», Дж. Байден намеревался сосредоточиться на том, как переориентировать взаимодействие США за рубежом на решение экономических проблем среднего класса в самих Соединённых Штатах. Применительно к внешней торговле, это означает, что внешнеэкономическая политика США должна способствовать обновлению внутренней экономики страны, при нынешней демократической администрации это всё чаще достигается посредством протекционизма.

Белый дом открыто дал понять, что не хочет заключать никаких новых торговых соглашений до тех пор, пока не будут завершены масштабные инвестиции в экономику США. Наиболее важным поворотом администрации Дж. Байдена от торговой политики предыдущих администраций стал и её сдержанный подход к заключению новых или пересмотру существующих соглашений о свободной торговле, или к участию в любых торговых переговорах, которые могут привести к расширению доступа торговых партнёров на внутренний рынок США.

Согласно заявлению советника президента США по национальной безопасности Д. Салливана, «Вашингтонский консенсус» в пользу неolibеральной экономической политики официально мертв. Предыдущие администрации США превозносили свободную торговлю, открытые потоки капитала и фискальную дисциплину как ответ на экономические проблемы внутри страны и за рубежом. Администрация президента Дж. Байдена с этим не согласна. Такая политика, по мнению Д. Салливана, оказалась неспособной справиться с неурядицами и неравенством, вызванными глобализацией, а также с угрозой, которую американские политики видят в растущем могуществе Китая. В результате, необходим новый консенсус, менее укоренённый в неolibерализме. Администрация Дж. Байдена изначально скептически относилась к преимуществам глобализации и сосредоточилась на формировании экономики США и глобальных мирохозяйственных связей с помощью целенаправленных интервенций и концентрацией стратегических цепочек поставок в странах-союзниках Вашингтона. Ещё один аспект Вашингтонского консенсуса – экономическая война как средство сохранения военного и технологического превосходства США. Глобализация более не служит стратегическим интересам США [Capretta, James C., Veuger, S., 2023: 19].

Американские субсидии затрудняют развитие собственных конкурентоспособных отраслей для менее богатых стран, а также вынуждают их делать жёсткий

геополитический выбор. Если новая технико-индустриальная база, которую хочет построить администрация Дж. Байдена, будет доступна только США и их союзникам, то членство в системе альянсов во главе с США станет необходимым условием для того, чтобы пользоваться её преимуществами. Но, учитывая изменчивый характер внешней политики США, многие страны не захотят переориентировать свою внешнюю и внутреннюю экономическую политику, исходя из обещаний Вашингтона, – ведь они могут быть отозваны после прихода к власти в Соединённых Штатах нового политического руководства, что, по сути, ориентировано на игру с нулевой суммой.

Курс США на блокирование деятельности ВТО, силовую позицию по принципу «кто сильнее, тот и прав», может привести к фактическому распаду мировой торговли на блоки – вокруг Китая, Соединённых Штатов, России и ЕС. Торговля внутри каждого блока будет свободной, предсказуемой и с обязательными к исполнению правилами, в то время как торговля между блоками станет менее основанной на правилах, непредсказуемой и, безусловно, более политизированной. Соединённым Штатам следовало бы задуматься о том, действительно ли такой международный торговый порядок отвечает их экономическим интересам и интересам национальной безопасности.

Создаваемая администрацией Дж. Байдена международная экономическая парадигма, отражающая современную «деглобализацию» многосторонней торговой системы отражает новую модель редуцированной глобализации как избирательной открытости для международной торговли и инвестиций с возможностью полностью исключить некоторые национальные государства из такой парадигмы.

Подобное видение снижает значение ВТО в многосторонней торговой системе при возрастающей роли преференций в торговых соглашениях. Белый дом исходит из того, что сейчас Соглашение между США, Мексикой и Канадой, Соглашение о всеобъемлющем и прогрессивном Транстихоокеанском партнёрстве, Торговое соглашение о Всестороннем региональном экономическом партнёрстве [*Regional Comprehensive Economic Partnership*], Торговое соглашение МЕРКОСУР являются наиболее эффективной формой многосторонней торговой системы.

Как и администрация Д. Трампа, Дж. Байден обращается к мифу о восстановлении производства в Соединённых Штатах по аналогии с теми временами, когда были избыточные рабочие места, сильные профсоюзы и преобладал спрос на неквалифицированный труд. Международная торговая политика рассматривается как средство решения социальных проблем, не связанных с торговлей, например, изменение климата и права трудящихся.

Белый дом даёт понять, что отказ США от глобализации во время администрации Д. Трампа не был ошибочным, хотя и означал отказ от проводимой десятилетиями торговой политики, характерной для прежних республиканских и демократических администраций. Сочетая жёсткую позицию по отношению к КНР

с щедрыми федеральными субсидиями для привилегированных отраслей экономики США, президент меняет подход официального Вашингтона к трансграничной торговле, чтобы сосредоточиться на потребностях американцев как работников, а не потребителей. За рамками стратегии администрации Дж. Байдена, к раздражению многих бизнес-групп, остались традиционные торговые сделки, которые давали американским компаниям более широкий доступ к зарубежным рынкам в обмен на разрешение производителям в этих странах продавать больше товаров в Соединённых Штатах.

Подход Дж. Байдена отвергает доктрину либерализации торговли, которая господствовала в политическом истеблишменте США после окончания холодной войны. Бывший министр финансов Л. Саммерс, работавший вместе с Дж. Байденом в Белом доме в президентство Б. Обамы, назвал мышление нынешнего главы Белого дома «всё более опасным», подчеркнув «глубокую обеспокоенность доктриной экономического национализма, ориентированного на производство, которая всё чаще выдвигается в качестве общего принципа для руководства политикой» [Taylor, C. L., 2023: 25].

ИСТОЧНИКИ

1. USTR Releases President Biden's 2024 Trade Policy Agenda and 2023 Annual Report. March 01, 2024. Available at: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2024/march/ustr-releases-president-bidens-2024-trade-policy-agenda-and-2023-annual-report> (accessed 15.03.2024).
2. U.S. and Taiwan Launch the "Initiative on 21st-Century Trade". June 15, 2022. Available at: <https://globaltaiwan.org/2022/06/us-and-taiwan-launch-the-initiative-on-21st-century-trade/> (accessed 11.03.2024).
3. Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity (IPEF). Available at: <https://ustr.gov/trade-agreements/agreements-under-negotiation/indo-pacific-economic-framework-prosperity-ipef> (accessed 17.03.2024).
4. Ambassador Katherine Tai's Remarks as Prepared for Delivery on the World Trade Organization. The Office of the United States Trade Representative (USTR). October 2021. Available at: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/speeches-and-remarks/2021/october/ambassador-katherine-tais-remarks-prepared-delivery-world-trade-organization> (accessed 10.03.2024).
5. The Build Back Better Framework. President Biden's Plan to Rebuild the middle class. The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/build-back-better/>; The Buy American Act (BAA) (41 U.S.C. 8301-8305). The Defense Acquisition Encyclopedia. Available at: <https://acqnotes.com/acqnote/careerfields/buy-american-act> (accessed 1.03.2024).
6. The Budget and Economic Outlook: 2024 to 2034. February 7, 2024. The Congressional Budget Office. Report. Available at: <https://www.cbo.gov/publication/59710> (accessed 27.03.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Меньшикова А.М. Особенности внешнеторговой политики демократической администрации Дж. Байдена. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2021. № 11. С. 80-92. DOI: 10.31857/S268667300017222-4

Меньшикова, А.М. Экономика в системе национальной безопасности США. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023. № 10. С. 14-24. DOI: 10.31857/S2686673023100024

REFERENCES

Capretta, James C., Veuger S. The New Washington Consensus on Trade Is Wrong. Protectionism will drag everyone down in the end. *foreignpolicy.com*. June 12, 2023. Available at: <https://foreignpolicy.com/2023/06/12/free-trade-new-washington-consensus-biden-protectionism-trump/> (accessed 12.03.2024).

Hopkin, J. 3 American Nightmare: How Neoliberalism Broke US Democracy. Oxford Academic. Available at: <https://academic.oup.com/book/33608/chapter-abstract/288103592?redirectedFrom=fulltext&login=false> (accessed 17.03.2024).

Menshikova, A.M. Features of the foreign trade policy of the Democratic administration of J. Biden. *USA & Canada: economics, politics, culture* 2021. No. 11. P.80-92. DOI: 10.31857/S268667300017222-4

Menshikova, A.M. Economics in the U.S. national security system. *USA & Canada: economics, politics, culture*. – 2023. – No. 10. – P. 14-24. DOI: 10.31857/S2686673023100024

Taylor, C. Larry Summers slams Joe Biden's economic strategy 'Bidenomics' as 'increasingly dangerous'. *Politics U.S. Economy. Fortune*. July 27, 2023. Available at: <https://fortune.com/2023/07/27/larry-summers-joe-biden-bidenomics-dangerous-manufacturing-us-economy/> (accessed 3.03.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МЕНЬШИКОВА Анна Маратовна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института США и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

Anna M. MENSHIKOVA, Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3 Khlebny per., Moscow 121069 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 02.04.2024 / Received 02.04.2024.

Статья поступила после рецензирования 15.04.2024 / Revised 15.04.2024.

Статья принята к публикации 17.04.2024 / Accepted 17.04.2024.

УДК 94 + 341.24

DOI: 10.31857/S2686673024060036

EDN: ZBHHRG

Роль США в подготовке и проведении Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе

О.Г. Лекаренко

Национальный исследовательский Томский государственный университет (ТГУ).

Российская Федерация, 634050, Томск, пр-т Ленина, д. 36.

ResearcherID: N-8252-2014 ПИНЦ ID: 366845

ORCID: 0000-0003-2421-5869 e-mail: olekarenko@gmail.com

Резюме: Статья посвящена исследованию роли США в ходе подготовки и проведения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) в 1969-1975 гг. Исследование проводилось на основе анализа американских дипломатических документов, опубликованных в серии «Внешняя политика США». Рассматривается реакция Вашингтона на предложение стран Организации Варшавского договора о проведении общеевропейского совещания. Анализируется тактика США на многосторонних предварительных консультациях в Хельсинки. Исследуется вклад американских политиков в успешное завершение СБСЕ. Делается вывод о том, что, несмотря на внешнюю пассивность, США сыграли значительную роль в проведении СБСЕ, выступая в качестве посредника между Советским Союзом и странами Западной Европы. Благодаря американским дипломатам был найден ряд компромиссов, обеспечивших подписание итоговых документов СБСЕ.

Ключевые слова: внешняя политика США, европейская безопасность, Генри Киссинджер, разрядка международной напряжённости, СБСЕ

Для цитирования: Лекаренко О.Г. Роль США в подготовке и проведении Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(6):31–47. DOI: 10.31857/S2686673024060036 EDN: ZBHHRG

The Role of the USA in the Preparation and Holding of the Conference on Security and Cooperation in Europe

Oksana G. Lekarenko

National Research Tomsk State University (TSU).

36, Tomsk, Lenin Avenue, 634050, Russian Federation.

ResearcherID: N-8252-2014 ПИНЦ ID: 366845

ORCID: 0000-0003-2421-5869 e-mail: olekarenko@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the study of the role of the United States during the preparation and holding of the Conference on Security and Cooperation in Europe (CSCE). The study was based on an analysis of American diplomatic documents published in the series “Foreign Relations of the United States”. The reaction of Washington to the proposal of the Warsaw Pact countries to hold a pan-European conference is considered. The US tactics at the multilateral preliminary consultations in Helsinki are analyzed. The contribution of American politicians to the successful

completion of the CSCE is examined. It is concluded that despite external passivity, the United States played a significant role in the implementation of the CSCE, acting as a mediator between the Soviet Union and the countries of Western Europe. Due to American diplomats, a number of compromises were found that ensured the signing of the final CSCE documents.

Keywords: US foreign policy, European security, Henry Kissinger, détente, CSCE

For citation: Lekarenko, O.G. The Role of the USA in the Preparation and Holding of the Conference on Security and Cooperation in Europe. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(6):31-47. DOI: 10.31857/S2686673024060036 EDN: ZBNHRG

ВВЕДЕНИЕ

Одним из крупных достижений разрядки 1970-х годов стали подготовка и проведение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Почти пятьдесят лет прошло с момента подписания итогового документа СБСЕ – Хельсинкского заключительного акта, заложившего основы европейской системы безопасности и зафиксировавшего важнейшие принципы, которыми должны руководствоваться государства в отношениях друг с другом. Инициаторами проведения СБСЕ выступили Советский Союз и государства – участники Организации Варшавского договора (ОВД). Идею подхватили западноевропейские страны, видевшие в разрядке путь к общей нормализации обстановки в Европе. Одновременно Запад поставил вопрос об участии в совещании Соединённых Штатов Америки (позже в состав участников была включена Канада). Как отмечают авторы «Кембриджской истории холодной войны», «европейская разрядка была прежде всего европейским проектом» [Hanhimaki, 2010: 198], однако она вряд ли бы состоялась без поддержки со стороны Вашингтона.

Общий ход СБСЕ рассмотрен в работах отечественных исследователей и воспоминаниях дипломатов, имевших отношение к хельсинкскому процессу [Гриневский, 2004; Загорский, 2005; Кашлев, 1990; Рахманинов, 1985; Обеспечение международной безопасности..., 2017]. Отдельным направлением в историографии можно считать работы, уточняющие вклад конкретных участников в проведение СБСЕ [Осипов, 2017; Синдеев, 2023; Hanhimaki, 2003; Morgan, 2008; Readman, 2006; Romano, 2009]. В данной статье на основе анализа американских дипломатических документов рассматривается роль США в ходе подготовки и проведения общеевропейского совещания: показана позиция США на предварительном этапе; анализируется участие Вашингтона в многосторонних предварительных консультациях в Хельсинки; исследуется вклад США в успешное завершение СБСЕ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП (1969–1972 гг.)

Отправной точкой СБСЕ принято считать обращение Политического консультативного комитета ОВД ко всем европейским государствам, прозвучавшее на заседании комитета в Будапеште в марте 1969 г. Реакция США на

будапештский призыв была настороженной. Предложение ОВД рассматривалось как очередная пропагандистская инициатива Москвы, направленная на подрыв единства Организации Североатлантического договора (НАТО). В Вашингтоне также опасались, что СССР хочет исключить США из обсуждения проблем европейской безопасности как неевропейскую державу. В первые годы нахождения у власти администрация Р. Никсона избегала обсуждать европейские дела с Москвой. Она добивалась укрепления НАТО и как могла противодействовала чрезмерному развитию отношений стран Западной Европы (особенно ФРГ и Франции) с СССР [1: 197]. С лета 1968 г. НАТО продвигала собственную инициативу по обеспечению европейской безопасности – предложение о взаимном и сбалансированном сокращении вооружённых сил в Европе [6].

В отличие от США, страны Западной Европы предложили исследовать инициативу ОВД. В свете усиления контактов между Вашингтоном и Москвой лидеры западноевропейских стран опасались, что важные вопросы европейской безопасности могут быть решены за их спиной в ходе двусторонних советско-американских переговоров [Hanhimaki, 2010: 204]. Учитывая настроения своих союзников, Вашингтон согласился рассмотреть предложение о проведении общеевропейского совещания (конференции) при условии, что оно будет соответствующим образом подготовлено и будет включать участие США и Канады. В Москве, во многом благодаря позиции министра иностранных дел А.А. Громыко, идея вбить клин между США и странами Западной Европы быстро уступила место пониманию необходимости сотрудничества с Вашингтоном [Синдеев, 2023: 186]. В начале апреля советский посол в США А.Ф. Добрынин предложил западной стороне обсудить инициативу ОВД и внести свои пункты в повестку дня [4: 1–3].

Согласившись с мнением союзников, США, однако, не изменили своего отношения к конференции, полагая, что ничего от неё не выиграют [1: 182–183]. Проведение СБСЕ не входило в число первоочередных задач американской внешней политики, более насущными направлениями которой являлись завершение войны во Вьетнаме, ближневосточное урегулирование, переговоры с СССР об ограничении стратегических ядерных вооружений. Советник президента по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджер, игравший ключевую роль в формировании внешней политики администрации Р. Никсона, не верил в успех громоздкого многостороннего совещания и полагал, что европейцы переоценивают его потенциальное значение. Склонность Г. Киссинджера к двусторонней дипломатии также не соответствовала типу многосторонних переговоров. В Вашингтоне считали, что разрядка нужна «прежде всего для стабилизации советско-американского конфликта, а не для решения общеевропейских проблем» [Печатнов, Манькин, 2012: 445].

В меморандумах для президента, датированных 4 и 8 апреля 1969 г., Г. Киссинджер, однако, отмечал, что отказ от проведения совещания чреват разладом в трансатлантических отношениях. Исходя из этого он рекомендовал обсудить предложение ОВД с другими членами НАТО и выработать согласованную позицию и

коллективные ответные предложения западных стран, касающиеся повестки дня совещания [4: 4–6]. Госдепартамент считал целесообразным ограничить повестку дня конференции двумя пунктами: сокращение вооружений и вооружённых сил в Европе; обсуждение декларации принципов, лежащих в основе европейской безопасности [4: 8–12]. В Совете национальной безопасности (СНБ) полагали, что США смогут и дальше балансировать между двумя полюсами: поддерживать проведение общеевропейской конференции в целях сохранения согласия в западном блоке и параллельно с этим исследовать возможности советско-американского сотрудничества через двусторонние контакты с Москвой.

Сняв возражения в отношении проведения общеевропейского совещания, США стали задумываться над тем, как использовать его итоги в интересах западных стран [США и общеевропейский процесс: 48]. Форумом для обсуждения стала НАТО. Темп и направление дискуссии задавали страны Западной Европы, которые предложили расширить повестку дня совещания и включить в неё не только проблемы безопасности, но и вопросы экономического и культурного сотрудничества. Неформальный процесс согласования предложений Востока и Запада по вопросам проведения совещания происходил в форме своеобразного «диалога коммюнике» между ОВД и НАТО [Загорский, 2005: 31]. Стороны «обменивались» точками зрения, излагая их в коллективных заявлениях, которые направлялись правительствам стран противоположного блока. В мае 1970 г. Совет НАТО принял поддержанное скандинавскими странами предложение Великобритании и Бельгии о проведении многосторонних предварительных консультаций с целью согласования организационно-процедурных вопросов и повестки дня будущего СБСЕ [4: 62].

Прежде чем дать официальное согласие на проведение конференции, западные страны хотели получить уступки от СССР по другим вопросам. Г. Киссинджер считал, что СБСЕ можно использовать в американских интересах как некую форму «увязки», как способ вовлечь Советский Союз в переговорный процесс, который косвенно смягчил бы политику Москвы в других областях. Таким образом, США участвовали в процессе обсуждения СБСЕ сначала для того, чтобы ускорить переговоры о статусе Западного Берлина, а затем для того, чтобы вынудить СССР вступить в предложенные странами НАТО переговоры о взаимном сбалансированном сокращении вооружённых сил и вооружений в Европе [4: 497].

На решении берлинского вопроса особо настаивало правительство ФРГ. Выдвигаемые им условия были на руку администрации США, которая всеми силами старалась оттянуть созыв общеевропейского совещания. В одобренном президентом Р. Никсоном меморандуме по национальной безопасности № 134 от 2 октября 1971 г. говорилось: «Мы не можем согласиться ни на какие предварительные или исследовательские многосторонние переговоры о европейской конференции, по крайней мере пока Берлинские соглашения не вступят в силу и пока мы не достигнем лучшего понимания того, чего может достичь конференция с точки зрения интересов США» [4: 209].

В США придавали большее значение переговорам о сокращении вооружённых сил, называя их «конкретным вопросом» в отличие от СБСЕ, которое считалось «атмосферным вопросом». Интерес к переговорам о разоружении усилился после того, как 11 мая 1971 г. лидер демократического большинства в Сенате М. Мэнсфилд внёс поправку о сокращении американских войск, размещённых в Европе. Взаимное сокращение вооружённых сил ОВД и НАТО позволило бы избежать одностороннего сокращения вооружённых сил и повысить европейский вклад в оборону (в том случае, если бы сокращению подлежали только размещённые в Европе иностранные войска) [4: 159–164]. Тема разоружения проговаривалась в ходе двусторонних советско-американских встреч, в результате которых Вашингтону удалось настоять на одновременном развитии двух процессов: СБСЕ и переговоров о сокращении вооружённых сил в Европе.

Подписание договоров ФРГ с СССР (12 августа 1970 г.) и ПНР (7 декабря 1970 г.) в рамках «новой восточной политики» В. Брандта и заключение Четырёхстороннего соглашения по вопросам, относящимся к Западному Берлину (3 сентября 1971 г.) способствовали снижению напряжённости в отношениях между Востоком и Западом. Дальнейшее продолжение разрядки, однако, напрямую зависело от хода советско-американских переговоров по ограничению гонки ядерных вооружений. Во время визита Р. Никсона в СССР (22–30 мая 1972 г.) были согласованы и подписаны важные документы: декларация «Основы взаимоотношений между СССР и США» (в ней излагались общие принципы взаимоотношений сверхдержав, включая ключевой – принцип мирного сосуществования), бессрочный Договор об ограничении систем противоракетной обороны и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ).

Тогда же между лидерами США и СССР были достигнуты принципиальные договорённости о начале многосторонних предварительных консультаций по подготовке к СБСЕ, что соответствовало внешнеполитическому стилю Р. Никсона и Г. Киссинджера, предпочитавших принимать «настоящие» решения в ходе двусторонних контактов с советским руководством. Конкретные вопросы проведения СБСЕ обсуждали министры иностранных дел У. Роджерс и А.А. Громыко. По предложению Л.И. Брежнева пункт о СБСЕ был включён в заключительное коммюнике советско-американского саммита [4: 288–289]. В нём, в частности, говорилось: «США и СССР согласны с тем, что многосторонние консультации относительно Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе могут начаться после подписания Заключительного четырёхстороннего протокола к Соглашению от 3 сентября 1971 г.; общеевропейская конференция должна быть созвана в сроки, согласованные заинтересованными странами, но без неоправданной задержки; обе стороны считают, что взаимное сокращение вооружённых сил и вооружений, в первую очередь в Центральной Европе, могут послужить цели обеспечения стабильности и безопасности в Европе» [4: 303].

Американцы по-прежнему скептически относились к созыву общеевропейского совещания, которое Г. Киссинджер называл своим «ночным кошмаром»

[4: 239]. В конце мая 1972 г. в беседе со своими английскими коллегами американский политик признавался, что единственной целью подготовительной стадии является оттягивание созыва конференции. «Мы не хотим проведения этой конференции, – сетовал Г. Киссинджер, – но не можем с ней бороться перед лицом наших европейских союзников» [4: 318]. В подготовленном в сентябре 1972 г. Г. Зонненфельдом меморандуме СНБ говорилось, что многие важные вопросы в отношениях между Востоком и Западом уже были решены через двусторонние контакты и закреплены в «восточных договорах» ФРГ, советско-американском договоре об ОСВ. Таким образом, писал Г. Зонненфельдт, для США главный вопрос заключался в сохранении единства НАТО, а не в дебатах между Востоком и Западом [4: 334-338].

Вопрос о дате начала многосторонних предварительных консультаций по подготовке к СБСЕ был решён в ходе визита Г. Киссинджера в СССР в сентябре 1972 г. Он принял и обещал согласовать с союзниками советское предложение о том, чтобы начать предварительные консультации в Хельсинки 22 ноября 1972 г., а саму конференцию – в первой половине 1973 г. Консультации по вопросу о взаимном сокращении вооружённых сил и вооружений в Европе планировалось начать через три месяца после начала предварительных консультаций по СБСЕ. Последние открылись в Вене в январе 1973 года.

МНОГОСТОРОННИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ КОНСУЛЬТАЦИИ (ноябрь 1972 г. – июнь 1973 г.)

С самого начала многосторонних предварительных консультаций в Хельсинки проявились концептуальные различия в позициях Востока и Запада относительно будущей конференции. Страны ОВД исходили из концепции «короткого совещания», по итогам которого на высшем уровне был бы торжественно принят заключительный документ. Они планировали договориться об общих принципах и направлениях сотрудничества, а конкретные меры обсуждать после завершения совещания. Западные страны настаивали на проведении переговоров по существу проблем. Целью предварительных консультаций, с западной точки зрения, являлось достижение общеевропейского согласия по повестке дня и соответствующим структурам СБСЕ. Таким образом, западные страны стремились предопределить существо решений будущей конференции [Загорский, 2005: 56-57]. Как отмечает финский исследователь Ю. Ханхимяки, многосторонние предварительные консультации хорошо вписались в стратегию Г. Киссинджера по затягиванию СБСЕ [Hanhimäki, 2003: 42].

В Вашингтоне считали, что, поскольку у Запада не было крупных стратегических задач в отношении СБСЕ, главная цель США заключалась в том, чтобы ограничить ущерб от проведения конференции и добиться от СССР уступок по некоторым конкретным вопросам. СНБ так формулировал стоящие перед США задачи: не дать общеевропейской конференции внести раскол в отношения с союзниками;

минимизировать ущерб для альянса, вытекающий из атмосферы разрядки; институционально закрепить роль США как европейской державы и участника диалога Восток – Запад; поддержать страны Восточной Европы, которые видели в совещании возможность преодоления «доктрины Брежнева» [4: 212–213].

В правительстве США по-прежнему не верили в то, что СБСЕ принесёт существенные выгоды западным странам. Во время переговоров с премьер-министром Великобритании Э. Хитом 2 февраля 1973 г. в Кэмп-Дэвиде Р. Никсон сетовал: «Переговоры проходят в то время, когда Советы добились стратегического паритета и могут не беспокоиться об общественном мнении. В мире распространена модная точка зрения о разрядке любой ценой. Это ставит западные страны в невыгодное положение» [4: 391]. Г. Киссинджер постоянно критиковал европейцев за их энтузиазм в отношении СБСЕ. Он считал, что Запад «должен позволить русским, как инициаторам, провести то, что они хотят, а именно короткую, энергичную конференцию, не имеющую существенного содержания» [4: 398–400], по итогам которой следовало подписать краткий, необязывающий документ по типу декларации о намерениях. США выступали против проведения саммита для подписания итоговых документов и создания постоянного органа после совещания, на чём настаивала советская сторона. В последнем предложении усматривалась попытка Советского Союза найти замену военно-политическим блокам.

Прохладное отношение США и смещающийся акцент СБСЕ от военных к политическим аспектам безопасности подтолкнули страны Западной Европы к тому, чтобы перенести подготовку к СБСЕ из НАТО в Европейское сообщество. Поскольку американская делегация в Хельсинки занимала внешне пассивную позицию, Европейское сообщество решило взять на себя роль лидера в представлении и продвижении западных предложений, определивших структуру и процедуры будущей конференции. В дальнейшем именно «девятка» формулировала положения, которые затем обсуждались партнёрами по Североатлантическому альянсу, и выступала как выразитель общей позиции Запада. США согласились с ведущей ролью Европейского сообщества и стран Западной Европы на многосторонних предварительных консультациях. Благодаря единому фронту западные страны смогли значительно расширить повестку дня совещания, включив в него такой выгодный для Запада пункт, как «свободное перемещение людей, идей и информации» [Romano, 2009: 257–270]. В то время как СССР и США по разным причинам выступали за короткую конференцию в один этап, Франция предложила схему проведения совещания в три этапа: встреча министров иностранных дел; работа комиссий и подкомиссий в составе экспертов, которые должны были проработать соглашения по каждому из вопросов; подписание окончательного текста. В итоге французское предложение было принято обеими сторонами [Осипов, 2017: 49–55].

Многосторонние предварительные консультации завершились 8 июня 1973 г. В ходе консультаций обе стороны проявили необходимую гибкость и готовность к компромиссам. Западу и Востоку удалось отстоять включение в повестку дня

совещания своих предложений ценой согласия с обсуждением тем, предложенных другой стороной. Совещание должно было проходить в три этапа. Первый этап должен был начаться 3 июля 1973 г. Повестка дня СБСЕ была разделена на три части: (1) вопросы, относящиеся к безопасности в Европе; (2) сотрудничество в области экономики, науки и техники и окружающей среды; (3) сотрудничество в гуманитарной и других областях [3: 31–37]. Так как в ходе предварительных консультаций предложения раскладывались по корзинам, установилась неофициальная, но закрепившаяся традиция называть разделы «корзинами».

В ходе ответного визита Л.И. Брежнева в США (18–26 июня 1973 г.) был согласован вопрос о начале переговоров о разоружении. Таким образом, как писал посол СССР в США А.Ф. Добрынин, «после многолетней “торговли” и споров СССР и его союзники добились согласия Запада на созыв общеевропейского совещания, а США и их союзники – начала переговоров по сокращению вооружённых сил в Центральной Европе» [1: 264].

К 3 июля 1973 г. министры иностранных дел стали прибывать в столицу Финляндии. Президент Р. Никсон напутствовал госсекретаря У. Роджерса следующими словами: «Меня в некоторой степени беспокоит то, что освещение конференции в прессе может вселить в умы людей чрезмерные надежды на возможные достижения СБСЕ. Я хочу быть уверенным, что все члены нашей делегации сохраняют позитивную, но сдержанную позицию в Хельсинки. Я думаю, что было бы лучше держаться подальше от ссылок на прошлые исторические события, такие как Венский конгресс, и от предположений о том, что эта конференция сама по себе приведёт к миру и сотрудничеству между Востоком и Западом» [4: 506].

СОВЕЩАНИЕ ПО БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЕВРОПЕ (3 июля 1973 г. – 1 августа 1975 г.)

Совещание началось со встречи министров иностранных дел (3–7 июля 1973 г.), которая утвердила заключительные рекомендации, принятые по итогам многосторонних предварительных консультаций, и определила дальнейший порядок работы совещания. Самым продолжительным был второй – женеvский – этап СБСЕ (сентябрь 1973 г. – июль 1975 г.), в ходе которого рабочие группы занимались согласованием целого ряда документов. Женевский этап СБСЕ был наполнен острой «борьбой между внешнеполитическими и идеологическими концепциями социалистических и капиталистических стран» [2: 37]. Наибольшее внимание было приковано к согласованию декларации принципов взаимоотношений между государствами, которая составляла главную часть первой корзины. Сложности возникли с вопросом о признании послевоенных границ, который СССР и его союзники считали приоритетным. «В соответствии с избранной стратегией СССР добивался безусловного утверждения принципа нерушимости границ, из чего вытекало бы,

что территориально-политическое устройство Европы, как оно сложилось к тому времени, не может быть изменено. Это в свою очередь закрепило бы раскол Германии и нахождение ГДР в социалистическом лагере» [Адамишин, 2005].

США напрямую не оспаривали территориальные границы (за исключением стран Балтии), но не давали гарантий в отношении неизменности внутренней обстановки в странах Восточной Европы. Особой позиции придерживалось правительство ФРГ, которое считало, что принцип нерушимости границ должен быть напрямую связан с принципом неприменения силы. ФРГ стремилась не допустить, чтобы итоговые соглашения СБСЕ превратились в подмену мирного договора, который окончательно определил бы границы в Европе и закрыл возможность для объединения Германии [Readman, 2006: 1104].

В то время как СССР выделял два принципа (нерушимость границ и территориальная целостность государств), представители западных стран подчёркивали важность принципа уважения прав человека и основных свобод. Протяжённая по времени конференция позволяла западной стороне добиваться уступок от Москвы путём постепенного «вбрасывания» в повестку дня конференции вопросов гуманитарного сотрудничества, включая свободу передвижения людей, обмен идеями, соблюдение прав человека. Соглашаясь на закрепление послевоенных границ в Европе, западные страны ожидали встречных уступок от СССР в вопросе прав человека. В свою очередь советское руководство стремилось «минимизировать» цену уступки, апеллируя к принципу невмешательства во внутренние дела (следует отметить, что данный принцип был зафиксирован в договоре «Основы взаимоотношений между СССР и США» от 29 мая 1972 г.). В отличие от стран Западной Европы, в США не верили в то, что СССР легко пойдёт на уступки по вопросам третьей корзины и предлагали ограничиться устранением отдельных препятствий на пути расширения контактов между людьми и более свободного распространения информации [4: 498–501]. Во время женевого этапа не раз поднимался вопрос об уровне заключительной, третьей фазы СБСЕ. США лавировали между позицией СССР и других социалистических стран о проведении встречи на высшем уровне и позицией «девятки» о встрече на уровне министров иностранных дел.

Почти на всём протяжении СБСЕ Белый дом держал совещание в числе низкоприоритетных задач, вопреки мнению карьерных дипломатов Госдепартамента, которые полагали, что переговоры, особенно по третьей корзине, могут быть полезными для Запада. После начала женевого этапа Г. Киссинджер, который 22 августа был назначен на пост госсекретаря, продолжал игнорировать СБСЕ. Американские дипломаты в Женеве не имели письменных инструкций от Госдепартамента или изложения общих целей американской политики. Если американская делегация и получала рекомендации от Г. Киссинджера, то они состояли в том, чтобы замедлить переговоры в ответ на начавшуюся в октябре 1973 г. войну на Ближнем Востоке [Hanhimaki, 2003: 46]. В результате делегация США на СБСЕ вела себя пассивно. Американские представители в Женеве не отказывались от

посещения заседаний и не занимали откровенно негативную позицию, но стремились откладывать рассмотрение вопросов, когда это было возможно.

В ходе женевских переговоров США оказались зажатыми между Советским Союзом, который добивался американского сотрудничества в целях быстрого завершения совещания, и странами Западной Европы, которые хотели общим западным фронтом усилить давление на Москву для получения уступок по вопросу о правах человека. Как отмечает М. Морган, Г. Киссинджер пытался «пройти по канату, балансируя между хорошими отношениями с союзниками и хорошими отношениями с Советами» [Morgan, 2008: 171]. В Западной Европе критиковали США за недостаточную активность. 10 октября 1973 г. министр иностранных дел Бельгии Р. ван Эльсланд в беседе с Г. Киссинджером упрекнул последнего: «Успех СБСЕ, с западной точки зрения, возможен только при наличии определённого баланса между всеми тремя корзинами. Иногда у нас складывается впечатление, что Соединённые Штаты интересуется только первая корзина, а не вторая или третья». В ответ Г. Киссинджер заметил, что советский режим не изменится от расширения контактов и что политические и военные вопросы предполагают более конкретные соглашения, чем соглашения по правам человека. Он согласился, что следует взять от Москвы всё, что можно, но выразил сомнение, что СССР готов пойти на серьёзные уступки в вопросах прав человека» [4: 523–524].

Москва также обвиняла США в пассивности. Во время встречи Г. Киссинджера с А.А. Громыко в Женеве 22 декабря 1973 г. советский министр высказался следующим образом: «Ваши и наши представители на СБСЕ находятся в контакте друг с другом, но мы считаем, что ваши представители, даже если занимают позицию, благоприятствующую успеху, тем не менее должны быть немного более активными для достижения этого успеха» [4: 536]. В конце 1973 г. генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев в письме к президенту Р. Никсону обратился с призывом ускорить ход СБСЕ. Он выразил озабоченность тем, что некоторые участники конференции пытались размыть принцип нерушимости границ, подчёркивая возможность их мирного изменения. Л.И. Брежнев указывал на необходимость «развязать в духе реализма ещё один узел – то, что называют “третьей корзиной” и прописать в декларации принцип невмешательства во внутренние дела государств, уважение суверенитета, законов и обычаев каждой страны» [4: 538–539]. США находились на стороне ФРГ, но считали, что деликатный вопрос о мирном изменении границ должен обсуждаться напрямую между СССР и ФРГ. В вопросах гуманитарного сотрудничества США были готовы поддержать максимальное увеличение контактов между людьми, не выходящее за рамки внутреннего законодательства сторон.

Несмотря на внешнюю пассивность, Вашингтон сыграл важную роль в разрешении нескольких проблем, препятствующих успешному завершению СБСЕ. Г. Киссинджер демонстрировал свою незаинтересованность переговорами в Женеве, но в то же время настаивал на параллельном обсуждении вопросов СБСЕ с Москвой с целью выработки необходимых компромиссов. В феврале 1974 г. в

Женева состоялись конфиденциальные консультации советских и американских представителей по вопросу о том, как сформулировать принцип невмешательства во внутренние дела государств. Возглавлявший советскую делегацию в Женеве заместитель министра иностранных дел А.Г. Ковалёв вспоминал, что А.А. Громыко и Г. Киссинджер согласовали «принципиально важную фразу», имевшую «краеугольное значение для дальнейшего хода женевского этапа», которая звучала следующим образом – «государства-участники будут уважать законы и административные правила друг друга» [Обеспечение международной безопасности...: 93]. Сверхдержавы договорились о том, чтобы предложение внесла третья страна. Выбор пал на нейтральную Финляндию. В соответствии с разработанным планом финны должны были внести предложение, СССР – на него отреагировать, а США – хранить молчание, чтобы не вызвать подозрений о «предшествующем американо-советском сговоре» [4: 634].

Вопрос о границах обсуждался в треугольнике США – ФРГ – СССР. В марте 1974 г. Г. Киссинджер посетил Бонн и Москву. На переговорах в Бонне министр иностранных дел ФРГ В. Шеель категорически отверг американское предложение отказаться от фразы о возможности «мирного изменения границ» [4: 577]. На переговорах с Л.И. Брежневым в Москве, в основном посвящённых вопросам ближневосточного урегулирования, Г. Киссинджер продолжал придерживаться стратегии «увязки» и настаивал на том, что США смогут согласиться на проведение заключительного этапа СБСЕ в форме саммита, если СССР проявит большую уступчивость по вопросам третьей корзины. В то же время он согласился с мнением А.А. Громыко, что два принципа (неизменность границ и возможность их мирного изменения) не могут фигурировать в одном и том же пункте. Г. Киссинджер заверил советскую сторону, что будет придерживаться этой позиции на обсуждениях с союзниками [4: 577–580]. После возвращения Г. Киссинджера в Вашингтон США проинформировали своих союзников по Североатлантическому альянсу о содержании переговоров в Москве и предложили Совету НАТО незамедлительно рассмотреть вопрос о том, каким будет разумный и приемлемый итог СБСЕ для западных стран по каждой корзине [4: 603]. Одновременно Госдепартамент отправил инструкции американской делегации в Женеве работать как можно медленнее [4: 604].

США оказались в роли посредника между СССР и странами Западной Европы, которые добивались максимальных уступок от Москвы по вопросам третьей корзины. В мае 1974 г. страны «девятки» даже намеревались сделать коллективный демарш и прервать женевские переговоры из-за недостаточной стоворчивости СССР по этому вопросу [2: 38–39]. Заместитель помощника президента США по вопросам национальной безопасности Б. Скоукрофт в письме Г. Киссинджеру от 6 мая 1974 г. замечал, что позиция США на СБСЕ стала «довольно ироничной» ввиду того, что американцы были «самыми скептически настроенными» по отношению к данной конференции, но в настоящий момент «стали ключом к успеху как в советском, так и в западноевропейском понимании». «Однако истина

заключается в том, – писал Б. Скоукрофт, – что сейчас, как и раньше, в этом мероприятии для нас нет ничего важного, кроме той степени, в которой мы можем использовать СБСЕ для достижения других целей в отношениях с Советами» [4: 617–618].

Исходя из интересов атлантического единства США демонстрировали солидарность со своими западноевропейскими союзниками. Вашингтон не собирався оказывать давление на Западную Европу по содержанию третьей корзины, но обещал Москве сделать всё возможное, чтобы способствовать достижению компромисса. В июне 1974 г. по пути в Москву Г. Киссинджер сделал остановку в Европе. В общении с европейскими коллегами он в очередной раз подчеркнул, что ожидания от конференции должны быть реалистичными и сторонам следует стремиться к минимальным достижимым результатам. Г. Киссинджер старался подтолкнуть европейцев к более эффективным переговорам и одновременно заверил их, что США не будут заключать предварительное соглашение с СССР [The Strained Alliance...: 266–267].

Тем не менее, когда 5 июня 1974 г. финны положили на стол предложения, включающие поправку к параграфу о принципе невмешательства во внутренние дела и поправку к преамбуле по третьей корзине, «девятка» заметила, что за действиями Финляндии стоит советская сторона. 24 июня 1974 г. в Госдепартамент пришла тревожная телеграмма от американской делегации в Женеве, в которой указывалось на проведение закрытого заседания «девятки». Американские дипломаты рекомендовали отрицать наличие советско-американской сделки и играть ещё менее активную роль на конференции, а также использовать контакты с Москвой для оказания давления на СССР [4: 659–660].

Вскоре после этого главы делегаций стран – членов НАТО провели заседание в американской миссии в Женеве. Несмотря на решительную американскую поддержку некоторого типа пакетной сделки, которая позволила бы конференции выйти из тупика, европейские страны выразили опасение, что принятие финского предложения будет означать уступку Запада [4: 665]. 30 июня заместитель госсекретаря по европейским делам А. Хартман предупредил Г. Киссинджера, что европейцы неохотно пойдут на дальнейший компромисс, пока не увидят каких-либо доказательств того, что Москва выполняет свою часть сделки [4: 676]. В июле 1974 г. Г. Киссинджер предложил в рамках межсоюзнических консультаций стран – членов НАТО в Женеве составить единый документ, излагающий ожидания западных стран от третьей корзины [4: 683]. В Госдепартаменте считали, что Вашингтон должен показать союзникам, что он ищет золотую середину, а Советскому Союзу – что он пытается решить некоторые из его проблем [4: 700–704].

В связи с Уотергейтским скандалом 8 августа 1974 г. Р. Никсон ушёл в отставку, с 9 августа президентом стал Дж. Форд. Новый президент ввёл в лексикон администрации тезис «о недопустимости односторонней разрядки», дающей преимущества СССР. Возможность Г. Киссинджера влиять на решения Белого дома

ослабла ввиду того, что он утратил пост помощника президента по национальной безопасности и, как следствие, кресла председателя в ряде важных межведомственных комиссий [1: 326]. Однако именно в это время Г. Киссинджер внёс существенный вклад в развитие СБСЕ. Он старался ускорить завершение совещания, убеждая союзников в необходимости более чётко определить свои позиции [Hanhimaki, 2003: 52]. Одновременно Г. Киссинджер вёл двусторонние переговоры с СССР по некоторым ключевым вопросам СБСЕ, на которых отстаивал положения, разработанные «девяткой», и не стремился переформулировать общую западную позицию [Mockli, 2009: 126]. Он отказался от роли посредника между СССР и западноевропейскими странами в пользу последних. Американская делегация в Женеве ужесточила свои позиции и стала требовать больших уступок от СССР. Г. Киссинджер вёл упорный торг с А.А. Громыко по вопросу о мерах укрепления доверия. Обсуждение этого конкретного и значимого вопроса соответствовало его пониманию разрядки в духе реализма.

8 февраля 1975 г. из Женевы пришла телеграмма, в которой говорилось о новом тупике на СБСЕ в связи с тем, что Советский Союз отказался от собственной гибкости и упирался по всем направлениям работы конференции. Так как в СССР были уверены в проведении саммита в июне-июле 1975 г. и широком признании итогов конференции, советское руководство полагало, что это заставит западные и нейтральные страны отказаться от своих более амбициозных предложений и согласиться с минимальными позициями, выдвигаемыми Востоком [4: 792].

По-прежнему несогласованным оставался вопрос о границах. По просьбе правительства ФРГ Вашингтон взял на себя посредническую миссию. Фраза о возможности мирного изменения границ была согласована по каналам двусторонних переговоров США и СССР. Решающее значение сыграли переговоры Г. Киссинджера и А.А. Громыко в Женеве 17 февраля 1975 г., в ходе которых политики обсудили формулировку данного принципа. Предложенный американской стороной текст выглядел следующим образом: «государства-участники считают, что их границы могут быть изменены в соответствии с международным правом, мирными средствами и по договоренности» [4: 805]. США предлагали включить данную формулировку в текст первого принципа (суверенное равенство и уважение прав, присущих суверенитету).

В конце февраля-марте 1975 г. Госдепартамент продолжил поиск компромиссной формулировки принципа мирного изменения границ, приемлемой как для Западной Германии, так и для Советского Союза, которую можно было бы включить в заключительный документ СБСЕ. Предложение было предварительно зарегистрировано в апреле 1975 года. США от своего имени представили текст, в котором предлагалась следующая формулировка: «В соответствии с международным правом государства-участники считают, что их границы могут быть изменены мирными средствами и по договоренности» [Загорский, 2005: 78–79]. Другим аспектом данного компромисса, в результате которого вопросы нерушимости

границ и их мирного изменения были «разведены» в разные принципы, стало согласование формулы равенства и взаимосвязанности всех десяти принципов. По мнению западных стран, это гарантировало, что принцип нерушимости не будет интерпретироваться изолированно от других обязательств [Загорский, 2005: 79].

Советская делегация стремилась уложиться в сроки, установленные Л.И. Брежневым, и была вынуждена идти на уступки, чтобы завершить совещание летом 1975 г. Понимая, что советские представители находятся под давлением, страны НАТО решили придерживаться следующей тактики: не предпринимать поспешных действий, сохранять собственное единство, ждать дальнейших сигналов гибкости от СССР. В случае наличия таких сигналов США были готовы двигаться вместе с союзниками в сторону серьёзных переговоров по остающимся спорным вопросам и добиваться разумных существенных результатов в интересах Запада [4: 848-849]. 28 мая в Париже прошла встреча министров иностранных дел США, ФРГ, Великобритании и Франции, в ходе которой Г. Киссинджер подчеркнул, что, «представив Советам 15 мая общий западный документ (глобальная инициатива), было бы ошибкой сейчас от него отступить» [4: 855]. 19 июня на встрече в Вашингтоне послов в НАТО Дж. Форд отметил, что США по-прежнему считают, что «партнёры по альянсу должны быть главными сторонами, участвующими в управлении темпом переговоров» [4: 883-884]. Данную позицию подтвердил участвующий во встрече Г. Киссинджер, который заметил: «Откровенно говоря, наши инструкции американскому послу в Женеве заключаются в том, чтобы держаться на полшага позади европейцев» [4: 885].

В итоге Советский Союз уступил давлению. Последние несогласованные вопросы по существу итогового документа и процедуре были решены 10-11 июля в Женеве на встрече А.А. Громыко и Г. Киссинджера [Кашлев, 2005: 42-43]. Итоговые документы были подписаны главами государств и правительств на третьем заключительном этапе СБСЕ, проходившем с 30 июля по 1 августа в Хельсинки. Декларация принципов отношений между государствами в её окончательной редакции стала результатом серии взаимных уступок между Востоком и Западом. Москва достигла своей главной цели – признания принципа «нерушимости границ», допустив, однако, их мирное изменение. Западным странам удалось согласовать включение в список принципа «уважения прав человека и основных свобод» [Адамишин, 2005].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

США не видели особого смысла в многосторонних переговорах по вопросам европейской безопасности, но согласились на проведение СБСЕ с учётом интереса к нему со стороны своих союзников в странах Западной Европы. Вашингтон использовал СБСЕ, чтобы добиваться уступок от СССР по другим вопросам, таким как решение проблемы статуса Западного Берлина и согласие Москвы на переговоры о

взаимном сбалансированном сокращении вооружённых сил и вооружений в Европе. Ввиду незаинтересованности в проведении совещания Вашингтон уступил главную роль в определении повестки дня и процедурных вопросов СБСЕ странам Западной Европы. В то же время, поскольку продолжение разрядки напрямую зависело от хода советско-американских переговоров о сокращении стратегических вооружений, окончательные договорённости о начале СБСЕ были достигнуты после заключения Вашингтоном и Москвой Временного соглашения о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений.

Для Вашингтона общеевропейское совещание было одновременно дипломатической стратегией в отношениях с СССР и политической необходимостью в отношениях с союзниками. США играли роль посредника между СССР, который стремился получить содействие Вашингтона для быстрого завершения совещания, и странами Западной Европы, добивавшимися уступок от Москвы по вопросам прав человека. Вашингтон следовал общей линии, выработанной западными странами, и одновременно вёл двусторонние переговоры с СССР. Несмотря на внешнюю пассивность американской делегации в Женеве, США внесли весомый вклад в разработку компромиссных формулировок, вошедших в Заключительный акт СБСЕ.

ИСТОЧНИКИ

1. Добрынин А.Ф. 1996. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962-1986 гг.). М.: Автор. 688 с.
2. Кашлев Ю.Б. 2005. Хельсинкский процесс 1975–2005. Свет и тени глазами участника. М.: Издательство «Известия». 392 с.
3. От Хельсинки до Будапешта: История СБСЕ/ОБСЕ в документах 1973-1994 гг. В 3-х томах. Т. 1. 1996. М.: Наука. 384 с.
4. Foreign Relations of the United States. 1969-1976. Vol. 39. European Security. 2007. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office. 1131 p.
5. Kissinger, H. 1979. The White House Years. London: Weidenfeld and Nicolson and Joseph. 1521 p.
6. Mutual and Balanced Force Reductions. Declaration adopted by Foreign Ministers and Representatives of Countries participating in the NATO Defence Program, 24-25 June 1968. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_26739.htm?selectedLocale=en (accessed 11.05.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адамишин А.Л. 2005. Заключительный акт: занавес опускается? *Россия в глобальной политике*. № 4. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/zaklyuchitelnyj-akt-zanaves-opuskaetsya/> (accessed 28.09.2022).
- Гриневский О.А. 2004. Перелом. От Брежнева к Горбачёву. М.: ОЛМА-ПРЕСС. 624 с.
- Загорский А.В. 2005. Хельсинкский процесс. Переговоры в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1972–1991. М.: Права человека. 448 с.

Кашлев Ю.Б. Общеввропейский процесс: вчера, сегодня, завтра. М.: Международные отношения, 1990. 181 с.

Обеспечение международной безопасности в условиях холодной войны: поиски согласованных подходов / Под. ред. Н.И. Егоровой. 2017. М.: Издательство «Весь мир». 320 с.

Осипов Е.А. 2017. Французская концепция разрядки (1965–1975). *Обеспечение международной безопасности в условиях холодной войны: поиски согласованных подходов* / Под ред. Н.И. Егоровой. М.: Издательство «Весь мир». С. 40–73.

Печатнов В.О., Манькин А.С. 2012. История внешней политики США. М.: Международные отношения. 672 с.

Рахманинов Ю.Н. 1985. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. *Европа XX века: проблемы мира и безопасности*. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Международные отношения. С. 167–181.

Синдеев А.А. 2023. А.А. Громыко и политика безопасности: настройка на Хельсинки. *Современная Европа*. № 4. С. 183–194.

США и общеевропейский процесс / Отв. ред. Ю.П. Давыдов. 1989. М.: Наука. 158 с.

REFERENCES

Adamishin, A.L. 2005. Zakliuchitelnyi akt: zanaves opuskaetcia? [Final act: does the curtain fall?] (In Russ.) *Russia in Global Affairs*. № 4. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/zaklyuchitelnyj-akt-zanaves-opuskaetsya/> (accessed 28.09.2022).

Grinevsky, O.A. 2004. Perelom. Ot Brezhneva k Gorbachevu [Fracture. From Brezhnev to Gorbachev] (In Russ.). Moscow: OLMA-PRESS. 624 p.

Hanhimaki, J.M. 2003. 'They Can Write it in Swahili': Kissinger, the Soviets, and the Helsinki Accords, 1973-1975. *Journal of Transatlantic Studies*. No. 1. P. 37-58.

Hanhimaki, J.M. 2010. Détente in Europe, 1962-1975. *The Cambridge History of the Cold War. Vol. 2. Crises and Détente* / Ed. by M.P. Leffler and O.A. Westad. New York: Cambridge University Press. P. 198-218.

Kashlev, Yu.B. Obchsheevropeiskii protsess: vchera, segodnia, zavtra [Pan-European process: yesterday, today, tomorrow] (In Russ.). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1990. 181 p.

Mockli, D. 2009. European Foreign Policy during the Cold War: Heath, Brandt, Pompidou and the Dream of Political Europe. London: I.B. Tauris. 476 p.

Morgan, M.C. 2008. The United States and the Making of the Helsinki Final Act. *Nixon in the World: American Foreign Relations, 1969-1977* / Ed. by F. Logevall and A. Preston. Oxford: Oxford University Press. P. 164-171.

Obespechenie mezhdunarodnoi bezopasnosti v usloviakh kholodnoi voiny: poiski согласованных podkhodov [Ensuring international security in the context of the Cold War: the search for coordinated approaches] (In Russ.) / Ed. By N.I. Egorova. 2017. Moscow: Izdatelstvo "Ves mir". 320 p.

Osipov, E.A. 2017. Frantsuzskaia kontseptsia razriadki (1965-1975) [French concept of détente (1965-1975)] (In Russ.) / Ed. by N.I. Egorova. Moscow: Izdatelstvo "Ves mir". P. 40-73.

Pechatnov, V.O., Manykin, A.S. 2012. Istoriia vneshnei politiki SShA [History of U.S. foreign policy] (In Russ.) Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 672 p.

Rahmaninov, Yu.N. 1985. Soveshchanie po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope [Conference on Security and Cooperation in Europe] (In Russ.). *Evropa XX veka: problemy mira i bezopasnosti* / Ed. by A.O. Chubarian. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. P. 167-181.

Readman, K.S. 2006. National Interests and the Power of 'Language': West German Diplomacy on the Conference on Security and Cooperation in Europe, 1972-1975. *Journal of Strategic Studies*. Vol. 29, No. 6. P. 1077-1120.

Romano, A. 2009. A Single European Voice Can Speak Louder to the World: The EPC and the CSCE Experience. *The Road to a United Europe: Interpretations of the Process of European Integration* / Ed. by M. Rasmussen and A.-Ch. L. Knudsen. Brussels: P.I.E. Peter Lang. P. 257- 270.

Sindeev, A.A. 2023. A.A. Gromyko i politika bezopasnosti: nastroyka na Helsinki [A.A. Gromyko and security policy: setting up for Helsinki] (In Russ.). *Contemporary Europe*. No. 4. P. 183-194.

SShA i obshcheevropeiskii protsess [USA and the pan-European process] (In Russ.) / Ed. by Yu.P. Davydov. 1989. Moscow: Nauka. 158 p.

The Strained Alliance: U.S. – European Relations from Nixon to Carter / Ed. by M. Schulz, T.A. Schwartz. 2010. Washington D.C.: German Historical Institute. 383 p.

Zagorsky, A.V. 2005. Helsinskii protsess. Peregovory v ramkakh Soveshchaniia po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope 1972-1991. [Helsinki process. Negotiations within the framework of the Conference on Security and Cooperation in Europe 1972-1991] (In Russ.). Moscow: Prava cheloveka. 448 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛЕКАРЕНКО Оксана Геннадьевна, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений Национального исследовательского Томского государственного университета (ТГУ).
Российская Федерация, 634050, Томск, пр-т Ленина, д. 36.

Oksana G. LEKARENKO, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Chair of the Department of Modern, Contemporary History and International Relations of National Research Tomsk State University (TSU).

36, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024 / Received 29.03.2024.

Статья поступила после рецензирования 11.04.2024 / Revised 11.04.2024.

Статья принята к публикации 12.04.2024 / Accepted 12.04.2024.

УДК 316.7, 330. 16

DOI: 10.31857/S2686673024060048

EDN: ZBDXRV

Нематериальный экономический культурный капитал Канады (наброски к характеристике)

В.Б. Студенцов

*Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова
Российской академии наук (ИМЭМО РАН).*

Российская Федерация, 177997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23

Researcher ID: C-9842-2019

ORCID: 0000-0002-4242-0877

e-mail: studentcov.viktor@gmail.com

Резюме. Канада как общество является продуктом если не слияния, то тесной интеграции двух культур – английской протестантской и французской католической. Закономерно, что её культурный капитал – ценности, традиции, представления, нормы – состоит из элементов или смешения культурных капиталов Англии (Великобритании) и Франции. Канада унаследовала от них государственно-коммунитарные настроения и коммунитаризм (по сравнению с США, где стали превалировать сильные антиэтатистские и индивидуалистические настроения). Суровые условия жизни и удалённость от метрополий выработала у канадцев «гарнизонный менталитет» и ориентацию на «выживание», спровоцировав таким образом коммунитарный образ жизни. Непосредственные наблюдатели жизни Новой Франции в XVII–XVIII веках отмечали резкий контраст между французами и англичанами: первые, подражая местной знати, старались угнаться за ней в роскоши, вторые – не уставали трудиться и стремились вкладывать заработанные средства в дело. К сегодняшнему дню различия в этике труда и потребления англоязычных (протестантов) и франкоговорящих (католиков) канадцев в значительной мере остались в прошлом, но отказ от меркантильной ориентации у некоторых слоёв канадского общества частично сохранился. Канадские менеджеры не столь агрессивны и напористы как американцы, больше готовы поступиться своими частными интересами в пользу общественных. Более прочно ментально связанная с Европой Канада переняла многие социал-демократические ценности последней – довольно широкое развитие получили социальное государство (с бесплатным здравоохранением) и государственное предпринимательство (впрочем, его размеры были существенно урезаны). Соседство с таким экономическим гигантом как США имеет свои плюсы и минусы. Южного соседа подозревают в стремлении форматировать экономику Канады под свои цели и задачи, что вызывает неприятие и сопротивление.

Ключевые слова: Канада, нематериальный экономический культурный капитал, экономическая культура, индивидуализм, коммунитаризм, государственное предпринимательство, социальное государство, американизация

Для цитирования: Студенцов В.Б. Нематериальный экономический культурный капитал Канады (наброски к характеристике). *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(6):48–63. DOI: 10.31857/S2686673024060048 EDN: ZBDXRV

Canada's Intangible Economic Cultural Capital (Outline for Characterization)

Viktor B. Studentsov

*Primakov National Research Institute
of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), 117997,
Moscow, Profsoyuznaya str. 23.*

Researcher ID: C-9842-2019

ORCID: 0000-0002-4242-0877

e-mail: studentcov.viktor@gmail.com

Abstract: Canadian society is the product, if not a fusion, then a close coexistence of two cultures - English, Protestant and French, Catholic. It is natural that its cultural capital – values, traditions, perceptions, norms, etc. – is composed of elements of the cultural capitals of England (Britain) and France, or a mixture of them. Thus, Canada has inherited from them statism and communitarianism, while the United States has come to be dominated by anti-statist and individualistic sentiments. The harsh living conditions and remoteness from metropolitan areas have been instrumental in producing a "garrison mentality" and a "survival" orientation among Canadians, which provoked a more communitarian lifestyle. Direct observers of life in New France in the seventeenth and eighteenth centuries noted a sharp contrast between the French and the English – the former imitating the local nobility in trying to keep up with it in luxury, while the latter sought to toil hard and to invest their earnings in business. Differences in work and consumer ethics between English-speaking (Protestants) and French-speaking (Catholics) Canadians seem mostly to be a thing of the past, however, the rejection of mercantile orientation in some segments of Canadian society still persists to the present day. Canadian managers are not as aggressive and assertive as Americans and are more ready to take into account the public interest. True to some of its historical European roots, Canada has adopted many social democratic practices – a fairly developed welfare state (with free healthcare) and large-scale state entrepreneurship (however, its size has been significantly reduced lately). Proximity to such an economic giant as the USA has both pluses and minuses. The southern neighbor is suspected of trying to format the Canadian economy to suit its own goals and objectives, which causes rejection and resistance.

Keywords: Canada, intangible economic cultural capital, economic culture, individualism, communitarianism, welfare state, public enterprise, americanisation

For citation: Studentsov, V.B. Canada's Intangible Economic Cultural Capital (Outline for Characterization). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(6):48–63.

DOI: 10.31857/S2686673024060048

EDN: ZBDXRV

ВВЕДЕНИЕ

Канаде суждено пребывать в тени своего более могущественного соседа – США, которые существенно превосходят её по численности населения, разнообразию и комфортности климата, богатству природных ресурсов, экономическому потенциалу. Однако и культурный капитал, в том числе тот, что непосредственно

связан с хозяйственными процессами [подробнее см. Студенцов В.Б., 2024, 3] Канады, существенно отличается от американского: Соединённые Штаты в некотором смысле – бастион индивидуализма, а Канаду зачастую характеризуют, скорее, как европейскую альтернативу США в Северной Америке.

СТРАНА ДВУХ КУЛЬТУР

Соединённые Штаты Америки складывались в результате слияния нескольких потоков иммиграции (первоначально с Британских островов, Центральной и Северной Европы), а Канада стала объектом притяжения и ареной противоборства прежде всего британских и французских поселенцев и стоящих за них метрополий, в результате и образовалась двуязычная общность. Жители Канады унаследовали не только языки своих исторических отечеств, но и некоторые черты (ценности и представления) их культур.

История открытия и освоения Канады французами началась в 1534 г., но до первых десятилетий XVII века массово и прочно закрепиться им не удавалось. В отличие от британской колонизации Нового Света, которая была делом частных лиц (компаний), французская изначально стала осуществляться под эгидой государства. В 1627 г. следуя британскому примеру колонизации новых территорий с помощью частных компаний, кардинал Ришелье создал Компанию ста компаньонов, которой в 1633 г. в обмен на поддержание и расширение поселений в Новой Франции (включавшей Акадию, Квебек, Ньюфаундленд и Луизиану) были дарованы контроль над торговлей пушниной и права на землю. Компания брала на себя обязательство за 15 лет привлечь 4 тыс. новых поселенцев, однако к 1640 г. прибыло всего 300 человек. Несмотря на посулы несметных богатств, которые якобы можно было отвоевать у дикой природы, а также титулы, и чины, щедро раздаваемые потенциальным первопроходцам, массовой иммиграции не наблюдалось. Правительство попыталось нарастить число жителей колонии, рекрутируя преступников, которым было обещано полное прощение, как только те ступят на землю Нового Света, но и это никак не помогло решить проблему малонаселённости колоний, поскольку охотников искать счастья за океаном было немного. Иммиграция была незначительной, к тому же нормальному развитию поселений препятствовала нехватка лиц женского пола. В начале 1760-х гг., чтобы попытаться решить эту проблему, завезли 500 девушек-сирот и бесприданниц, которые получили прозвание «дочери короля». Заручившись согласием, девушек снарядили в долгий путь, где их ждали потенциальные женихи и казённое приданое. Но и последовавшее затем некоторое приращение населения не помогло надолго закрепить эти территории за французами – в 1763 г. провинция Новая Франция отошла британской короне.

Британцы же проникали в Канаду в основном с юга, где с 1720-х гг. они основали довольно успешные колонии и постепенно продвигались на север. В результате взаимопроникновения и противоборства (в значительной степени военного)

британцев и французов и стоявших за ними метрополий и сложилась Канада. Политическим и мировоззренческим водоразделом между ней и южным соседом США стала Американская революция и Война за независимость.

«Сами определяющие эти нации (США и Канаду – В.С.) организующие принципы, [то есть] центральные оси, вокруг которых формировались институты и события, были разными, – писал выдающийся исследователь американо-канадских отношений Сеймур Липсет. – Один из принципов был вигским и классически либеральным или либертарианским, то есть базировался на доктринах, выражающих недоверие к государству, эгалитаристским (понимаемом как отстаивание равенства возможностей – В.С.) и популистским (опиравшимся на массы – В.С.), подкрепленным волюнтаристской и конгрегационной религиозной традицией. Другой был торийским и консервативным в британском и европейском смысле – признавал необходимость сильного государства, настаивал на уважении к власти и почтительности – и опирался на иерархически организованные религии, которые поддерживали государство и поддерживались им» [Lipset S.M., 1990a: 2].

Возникшее в XVII веке пренебрежительное именование противников (виги) и сторонников (тори) претендента на королевский престол герцога Йоркского Якова, впоследствии короля Якова II, со временем стали обозначать последователей либерализма и консерватизма.

Англоязычные переселенцы в огромном своём большинстве были протестантами, французские – католиками; причём королевские власти Франции активно противодействовали заселению Канады гугенотами (реформатами). Между тем в протестантской среде было много приверженцев не централизованной, иерархически выстроенной церковной организации (англиканской церкви), а самостоятельных церквей-общин (конгрегаций), индепендентов.

Американский политолог Луис Харц (1919–1986) говорил о том, что англоканадцы были «заядлыми индивидуалистами», проникнутыми во многом теми же «эгалитарными чувствами» и «демократическим духом», что и американцы. По мнению Л. Харца, любые различия между американским и англо-канадским либерализмом являются лишь вопросом степени: в США он был ярко выражен, в Канаде носил «сдержанный» характер. Сохранение тесных связей с метрополией обусловило то, что жители английской Канады в течение длительного времени выказывали приверженность таким убеждениям тори, как легитимность монархического правления и признание превосходства аристократии [Grabb E., Curtis J., 2010: 14].

В книге «Континентальный разлом» Липсет утверждал, что Канада «была и остаётся в большей степени классово осознающим себя, элитарным, законопослушным, государственным, коллективно-ориентированным и партикуляристским обществом, чем США» [Lipset S.M., 1990a: 8]. Что касается Соединённых

Штатов, то они характеризовались им как «классически либеральное, вигское, индивидуалистическое, антигосударственническое» [Lipset S.M., 1990a: 212] и популистское общество.

В отличие от оптимистической, жизнеутверждающей ориентации американских (пуританских) переселенцев, рассчитывающих на обетованной земле Нового Света обрести не только религиозную свободу, но и экономическое процветание, переселенцы в Канаду столкнулись с суровым климатом и дикой природой и были настроены скорее пессимистично. Ставшее со временем господствующим умонастроение канадцев сформулировали филолог Нортроп Фрай [Frye N., 1982] и писательница Маргарет Этвуд [Atwood M., 1972]. Их совместная позиция состояла в том, что население этой страны отличает защитная, оборонительная позиция, которую Фрай обозначил как гарнизонный менталитет, а Этвуд как выживание [Atwood M., 1972: 31–33]. Придя к такому выводу ещё в начале 1970-х гг. в своей книге, названной «Выживание», Этвуд с тех пор от него так и не отказалась [см., Atwood M., 2003: 52]. Этот феномен выражается в повсеместном использовании в канадской беллетристике «позиции жертвы» – противостоящей герою стороной (силой) и в конечном счёте «победителем» в борьбе с ним становятся другие люди, природа (дикая местность, пустынный и враждебный ландшафт и т.д.) или другие факторы и обстоятельства. Обнаруженные Этвуд и Фраем установка на выживание и гарнизонный менталитет интерпретируются в качестве отражений страха канадцев перед суровой природой и малонаселенностью, стремления отгородиться от внешнего влияния и приверженности общинной жизни. В добавление к этому, франкофонные канадцы испытывали опасения по поводу утраты идентичности вследствие политического и экономического засилья со стороны англоязычных подданных короны [Pasquero J., 1997], это нашло своё выражение, в том числе, в референдумах об отделении Квебека.

БИЗНЕС ПО-КАНАДСКИ

В период освоения новых территорий и даже много позже столкновение протестантской и католической культур выявило большую гибкость и жизнеспособность первой.

Сейчас трудно судить, насколько обвинения в адрес католиков прошлых веков в лени, праздности и тому подобном со стороны их современников – протестантов были справедливы. Несомненно, однако, что католицизм, впрочем, и православие как религии по преимуществу сельских, аграрных масс характеризовались большим числом церковных праздников (что было связано с особым укладом жизни и календарем сельскохозяйственных работ). Протестантизм же как «городская» (буржуазная в исходном смысле) религия имел иной уклад, а потому предал забвению сельский распорядок, а его последователи стали располагать большим фондом рабочего времени.

Американский историк М. Эгнал в качестве важнейших причин, отличающих «французский мир» в Америке от «английского», выделял наличие сеньориальной системы, формально просуществовавшей до 1854 г., жёсткую сословную иерархичность, и ригидность, присущие католическому обществу. Так, крестьяне находились в подчинённом положении короне, знати и церкви. Французские наместники считали своим долгом наделять землёй прежде всего местных представителей знатных фамилий метрополии.

Царившие в метрополии иерархические порядки полностью воспроизводились в Новой Франции. Современных англичан и французов принято относить к вертикальным индивидуалистам, вероятно таковыми они были и в XVII–XVIII веках. Так вот, если одни вертикальные индивидуалисты (англичане и, может быть, даже шире – британцы) в первые столетия колонизации Нового Света пытались выделиться и утвердиться через успехи в хозяйственной деятельности, то другие (французы) – путём демонстрации роскоши. Шведский натуралист (лютеранин) П. Кальм сообщал из Квебека: «Англичане <...> не тратят время на одевание, как это делают здесь французы. В особенности дамы каждый день наряжаются и пудрятся, а каждый вечер делают завивку <...> Люди знатного происхождения привыкли носить кружевные одежды, а все королевские офицеры при шпагах». Стремление к украшениям было присуще не только знати и горожанам. «Простые деревенские жители <...> довольствуясь сухим хлебом и водой, отправляют все остальные продукты <...> в город, чтобы получить за них деньги, на которые покупают одежду и бренди для себя и наряды для своих женщин» [Egnal M., 1996: 23].

Историк-иезуит П.-Ф.-К. Шарлевуа комментировал ситуацию таким образом: «В Новой Англии и других подвластных Британской империи провинциях американского континента царит такое изобилие, что [жители] теряются в догадках, как найти ему применение; [тогда как] в Новой Франции – [царит] бедность, прикрываемая видимостью достатка». Шарлевуа подчёркивал контраст между беззаботными французами, ведущими разгульный образ жизни, и трудолюбивыми и бережливыми англичанами. «Английский колонист, – объяснял он, – накапливает богатство и никогда не делает лишних расходов; французский житель [снова] пользуется тем, чем <...> не владеет. Тот трудится для потомства, а этот оставляет своё потомство, пребывающим в точно такой же нужде, в какой оказался сам в начале своей деятельности». И, наконец: «В этой стране [Канаде] не встретишь ни одного богача, и это действительно большая жалость, каждый старается придать себе как можно более благообразный вид, и никто почти не думает о накоплении богатства» [Цит. по: Egnal M., 1996: 22].

Картина складывается неприглядная, хотя нельзя исключать того, что приведённые суждения были несколько тенденциозными. Во всяком случае в середине XIX века эффективность франкоканадских и англоамериканских фермеров не отличалась сколь-нибудь существенно [Lewis F., McInnis M., 1980].

И тем не менее в конце XIX века, по свидетельству Ф. Энгельса, экономическая отсталость Канады была несомненна. «Поразителен переход из Штатов в Канаду, – писал он своему корреспонденту. – Сперва кажется, что очутился снова в Европе, потом думаешь, что находишься в явно регрессирующей и пришедшей в упадок стране. Здесь видишь, как необходим для быстрого развития новой страны лихорадочно-предприимчивый дух американцев (предполагая капиталистический способ производства как базис). За десять лет эта сонная Канада созреет для аннексии, фермеры в Манитобе и т. д. сами тогда этого потребуют. Страна и без того уже наполовину аннексирована в отношении общественного быта – гостиницы, газеты, реклама и т. д. – всё по американскому образцу. И сколько бы они не сопротивлялись и ни упирались, экономическая необходимость проникновения духа янки скажется и уничтожит эту смехотворную пограничную линию, а когда настанет время, то и Джон Буль согласится и скрепит это своим благословением» [Энгельс Ф., 1965: 74, 77].

Различия в ментальности между канадцами и американцами оказались устойчивыми, как и подобает культурному капиталу. «Американцы поклоняются успеху, канадцы же это находят немного дурным тоном <...> Обобщая, можно сказать, что типичный американец <...> необдуманно и беззаботно агрессивен, а канадец <...> ворчливо и нерешительно оборонителен», – писала Этвуд [Цит. по: Lipset S.M., 1990a: 121]. «Мы не являемся страной предпринимателей и никогда ею не были <...> В канадском истеблишменте бытует мнение, что слишком упорно добиваться своего – это несколько вульгарно», – утверждал канадский историк П.Ф. Бертон (1920–2004) [Цит. по: Lipset S.M., 1990a: 121]. Очевидно, что подобные элитистские воззрения являются скорее аристократическим пережитком, и вряд ли типичны для среднего канадца. Тем не менее он всё же, кажется, менее меркантилен, чем американец. «Современные канадцы склонны отдавать предпочтение <...> чувству общности перед индивидуализмом», – полагают авторы статьи о Канаде в энциклопедии «Британника» [2]. Об этом же писала и российская исследовательница Е.В. Израелян, выделяющая в качестве важнейших особенностей канадского менталитета коллективизм и патернализм [Израелян Е.В., 2011].

Что касается деловой культуры Канады, то она представляет собой смесь американских, британских и французских элементов, и довольно заметно различается от одного региона страны к другому, поскольку большинство канадцев идентифицируют себя прежде всего со своей провинцией. По сравнению с канадскими американские менеджеры более прямолинейны и агрессивны. Канадский финансист У. Майкл Уилсон пересказывает беседу вернувшегося из Европы управленца-соотечественника с его преемником-американцем. Канадец посоветовал последнему обратить на бытующую среди его будущих подчинённых особую культуру, на что американец ответил, мол, не о чем беспокоиться, он «приведёт их в норму» [Wilson W.M., 2003: 168]. Он и не собирался подстраиваться под местные условия и мнения подчинённых, а был намерен диктовать им свою волю.

О канадских менеджерах сложилось мнение как о менее агрессивных, менее новаторских и менее склонных к риску. Канадцы и впрямь в целом более осторожны и консервативны в экономическом поведении – это проявляется в большей склонности к накоплению сбережений, относительно больших масштабах страхования, но в меньшем использовании заёмных средств, и в особенностях потребительского поведения. Проведённое в конце 1980-х гг. сравнение канадцев и американцев показывало, что северяне больше заботятся о безопасности – делают приготовления на чёрный день, активнее прибегают к страхованию и откладывают средства в качестве сбережений [Lipset S.M., 1990a: 126], выступают за предотвращение злоупотреблений со стороны крупного бизнеса не путём его дробления и стимулирования конкуренции, а частичного или полного огосударствления [Lipset S. M., 1990b: 270].

Кстати, Банк Канады видит именно в слабости конкуренции, небольших размерах предприятий, не позволяющих в полной мере реализовать выгоды от экономии масштаба, а также недостаточных инвестиций в капитал и рабочую силу причины низкой производительности труда. По её уровню Канада отстаёт уже от многих стран. В 1984 г. выработка (ВВП в человеко-час) в ней составляла 88% американской, а в 2022 г. только 71–72%, что выводило её на 18-е место в мире (на первом была Ирландия) [3]. К марту 2024 г. в деловом секторе она не росла целых семь лет [5].

Ведение бизнеса в Квебеке имеет свою специфику. Бытует суждение, что деловая этика в Квебеке рассматривается прежде всего в терминах коллективной социальной ответственности. «В Квебеке деловая этика тесно связана с одной центральной проблемой – сохранением "национальной идентичности", – отмечал Паскуэро. – Поэтому понимание обязанностей бизнесменов и фирм, необходимо рассматривать в социальном контексте» [Pasquero J., 1997: 621].

По данным нидерландского социолога Герта Хофстеде, ценностная ориентация квебекцев заметно отличается от остальной Канады. Соответствующие балльные оценки в среднем по Канаде и отдельно по Квебеку таковы: индивидуализм – 80 и 73, мужественность или маскулинность (нацеленность на результат) – 52 и 45, дистанцированность от власти – 39 и 54 и избегание неопределённости – 48 и 60. Таким образом, квебекцы менее индивидуалистичны, менее жёстки в достижении цели, больше ориентированы на власть, но и более осторожны.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ НОВОГО СВЕТА?

Канаду нередко уподобляли европейским социал-демократиям. Так, Винсент Ди Норсия писал: «Есть свидетельства того, что многие канадцы до сих пор относятся с подозрением к неограниченному *laissez faire* XIX века. Здесь, как и в ЕС, и на Дальнем Востоке, сотрудничество бизнеса и государства в смешанной экономике сдерживает индивидуалистический, свободный, либерализм. Не умерли и

социал-демократические ценности» [Di Norcia V., 1997: 587]. Проявление последних он находил в наличии системы частично бесплатного (страхового) здравоохранения и значительного государственного предпринимательского сектора. Но, если в Европе социал-демократия имела под собой идеологическую основу, то в Канаде она, судя по всему, была сугубо прагматичной. Историк экономики Канады Х. Эйткен полагал, что в свете перспективы поглощения более крупной и мощной экономикой США «государство было вынуждено взять на себя ответственность за создание и сохранение национальной экономики» [Aitken H.G., 1964: 7].

Именно так, постепенно и под давлением обстоятельств происходило расширение государственного предпринимательского сектора Канады. В начале 1980-х гг. он осуществлял примерно одну пятую всех вложений в основной капитал страны (для сравнения: примерно в те же годы соответствующая доля в США составляла чуть более 4%). Коронные корпорации действовали в промышленности и финансах (нефте- и газодобыче, других добывающих отраслях и металлургии, железнодорожном транспорте, в обрабатывающей промышленности, строительстве, коммунальных услугах и даже сбыте). Не принимая в расчёт финансовые организации, в начале 1970-х гг. на коронные корпорации приходилось около трети контролируемых национальным капиталом корпоративных активов страны [Hardin H., 1974: 88].

Хершель Хардин, который, впрочем, не является экономистом, полагал, что в области развития технологии и промышленности частное предпринимательство в Канаде «провалилось» [Hardin H., 1974: 102–105], и в восторженных тонах описывал дух канадского государственного предпринимательства. «...в Канаде, – писал он, – существовала культура государственного предпринимательства, эквивалентная по роли и более мощная по исторической силе, чем культура частного предпринимательства пуританского, приобретательского, индивидуализма...» [Hardin H., 1974: 129].

На фоне задавливаемых американским капиталом частных канадских компаний предприятия, находившиеся в государственной собственности, по параметрам долгосрочного развития, производительности, технологического уровня и реинвестирования выглядели предпочтительно. Однако проведённая в 1980-е и 1990-е гг. приватизация коронных корпораций прервала «великую традицию государственного предпринимательства в Канаде» [Hardin H., 1989: 4].

Канадцы гордятся действующей с 1984 г. системой всеобщей страховой медицины (Медикэр), поддерживаемой, впрочем, не федеральным центром, а провинциями (в силу чего перечень предоставляемых бесплатно медицинских услуг и размер обязательных взносов, варьируется от провинции к провинции). Последние были изначально наделены полномочиями в области образования, здравоохранения и социального обеспечения. Федеральное правительство и софинансирует эти сферы, но уровень финансовой автономии провинций высок – доля

приходящихся на него расходов государства составляет только около 40%, значительно меньше, чем в других федерациях.

«Всеобщее медицинское страхование превратилось в один из символов канадской идентичности. <...> Поскольку канадская культурная идентичность представляется одновременно хрупкой и фрагментарной, здравоохранение и, в более общем смысле, государство всеобщего благосостояния были сконструированы как символы национального единства» [Béland D., Lecours A., 2005: 196. 198]. Однако система бесплатного здравоохранения страны эрозирует: если в 2021 г. ей были удовлетворены две трети опрошенных, то в 2023 г. – уже только 48% [Justin Trudeau..., 2023: 35].

Национальная система социальной помощи также полна изъянов. Бывший министр национального здравоохранения и благосостояния в кабинетах Пьера Эллиота Трюдо (1977–1984) Моник Бежен (1936–2023) призналась, что многократно невольно вводила различные аудитории в заблуждение, заявляя, что «Канада является Швецией Америк» [Bégin M., 2017]. Только уйдя в отставку, она выяснила, что в долях ВВП её страна тратила на социальные нужды вполуполовину меньше Швеции и только чуть больше США. Но перемены к лучшему происходят – благодаря введению в 2016 г. пособия на детей – уровень детской бедности снизился наполовину. В целом же в 2015 – 2020 гг. общий уровень бедности населения упал на 45% (правда, неясно как на него повлияла эпидемия ковида). Наконец, в феврале 2024 г. правительство внесло законопроект «О фармакэр» – введении программы всеобщего обеспечения бесплатными лекарствами (на первых порах ей должны быть охвачены только контрацептивы и антидиабетические средства).

Наряду с «деловым (*entrepreneurial*) гением государственного предпринимательства» Хардин обнаруживал в Канаде и «зарождающийся гений перераспределения» [Hardin H., 1974: 360]. По его мнению, «фундаментальным укладом канадской жизни был неамериканский механизм перераспределения в противовес мистическому американскому механизму господству рынка (свободного предпринимательства)» [Hardin H., 1974: 300]. Он показывал, что в Канаде происходил масштабный передел общественного продукта между провинциями, компаниями и гражданами, который был результатом широкого социального консенсуса. В Канаде существует система выравнивающих платежей федерального правительства провинциям для повсеместного поддержания примерно равного качества государственных услуг. Большую часть этих платежей, которые в 2023–2024 фин. г. составят почти 24 млрд канад. долл., получит Квебек (свыше 14 млрд). Интересно, что уровни бедности и неравенства располагаемого дохода в Квебеке значительно ниже, чем в остальной Канаде, и сравнимы с соответствующими показателями наиболее «щедрых» государств всеобщего благосостояния Европы.

После заключения в конце 1980-х гг. Соглашения о свободе торговли с США и в особенности в начале 1990-х гг. аналогичного (североамериканского) соглаше-

ния не только с США, но и Мексикой стала происходить американизация социального государства Канады, проще говоря, его урезание. Был избран неоконсервативный экономический курс, продиктованный убеждением, что для выживания в глобальном мире государству следует уменьшить своё присутствие в экономике: распродать принадлежащие ему производственные активы, сократить социальные расходы, снизить бремя регулирования бизнеса. Таким образом надежды тех, кто уповал на то, что развитие государственного сектора послужит укреплению экономики Канады, не оправдались.

ПОД СЕНЬЮ МОЩНОГО СОСЕДА ПАРТНЁРА-СОПЕРНИКА

Географическая близость нависающей над Канадой мощнейшей экономики США оказывает существенное влияние на происходящие в ней процессы. Оно противоречиво: с одной стороны стимулирует их, а с другой – угнетает, потому-то южный сосед является объектом как зависти, так и опасений. Правда, в середине 50-х годов прошлого века, канадский дипломат Х. Кинлисайд (1898–1992) заявлял о полном исчезновении у своих соотечественников комплекса неполноценности в отношении США. «Канадцы уже не видят психологической необходимости компенсировать свою зависть к американским успехам и ревность к американским достижениям язвительной критикой американской морали, нравов и правительства» [Keenleyside H.L., 1955: 5]. Но похоже, он выдавал желаемое за действительное. Президент крупнейшей в Канаде компании по изучению общественного мнения М. Марцолини, спустя полвека констатировал, что в Канаде существует культуры зависти, а в США, по его мнению, расцвела культура алчности [Цит. по: Bégin M., 2003: 173].

Насколько симбиоз экономики США и Канады выгоден последней представляет собой предмет дискуссий. У тесного их сближения были и есть союзники и противники в интеллектуальных кругах. К числу последних относится дочь Карла Поланьи Кари Поланьи Левитт (1923), М. Уоткинс (1932–2020) и многие другие. В начале 1970-х гг. Левитт опубликовала книгу [Levitt K., 1970], резко критиковавшую экспансию американского капитала в Канаду (в 2002 г. переиздана под несколько изменённым названием). Левитт заявляла, что «в Канаде экономические ресурсы распределяются в основном для удовлетворения потребностей крупных частных корпораций, большинство из которых находятся под американским контролем». По её утверждению, Канада в лучшем случае превратилась в «экономику филиальных заводов» американских корпораций, которые развивали только те отрасли и производства, которые интересны их «материнским» компаниям, а в худшем – в поставщика первичного сырья.

Ряд видных канадских экономистов давно критически оценивали ресурсно-сырьевую направленность национального хозяйства. Гарольд Иннис (1894–1952), которого зовут «отцом канадской экономической истории», доказывал, что упор на производство (добычу) и экспорт природных и первичных ресурсов (мехов,

рыбы, пшеницы, леса и т.п.) сначала в Британию и Вест-Индию, а впоследствии в первую очередь в США, сопровождался недоинвестированием и деградацией обрабатывающей промышленности. Шедший по его стопам Мел Уоткинс сформулировал концепцию «ресурсной ловушки», гласящую, что полная или преимущественная ориентация экономики на экспорт первичных ресурсов в конечном счёте порождает зависимость от зарубежных покупателей и «угнетение» собственной промышленности в силу чрезмерного отвлечения ресурсов на их производство [Watkins M.H., 1963].

Виднейший представитель этого направления Левитт характеризовала Канаду как «богатеишую слаборазвитую (*underdeveloped*)» или же как «богатую индустриальную слаборазвитую страну» [Levitt K., 1970: 25, 127]. Она высказывала опасение, что в силу более высокого уровня организации производства, обширного внутреннего рынка, и возникающей вследствие этого мощи, действующие на территории Канады американские корпорации станут переносчиком «набора чуждых ценностей». С точки зрения Левитт, тесное экономическое взаимодействие с США оборачивается не только замещением местного производства и подрывом национального предпринимательства, но и эрозией национальных идеалов и ценностей. Кстати, под конец жизни премьер-министр провинции Альберта Питер Лугид (1928–2012) выступил с речью, в которой выразил сожаление по поводу «упадка коллективизма» в Канаде. «Мы становимся всё более американизированными, – заявил он, – и это навязывает нашей этике не канадский индивидуализм» [4].

Поскольку США является естественным полюсом притяжения англоязычных канадцев, условием сохранения единства страны Левитт считает выработку среди них новой (очевидно неамериканской) системы ценностей, а также признание и уважение к личности франкоязычной части населения. В её понимании, независимость от транснациональных корпораций позволит канадцам «оставаться отчётливо канадцами и пользоваться преимуществами небольшого размера и более высокого чувства общности и участия в принятии решений». Она утверждает, что «рациональной экономической политикой вполне может быть та, которая отказывается от сомнительных материальных преимуществ дальнейшей "американизации"».

Есть и противоположный лагерь – те, кто обосновывает желательность и даже необходимость полной интеграции Канады и США. Известный канадский публицист Д. Фрэнсис [Francis D., 2013] считала, что Канада и США ментально и экономически столь близки, что логичным было их слияние в одно мегагосударство. Однако некоторые исследователи факт конвергенции американских и канадских ценностей ставят под сомнение, что выбивает почву под идеей «срачивания» США и Канады. Такова, в частности, позиция М. Адамса, автора книги «Лёд и пламень» [Adams M., 2003]. Адамс утверждает, что США и Канада движутся в разных направлениях – первые отходят от своих традиций свободы, открытости, уважения к личности и инновационности, а вторая – от традиций консервативного

признания авторитетов и традиций. Рецензент книги Адамса Дж. Смит из Университета Дьюка был в целом согласен с выводами его книги. «Самое печальное во всём этом то, что позиция Адамса вполне правдоподобна; в последнее время, американцы и канадцы, вероятно, дрейфуют в разных направлениях: первые – в сторону отшельничества, отчуждённости, одиночества, эгоцентризма, зацикленности на безопасности, а вторые – в сторону открытости и заботы о коллективе, и этот увеличивающийся разрыв обескураживает» [Smith J., 2005: 160].

Два десятилетия тому назад канадцы разделяли с американцами убеждение, что люди сами хозяева своей судьбы, это существенно их отличало от европейцев. И те и другие считали, что государство должно оказывать помощь бедным. Однако 58% жителей США полагало, что свобода достижения человеком своих целей важнее, чем гарантия того, чтобы никто не нуждался, в Канаде так считали 43%. То есть американцы были более «свободолюбивы», а канадцы – более «сердобольны» [1]. Доказательств того, что с тех пор ситуация кардинально изменилась, нет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на географическую близость США, общее культурное наследие, тесные экономические связи и частичную общность языка культурный капитал (в том числе экономический) Канады по-прежнему обладает значительным своеобразием. Как замечала, бывшая директор Канадского совета по делам искусств Ширли Томсон [Thomson S.J., 2003: 219], канадская ментальность традиционно отражает большее уважение к авторитетам и интересам сообщества, чем американская. Последняя более индивидуалистична и склонна рассматривать социальные отношения в договорном ключе. Северная страна была и всё ещё остаётся более сословным, элитарным, законопослушным, коллективно-ориентированным, коммунитарным и мультикультурным обществом. На его фоне Соединённые Штаты предстают примером классического индивидуалистическо-либерального общества.

ИСТОЧНИКИ

1. Americans and Canadians. Pew Research Report. January 14, 2004. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2004/01/14/americans-and-canadians/> (accessed 29.03.2024).
2. Bercuson D.J., Hall R.D., Krueger R.R. (n.d.) Canada // Encyclopedia Britannica. Available at: <https://www.britannica.com/place/Canada> (accessed 29.03.2024).
3. Cross B. (2023) Canada's Lagging Behind Productivity Will Take Years to Remedy. June 12. 2023. Available at: <https://www.queensu.ca/gazette/stories/canada-s-lagging-productivity-affects-us-all-and-will-take-years-remedy> (accessed 29.03.2024).
4. Finn E. (2017). Victory of Individualism over Collectivism a Disastrous Defeat for Society as a Whole. *Rabble.ca*. 4 August. Available at: <https://rabble.ca/economy/victory-individualism-over-collectivism-disastrous-defeat-society-whole/> (accessed 29.03.2024).

5. Rogers C. (2024). Time to Break the Glass: Fixing Canada's Productivity Problem. Available at: <https://www.bankofcanada.ca/2024/03/time-to-break-the-glass-fixing-canadas-productivity-problem/> (accessed 29.03.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Израелян Е.В (2011). Ценностные ориентиры внешней политики Канады. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 6 (498). С. 1-34. Available at: <https://usacanada.jes.su/s268667300000619-0-1-ru-71/>

Студенцов В.Б. (2024) Нематериальный экономический культурный капитал США (наброски к характеристике). *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 3. С. 62-77. DOI: 10.31857/S2686673024030057 EDN: UUBCTV

Энгельс Ф. (1965). Письмо к Ф.А. Зорге. 10 сентября 1888 г. *Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения*. Изд. второе, Москва, Издательство политической литературы. Т. 37, с. 74-77.

REFERENCES

Adams, M. (2003). *Fire and Ice: The United States, Canada and the Myth of Convergence Values*. Toronto. Penguin Canada. –256 p.

Aitken, H.G. Government and Business in Canada: An Interpretation. *Business History Review*, 1964. Vol. 38. No. 1: 4-21. Available at: <https://doi.org/10.2307/3112485>

Atwood, M. *Survival: A Thematic Guide to Canadian Literature*. Toronto. Anansi. 1972. – 287 p.

Atwood, M. *Survival Then and Now*. In: Gaffield C., Gould K.L. (eds.) *The Canadian Distinctiveness into XXIst Century*. Ottawa (ON). Ottawa University Press. 2003: 47-55.

Bégin, M. "I Am Canadian!". From Beer Commercials to Medicare: In Search of Identity. In: Gaffield C., Gould K.L. (eds.) *The Canadian Distinctiveness into XXIst Century*. Ottawa (ON). Ottawa University Press. 2003: 173-181.

Bégin, M. My Most Regretted Statement: Canada as a Welfare State. *Econ Journal Watch*. 2017. Vol. 14. No. 2: 276-280.

Béland, D., Lecours, A. Nationalism and Social Policy in Canada and Québec. In: *The Territorial Politics of Welfare*. (eds.) McEwen, N., Moreno, L. London-New York. Routledge. 2005: 189-206.

Di Norcia, V. Business Ethics in Canada: Distinctiveness and Directions. *Journal of Business Ethics*. 1997. Vol. 16. No. 6: 583-590. Available at: <https://www.jstor.org/stable/25072926>

Egnal, M. *Divergent Paths: How Culture and Institutions Have Shaped North American Growth*. New York. Oxford University Press. 1996. – 300 p.

Engels, F. Pis'mo k F.A. Zorge. 10 sentiabria 1888 g. [Letter to F.A. Zorge. September 10. 1888]. *Marx K. and Engels F. Collected Works. Second edit.* Moscow. Izdat-vo politich-eskoj literatury. 1965. Vol. 37. P. 74-77. (In Russ.).

Francis, D. *Merger of a Century: Why Canada and America Should Become one Country*. Harper & Collins. New York. 2013. – 403 p.

Frye, N. *Divisions on a Ground: Essays on Canadian Culture*. Toronto. Anansi. 1982. – 199 p.

Grabb, E., Curtis, J. *Regions Apart: The Four Societies of Canada and the United States*. With a new forew. by E. Grabb. Oxford: Oxford University Press. 2010. – 319 p.

Hardin, H. *A Nation Unaware: The Canadian Economic Culture*. Vancouver. J.J. Douglas. 1974. – 378 p.

Hardin, H. *The Privatization Putsch*. Halifax. The Institute for Research on Public Policy. 1989. – 215 p.

Issraelian, E.V. Tsennostnye orientiry vneshnei politiki Kanady [Value Orientations of Canada's Foreign Policy]. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2011, No. 6 (498). P. 21-34. (In Russ.). Available at: <https://usacanada.jes.su/s268667300000619-0-1-ru-71/>

Justin Trudeau's Woes. *The Economist*. 2023. 30 September. Vol. 448, No. 9365: 34-35.

Keenleyside, H.L. Canada and the United States. *Current History*. 1955. Vol. 29. No. 167: 1-6. Available at: <https://www.jstor.org/stable/45309023>

Lewis, F., McInnis, M. The Efficiency of the French-Canadian Farmer in the Nineteenth Century. *Journal of Economic History*. 1980. Vol. 40. No. 3: 497-514.

Levitt, K. *Silent Surrender: The American Empire in Canada*. New York. Liveright. 1971. – 185 p.

Lipset, S.M. *Continental Divide: The Values and Institutions of the United States and Canada*. New York-London. Routledge. 1990a. – 337 p.

Lipset, S.M. The Values of Canadians and Americans: A Reply. *Social Forces*. 1990b. Vol. 69, No. 1: 267-272. DOI: 10.2307/2579618.

Pasquero, J. Business Ethics and National Identity in Quebec: Distinctiveness and Directions. *Journal of Business Ethics*, 1997. Vol. 16. No. 6, Pp. 621-633. Available at: <https://www.jstor.org/stable/25072930>

Smith, J. Review of M. Adams *Fire and Ice: The United States, Canada and the Myth of Converging Values*. *American Review of Canadian Studies*. 2005. Vol. 35, No.1. pp. 157-160.

Studentsov, V.B. Nematerial'nyi ekonomicheskii kul'turnyi kapital SShA (nabroski k kharakteristike) [US Intangible Economic Cultural Capital (Outline for Characterization)]. *USA & Canada: Economy – Politics – Culture*. 2024. No. 3. P. 62-77 (In Russ.). DOI: 10.31857/S2686673024030057 EDN: UUBCTV

Thomson, S.L. Canadian Distinctiveness and Cultural Policy as We Enter the Twenty-first Century. In: Gaffield C., Gould K.L. (eds.) *The Canadian Distinctiveness into XXIst Century*. Ottawa (ON). Ottawa University Press. 2003: 215-223.

Wilson, W.M. Canadian Business: "No, I'm from Canada". Gaffield, C., Gould, K.L. (eds.) *The Canadian Distinctiveness into XXI Century*. Ottawa (ON). Ottawa University Press. 2003: 167-172.

Watkins, M.H. A Staple Theory of Economic Growth. *The Canadian Journal of Economics and Political Science*. 1963. Vol. 29. No. 2: 141-158. Available at: <https://www.jstor.org/stable/139461>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СТУДЕНЦОВ Виктор Борисович, Viktor B. STUDENTSOV, Candidate of Sciences (Economics), Senior Research Fellow, Department of Economic Theory, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS). 117997, Moscow, Profsoyuznaya str.

Российская Федерация, 177997, 23.
Москва, Профсоюзная ул., д. 23.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024 / Received 29. 03.2024.

Поступила после рецензирования 13.04.2024 / Revised 13.04.2024.

Статья принята к публикации 15.04.2024 / Accepted 15.04.2024.

УДК: 342.8

DOI: 10.31857/S2686673024060056

EDN: ZBCQBH

Тема иммиграции и нестандартные варианты английского в американском предвыборном дискурсе

М.А. Марусенко

*Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9*

Researcher ID: H-8007-2013 Scopus ID: 38261631100,

РИНЦ ID 378834 ORCID: 0000-0002-0441-7845 e-mail: mamikhail@yandex.ru

Н.М. Марусенко

*Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9*

Researcher ID: N-6015-2015 Scopus ID: 57212655940

РИНЦ ID: 834002 ORCID ID: 0000-0002-3347-1373 e-mail: nmm.spb@gmail.com

Резюме. В статье анализируются связи предвыборного дискурса по проблеме иммиграции трёх последних президентов США (Б. Обамы, Д. Трампа и Дж. Байдена) с использованием нестандартных вариантов американского английского (афроамериканского диалекта AAVE, или *Ebonix*) и чиканского английского (*ChE*). Анализ показывает, что все кандидаты вынуждены учитывать социальные и речевые практики своего электората. Кандидаты-демократы (Обама и Байден) апеллируют к языковой идентичности афроамериканцев и испаноязычных, тогда как Трамп, основной электорат которого составляют белые американцы, своим языковым поведением демонстрирует неприязнь к иммигрантам.

Ключевые слова: иммиграция, предвыборный дискурс, стандартный американский английский, афроамериканский диалект, чиканский диалект, карикатурный испанский

Для цитирования: Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Тема иммиграции и нестандартные варианты английского в американском предвыборном дискурсе. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024. 54(6):64–77. DOI: 10.31857/S2686673024060056 EDN: ZBCQBH

The Theme of Immigration and Non-Standard Variants of English in American Electoral Discourse

Mikhail A. Marusenko

St. Petersburg State University

199034, St. Petersburg, Universitetskaya nab. 7-9.

Researcher ID: H-8007-2013 Scopus ID: 38261631100

AuthorID: 378834 ORCID ID: 0000-0002-0441-7845 e-mail: mamikhail@yandex.ru

Natalia M. Marusenko

St. Petersburg State University

199034, St. Petersburg, Universitetskaya nab. 7-9

Researcher ID: N-6015-2015 Scopus ID: 57212655940

РИИД ID: 834002 ORCID ID: 0000-0002-3347-1373 e-mail: nmm.spb@gmail.com

Abstract: The article analyzes the electoral discourse on immigration of the last three U.S. presidents (B. Obama, D. Trump, and J. Biden) using non-standard variants of American Standard English, such as African American Vernacular English (AAVE or Ebonix) and Chicano English (ChE). The analysis shows that all candidates have to take into account the social and speech practices of their constituencies. Democratic candidates (Obama and Biden) appeal to the linguistic identity of African-Americans and Hispanics, while Trump, whose core constituency is white Americans, demonstrates hatred towards immigrants through his linguistic behavior.

Keywords: immigration, electoral discourse, General American, African American Vernacular English, Ebonix, Chicana English, Mock Spanish

For citation: Marusenko M.A., Marusenko N.M. The Theme of Immigration and Non-Standard Variants of English in American Electoral Discourse. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024. 54(6):64–77. DOI: 10.31857/S2686673024060056

EDN: ZBCQBH

ВВЕДЕНИЕ

С момента создания Конституции США ключевой темой американской политики была иммиграция. Дебаты о ней определяли и продолжают определять политический дискурс и социальный контекст американского общества. В 2016 г. в США жили 43,7 млн легальных иммигрантов, плюс – более 11 млн нелегальных (по неофициальным данным, более 20 млн). Большинство нелегальных иммигрантов прибывают из Мексики и стран Центральной Америки. Многие из них получили образование, но 29% не имеют аттестата о среднем образовании. Это породило распространенное мнение о том, что иммигранты разрушают американскую экономику и общество: потому что они не европейского происхождения, необразованны, бедны, мотивированы финансовым успехом и не заинтересованы в приобщении к моральным ценностям американского общества. Их присутствие угрожает национальному единству, размывает солидарность американских граждан по отношению друг к другу и вскоре превратит США в общество, в котором меньшинство противопоставлено большинству [Gold, 2009, p. 408–411].

ИММИГРАЦИОННЫЙ ДИСКУРС

Двойственное отношение к иммигрантам наблюдается не только среди широких масс, но и у известных политических деятелей. В 2014 г. президент Б. Обама объявил о новой иммиграционной политике, в центре которой будет «депортация преступников». В 2016 г. Д. Трамп изложил свой будущий план по борьбе с иммиграцией, заявив, «что бесчисленное количество жизней невинных американцев было погублено из-за того, что политики не выполняли свой долг охранять границы и усиливать законы». Именно тогда он сказал, что намерен

построить стену для того, чтобы помешать нелегальным мигрантам, особенно из Мексики, проникать в США.

Идеологические положения, содержащиеся в заявлениях Обамы и Трампа, помогают понять, как иммигранты позиционируются в американском обществе. Язык, который использовали эти политики, стал формой действия, которое исторически и социально связано с другими социальными факторами. Тексты политического дискурса никогда не бывают идеологически свободными, объективными или отделёнными от социальной реальности.

Дискурсивный анализ выступлений двух предыдущих президентов показал наличие как сходных, так и различающихся идеологических позиций по отношению к иммигрантам и американской идентичности [Tinshe, Junaidi, 2019].

Поскольку Обама и Трамп принадлежат к разным политическим партиям, можно было бы предположить, что они по-разному описывают иммигрантов. Удивительно, но они говорят об них почти в одинаковых выражениях. В своих выступлениях они используют практически одни и те же уничижительные термины (*illegal immigrant(s)*, *undocumented immigrant(s)*, *felon(s)* (*felony*), *criminal(s)*, *etc*) в отношении иммигрантов [Tinshe, Junaidi, 2019]. Но темы, о которых говорят оба политика, существенно различаются. Главная тема иммигрантского дискурса Обамы – это влияние иммигрантов на американскую экономику. Он подчёркивает, в частности, что большинство людей в США, имеющих учёную степень *PhD*, – иммигранты. Второй по значению темой у Обамы стала национальная безопасность. У Трампа, наоборот, приоритетной темой становится национальная безопасность, а говоря об экономике, он делает акцент на ущербе от гуманитарной помощи беженцам.

И Обама, и Трамп, определяли идентичность иммигрантов как антиамериканскую. Их позиция зависит от того, как они представляют себе иммигрантов, при том, что оба используют для этого уничижительные термины. Продвигаемая ими идеология американской идентичности имела существенные различия, хотя оба признавали, что США являются нацией иммигрантов.

Обама проводил различие между американцами и иммигрантами, заявляя, что американцы законопослушная нация. В целом, он считает иммигрантов проблемой для Америки, маргинальной группой, которая не имеет никаких юридических прав: «... тем, кто опасается этих иммигрантов, в некоторых случаях потому, что они стали олицетворять потерю контроля над страной и её границами, я бы просто сказал, что мы не можем иметь страну, в которой есть класс слуг, собирающих наш салат, ощипывающих наших кур, присматривающих за нашими детьми или стригущих наши газоны, но никогда не получающих всех прав и обязанностей граждан» [4]. Он заявлял, что американцы имеют власть над иммигрантами, внушая мысль, что к ним всегда относились как группе второго сорта. Признавая своё происхождение, Обама утверждал, что история иммигрантов – это также и его история. Он считал, что иммигранты могут становиться американскими гражданами, если они соглашаются пройти несколько юридических

этапов и соблюдать закон. В ноябре 2014 г. он предложил, чтобы те, кто прожил в США больше пяти лет, имеет детей, рождённых в США, прошёл проверку на отсутствие криминального прошлого и платит налоги, могут оставаться в Америке, не опасаясь угрозы депортации. Как президент США, он открыл возможность иммигрантам стать гражданами США [5].

Что касается Трампа, то прибегая к той же уничижительной терминологии, он не опасался обвинений в том, что он ненавидит иммигрантов и относится к ним свысока: «... большинство незаконных иммигрантов – это низкоквалифицированные рабочие, без образования, которые напрямую конкурируют с уязвимыми американскими рабочими, и эти нелегальные рабочие вытягивают из системы гораздо больше, чем смогут когда-либо возместить» [Hansen, 2022]. Он считает, что иммигранты в долгу перед американским народом и не могут иметь никакой власти в отношении своих работодателей. Трамп открыто не желает считать иммигрантов частью американского общества и выступает против амнистии незаконных иммигрантов, проводимой Обамой, и за их депортацию. Для того чтобы отделить Америку от Мексики, он инициировал строительство пограничной стены, платить за которую, по его мнению, должно правительство Мексики. Трамп выступает против того, чтобы считать иммигрантов частью американского общества и давать им возможность законным образом получать американское гражданство.

Трамп заявил, что приезжие «отравляют кровь нашей страны», это вызвало упреки в использовании гитлеровской риторики. Он последовательно выступает за отказ от автоматического предоставления американского гражданства детям, рождённым в США от нелегальных иммигрантов, и намеревается провести «самую большую операцию по депортации в американской истории».

Трамп также обещает восстановить свой указ о запрете въезда в США иммигрантов из семи стран с преобладанием мусульманского населения. Этот указ, принятый в 2017 г., рассматривался судами как дискриминационный и был отменен Байденом в 2021 г.

Президент Джозеф Байден, вступивший в должность в 2021 г., унаследовал от своих предшественников все те же проблемы, среди которых важное место занимают иммиграция и американская идентичность. Анализ его предвыборных выступлений позволяет определить его позицию по животрепещущим вопросам национальной и иммигрантской политики [3]:

1) Следует ли запретить въезд в страну иммигрантам-мусульманам до тех пор, пока правительство не улучшит свои возможности по отсеиванию потенциальных террористов? – Нет, запрет на въезд иммигрантов на основании их вероисповедания противоречит конституции.

2) Должны ли дети нелегальных иммигрантов получать законное гражданство? – Да.

3) Следует ли депортировать иммигрантов, если они совершили серьёзное преступление? – Нет.

4) Следует ли разрешить местным правоохранительным органам задерживать нелегальных иммигрантов за мелкие преступления и передавать их федеральным иммиграционным властям? – Да.

5) Должны ли нелегальные иммигранты иметь доступ к субсидируемому государством медицинскому обслуживанию? – Да.

6) Должны ли города-убежища получать федеральное финансирование? – Да.

7) Должны ли США усилить ограничения в своей нынешней политике охраны границ? – Нет, нужно облегчить иммигрантам доступ к временным рабочим визам.

8) Следует ли предоставить временную амнистию работающим нелегальным иммигрантам? – Да.

9) Нужно ли обязывать иммигрантов учить английский язык? – Нет, мы должны принять то разнообразие, которое иммигранты привносят в нашу страну.

10) Должны ли США построить стену вдоль южной границы? – Да.

11) Следует ли США увеличить или уменьшить количество временных рабочих виз, выдаваемых высококвалифицированным иммигрантам? – Увеличить.

12) Должны ли иммигранты сдавать экзамен на гражданство, чтобы продемонстрировать базовые знания языка, истории и государственного устройства нашей страны? – Да, но экзамен должен охватывать только самые основные и простые темы.

13) Следует ли предлагать иммигрантам, не имеющим документов, обучение в государственных колледжах штата, в котором они проживают? – Да, и они также должны иметь право на финансовую помощь и стипендии.

14) Следует ли запретить въезд в страну иммигрантам из стран с высоким уровнем риска до тех пор, пока правительство не улучшит свои возможности по отсеиванию потенциальных террористов? – Нет.

15) Следует ли разрешить иммигрантам в США иметь двойное гражданство? – Да, если только они не совершили террористический акт.

Из ответов Байдена видно, что он не только разделяет взгляды своего однопартийца Обамы, но пошёл гораздо дальше, устранив, в частности, важное требование к иммигрантам соблюдать американские законы.

Однако несмотря на разногласия по проблеме иммиграции, американские политики вынуждены учитывать социально-расовую и демографическую структуру американского электората.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕСТАНДАРТНЫХ ВАРИАНТОВ В ПРЕДВЫБОРНОМ ДИСКУРСЕ

Американская языковая идеология основана на противопоставлении общеамериканского стандартного английского языка (*General American* – GA) нестандартным вариантам американского английского и всем прочим языкам (языкам коренных народов Америки и иммигрантским языкам).

Сегодня более 13% американцев имеют афроамериканское происхождение. В основе сообщества лежит трансатлантическая работорговля, и большинство афроамериканцев – это потомки рабов. Термин «афроамериканцы» применяется также к потомкам недавних иммигрантам из Африки. Афроамериканцы образуют большую и разнородную группу людей, и далеко не все из них говорят на варианте стандартного английского – афроамериканском английском (*African American English* – AAE).

Большая группа американских англофонов рождается со стигматами чёрных людей. В эпоху рабовладения такое положение было закреплено в законах, и даже после отмены рабства принимались законодательные меры, направленные на то, чтобы затруднить чёрным свободный доступ к голосованию, хорошему образованию, транспорту и т. д. В эпоху признания гражданских прав юридические препятствия были устранены, но общество уже свыкло к ним. И сегодня чёрные в 5 раз чаще белых попадают в тюрьмы, хотя составляют всего 13% населения США. Поэтому неудивительно, что диалект, на котором говорит большая часть чёрного населения, также подвергается стигматизации. Говорящие на афроамериканском диалекте английского (*African American Vernacular English*), другое название которого – эбоникс (*Ebonix*), не считаются свободно говорящими по-английски. Тем не менее, большинство англоговорящих американцев, где бы они ни жили, в той или иной степени знакомы с этим вариантом английского благодаря широкому распространению афроамериканской культуры через фильмы и музыку, особенно хип-хоп и рэп. Несмотря на стигматизацию этого диалекта в самой Америке, он широко распространяется по миру, потому что считается романтическим аргументом гангстеров и наркочилеров. Когда американец, британец или австралиец читает фразу “*I ain’t lyn*”, или “*I ain’t never seen nothin’ like it*”, или “*He be workin’ hard*”, он может определить принадлежность пишущего к чёрному сообществу, представив в уме его акцент и интонацию. Носители этого диалекта образуют группу с низким социальным статусом, которая ассоциируется с понятием «гетто». Это слово расового содержания имеет и географическое значение. В тех городах, где в течение десятилетий чёрные составляют большинство, особый язык является маркером физической и социальной изоляции (геттоизации).

Насчёт происхождения афроамериканского диалекта английского существуют две противоречивые версии. Некоторые лингвисты считают, что он похож на варианты английского, используемые белыми в южных штатах США, представляя также особый диалект, другие полагают, что это язык креольского типа, который независимо образовался на базе общеамериканского стандартного английского [Марусенко, Марусенко, 2024] и употребляется значительно чаще, чем обычный диалект [Richards, Schmidt, 2010].

В действительности афроамериканский диалект английского не менее сложен и не менее экспрессивен, чем более престижные формы английского языка. Исторически сложилось так, что он стал средством коммуникации маргинальной и экономически обездоленной части общества. В 1977 г. Лингвистическое

общество США опубликовало резолюцию по поводу афроамериканского диалекта: «Системный и экспрессивный характер грамматических и произносительных моделей афроамериканского диалекта был подтвержден многочисленными научными исследованиями в течение тридцати прошедших лет. Характеристики эбоникса как "сленга", "мутанта", "ленивого", "дефективного", "аграмматичного" и "ломаного английского" неправильны и унижительны. Очевидно, как это видно на примере Швеции, США и других стран, что носители других вариантов нуждаются в помощи при изучении стандартного варианта с использованием педагогических приёмов, признающих легитимность других вариантов языка» [6].

Самой большой неевропейской этноязыковой группой иммигрантов в США являются испаноязычные (*Hispanics, Latinos, Chicanos*), составляющие 18,5% населения. Они сконцентрированы, главным образом, в юго-западной части США – обширном испаноязычном ареале, население которого использует испанский как первый язык, а английский – как второй. Более 40 миллионов человек в возрасте старше 5 лет дома говорят на испанском. Эта смесь языков породила несколько вариантов, самым значительным из которых является чиканский английский (*Chicano English – ChE*).

Этот язык тесно связан с испанским, что особенно ярко проявляется в произношении. Согласные звуки, например, произносятся так же, как в испанском. Он в больших масштабах ассимилирует испанские слова и выражения, замещающие английские эквиваленты. Так, *my love* становится *mi amor*. Они используются также в качестве дополнительной информации для эмфатического усиления высказывания: «*I will protect you, te lo prometo con todo mi corazón*».

Для того чтобы определить роль чиканского в американском обществе, необходимо учитывать социально-культурный контекст его использования и низкий престиж, который он имеет в разных слоях населения, потому что на нём говорят беднейшие группы населения, в социальном отношении близкие к афроамериканцам и коренным народам Америки [Weber, 2014, p, 32].

Афроамериканский диалект и чиканский английский являются низкопрестижными вариантами и считаются помехами на пути достижения успеха в американском обществе. Кроме того, чиканский не так популярен в народной культуре, как афроамериканский диалект. В отличие от последнего, который в некоторых местах пытается проникнуть в систему образования, чиканский не имеет никакой академической поддержки.

Однако к таким этнолектам, как афроамериканский диалект и чиканский английский, часто прибегают авторы литературных произведений дабы придать большую аутентичности их персонажам. То же самое относится к поп-музыке и рэпу. Так, например, популярный певец Канье Уэст регулярно вставляет слова и выражения из афроамериканского диалекта в свои тексты на нестандартном разговорном английском.

Носители афроамериканского диалекта английского и чиканского английского осознают негативное отношение общества к их языкам и сопутствующим им

культурам. Для того чтобы интегрироваться в мажоритарное сообщество, они часто прибегают к переключению кодов: дома и с друзьями они говорят на одном языке, во всех других ситуациях стараются говорить на стандартном американском английском. Чтобы преуспеть в учёбе или на рынке труда, они должны уметь переключаться со своего «домашнего» языка на «правильный английский» [1].

Носители из низших социально-экономических классов избыточно используют нестандартные варианты, потому что они раньше бросают образование, не работают по либеральным профессиям и не имеют потребности ассоциироваться со специальной лексикой или престижными способами выражения. Однако использование нестандартных диалектных слов, грамматических моделей и произношения снижается по мере получения человеком образования и желания подражать носителям из других социальных классов. Социальная мобильность ведёт к нивелированию диалектов, то есть к уменьшению различий и развитию новых признаков, результатом чего возникает языковая гомогенизация.

В американской языковой идеологии язык тесно связан с расовой идентичностью, будучи её основным маркером. Связь языка и расовой идентичности ярко проявляется в политическом дискурсе, прежде всего, в выступлениях ведущих политиков. Хорошо изучен стиль президента Барака Обамы, подражающего стилю чёрных проповедников. Стилистические различия между Обамой и его республиканским конкурентом Миттом Ромни, характеризующие личность первого, сыграли свою роль в победе Обамы. Стиль Ромни был вербальным эквивалентом его личности: плоским, одномерным и неконтактным. Независимо от аудитории, он всегда выступал одинаково и монотонно, сохраняя на лице вымученную улыбку.

Многочисленные исследования, посвящённые президентству Обамы, обычно концентрируются на его расовой политике, не уделяя достаточного внимания тому, что именно язык лежит в центре расовой политики США. Несмотря на постоянные насмешки над афроамериканским английским, использование Обамой чёрной модели дискурса было важным фактором, способствующим его избранию сорок четвёртым президентом США. Расовую политику Обамы необходимо рассматривать через призму языка: хотя язык редко принимают во внимание исследователи проблем расы и этничности, он играет ключевую роль в построении расовых и этнических идентичностей. В Америке язык часто рассматривается как самый мощный инструмент культуры, который позволяет отличать «Нас» от «Других». Он является главным средством позиционирования каждого и целых групп в рамках социальной иерархии, которая глубоко укоренена в сознании среднего американца.

История семьи Б. Обамы, его жизненный опыт и межкультурная социализация в многорасовой среде внутри и за пределами США, способствовали приобретению навыков переключения стилей речи. Поскольку в молодости он учился в американской школе, где расовые различия ощущались даже в группах друзей, ему пришлось выучиться говорить на «нескольких разных формах одного языка».

Так же как многие двуязычные и бикультурные американцы используют переключение кодов (*codeswitching*) между двумя языками (например, между английским и испанским), другие такие же двуязычные и бикультурные прибегают к смене стилей (*styleshifting*) – переключению языковых стилей между вариантами одного языка (например, между пуэрториканским английским и стандартным американским английским) [Alim, 2004].

Попытка поднять социальный статус афроамериканского диалекта английского была предпринята Бараком Обамой ещё в период его предвыборной кампании. В 2008 г., за шесть месяцев до выборов первого чёрного президента, выступая на стадионе, где собрались около 20 тыс. человек, принадлежащих к разным расам, с энтузиазмом приветствовавших своего кандидата, Обама в основном обращался к чёрной публике, собравшейся перед трибуной. Для общения с мультирасовой аудиторией он выбрал афроамериканский диалект, что очень воодушевило слушателей: после первого «президента для чёрных», каким они считали Билла Клинтона, наконец-то в Америке может появиться первый президент, говорящий на афроамериканском диалекте. В течение всей предвыборной кампании люди, принадлежащие ко всем частям политического спектра, комментировали язык, который использовал Обама для выступлений перед избирателями. Но как отмечали лингвисты, Обама говорил не на настоящем афроамериканском диалекте, хотя очень старался [Alim, Smitherman, 2012: 2]. Подражая стилю чёрных проповедников, он часто использовал вопросно-ответную форму, добиваясь ассоциации с их проповедями. Его способность совмещать «белый синтаксис» с «чёрным стилем» сыграла ключевую роль в определении его идентичности как американца и христианина. Обама умело использовал ресурсы многоязычия: он писал, что выучил испанский в Гарлеме, «обмениваясь шутками» с соседями-пуэрториканцами, что его отец-кенийец говорил по-английски с британским акцентом, а гавайский креольский он выучил от своего дедушки по материнской линии.

Идеологические взгляды Обамы имеют образовательные и политические аспекты. В книге «Смелость надежды» он писал, что члены любой миноритарной группы продолжают рассматриваться в зависимости от степени своей ассимиляции. Но расовые и этнические меньшинства (и белый рабочий класс) должны изучать стандартный американский английский, тогда как всем детям нужно научиться понимать и ценить нюансы всех американских стилей речи [Obama, 2008].

В мультиэтнической и мультикультурной Америке, где испаноязычные составляют самое большое языковое меньшинство, а азиаты – самое быстро растущее меньшинство, политики национального масштаба должны владеть разными стилями речи, учитывая языковые идентичности разных групп избирателей. Однако президент должен говорить как белый, принадлежащий к среднему или высшему классу человек, с допустимым лёгким региональным акцентом.

13 июня 2023 г. один из республиканских кандидатов на президентских выборах 2024 г. Вивек Рамасвами заявил, что высказывание экс-президента Б. Обамы о

позиции многих кандидатов от Республиканской партии, принадлежащих к меньшинствам, является частью «токсичной» либеральной идеологии. Обама сказал в одном интервью, что среди чёрных или принадлежащих к меньшинствам республиканцев существует тенденция восхвалять Америку и говорить, что они могут сделать её великой. Отвечая на вопрос республиканца Тима Скотта, сенатора от Южной Каролины, о значении расы на президентских выборах, Обама стал критиковать оптимистичный тон и сказал, что кандидаты должны иметь план борьбы с бедностью целых поколений, последствием сотен лет расизма в Америке. Рамасвами отметил, что либеральный нарратив представляет дело так, что цветным не позволено отрицать существование системного расизма в США: «Это токсичная философия левых <...> цвет вашей кожи диктует то, что вам позволено говорить об этой стране и что вы не можете говорить, что системный расизм существует, если у вас чёрная или коричневая кожа» [Gans, 2023].

Игнорирование роли языка и языковых идеологий не позволяло достаточно глубоко изучать важный вид американской идентичности – расовую идентичность, которая отражает гегемоническую идеологию и подразумевает юридическое и социальное разделение людей, имеющих различия, на разные расы. Расовая идентичность имеет аспекты, которые важны для афроамериканцев, надеющихся на исчезновение системного расизма. Основным аспектом расовой идентичности – центральность – это призма афроамериканского происхождения, через которую человек смотрит на мир и которая предопределяет многие стороны психологической жизни афроамериканцев [Burrow, Ong, 2010]. Соответственно, люди, для которых раса – это центр самоощущения, более чувствительны к проблемам расы и дискриминации. Идеологии афроамериканцев формировались в условиях их угнетения в ходе всей истории Америки.

Способность Б. Обамы к смене стилей, которая составляет одну из самых замечательных его языковых компетенций, разделяют многие афроамериканцы, которые живут одновременно в чёрном и белом языковом окружении. Чёрные американцы гораздо чаще, чем белые, отмечали способность Обамы к смене стилей, тогда как белые и все прочие называли его язык «просто белым английским» [Alim, Smitherman, 2012a]. Одна афроамериканка так определила его язык: «Он может преодолеть линию между стандартным английским и полуафроамериканским диалектом. Это не настоящий афроамериканский, судя по тому, как он использует грамматику <...> но его манеры и стиль речи (то, как он произносит некоторые гласные и использует жаргонные термины), характерны для речи чёрных». Таким образом, комбинируя оба стиля, Обаме удавалось апеллировать к более широкой аудитории избирателей. Белые не чувствовали себя чужими, а чёрные узнавали свои речевые модели.

Владение стандартным американским английским является обязательным для американских политиков, но Обаме удавалось комбинировать два варианта, причём «чёрный» вариант считался более важным для завоевания афроамериканского электората. Однако избиратели, принадлежащие к разным расам,

отмечали его хорошее владение стандартным американским английским, которое указывало на то, что «он выходец из высшего эшелона американской системы образования».

Тем не менее, лидер сенатского большинства Г. Рейд (демократ от штата Невада), говоря об отличии Обамы от предшествующих чёрных кандидатов на пост президента, заявил, что белые американцы могут голосовать за Обаму, в частности, потому, что он «светлокожий» (*light-skinned*) и «говорит не на негритянском диалекте, хотя очень хочет» [Alim, Smitherman, 2012a: 24]. То есть он связывал возможность выбора афроамериканца с тем, что тот говорит как белый.

Хотя смена стилей может показаться простым и комичным приёмом, она связана со сложными проблемами идентичности и власти. Американцы признают, что далеко не каждый может делать это как Обама, потому что не каждый с детства сталкивался с речевыми практиками и белых, и чёрных. Никто не ожидал от белых кандидатов попыток подражать речи чёрных, латиносов или коренных народов Америки, но и Обама был вынужден говорить как белый. «Для того, чтобы афроамериканец стал президентом страны, управляемой преимущественно белыми мужчинами, он должен публично уничтожить все следы своего чёрного происхождения» [Alim, Smitherman, 2012a: 23]. Поэтому языковая гибкость Обамы является не только следствием его жизненного опыта, но также ответом на потребность, ощущаемую многими чёрными американцами, чтобы Белая Америка продолжала поддерживать отношение любви/ненависти с Чёрной Америкой и её языком, потому что, несмотря на распространение и популярность языка чёрных среди белых (разные виды словесного и музыкального творчества), белые американцы продолжают рассматривать языковые формы, используемые чёрными, как признаки интеллектуальной неполноценности и моральной ущербности.

Предшествующие американские президенты также могли менять стили речи. Это умение отличается от красноречия или эмпатии. У. Клинтон и Дж. Буш-младший славились способностью говорить в «народной» манере: Клинтон перед чёрной и южной аудиторией, Буш с южанами и латиносами, иногда переходя на испанский. До них президентом, считавшимся самым большим мастером смены стилей, был Линдон Джонсон [Alim, Smitherman, 2012b].

Среди 46 президентов в истории США по меньшей мере половина кроме английского языка владела ещё одним или несколькими языками. Эта традиция сохранилась и в XX веке. Так, Теодор Рузвельт свободно говорил по-немецки и по-французски, Герберт Гувер занимался переводами с латыни и говорил по-китайски, Франклин Рузвельт говорил по-немецки и по-английски, Джимми Картер свободно говорил на испанском, который он выучил во время службы в военноморском флоте и часто использовал во время предвыборной кампании в 1976 г. Билл Клинтон изучал немецкий язык в университете, но добился очень скромных успехов. Джордж Буш-младший говорил по-испански и произнёс много речей на этом языке, особенно в ходе своей первой президентской кампании в 2000 г.

Что касается президента Байдена, исследователям не удалось установить, говорит ли он ещё на каком-нибудь языке, кроме английского. Интенсивные исследования не привели к какому-либо очевидному результату, поэтому считается, что английский является его единственным языком. Хотя он не говорит по-испански, значительная часть его предвыборной кампании направлена на испаноязычные и иммигрантские сообщества, для чего он поддерживает целый ряд коммерческих телеканалов в штатах с испаноязычным населением [2].

В выступлениях Трампа иммиграция рассматривается как расовая проблема. С одной стороны, это объясняется тем, что электорат Трампа более чем на 80% составляют белые американцы, принадлежащие к кавказской (белой) расе*. С другой – он постоянно говорит о «дисбалансе власти», в котором виноваты мексиканцы и за который они должны будут заплатить. Он использует общее название «испаноязычные» (*Hispanics*), которое имеет не национальное, а расовое значение. Это показывает, до какой степени Трамп опирается на расу, а не на американский национализм.

Однако, учитывая демографическую ситуацию в США, где испанофоны составляют самое большое этноязыковое меньшинство, и их удельный вес постоянно растёт, Трампу приходится заигрывать с испаноязычными избирателями. В 2015 г. на праймериз Республиканской партии он раскритиковал Джеба Буша, выступавшего на испанском: «В этой стране мы говорим по-английски, а не по-испански», а в 2016 г. он высказался против языков, отличных от английского, и за роль языка как инструмента насильственной ассимиляции: «Мы – нация, говорящая по-английски, и я думаю, что пока мы живём в этой нации, мы должны говорить по-английски, и именно так происходит ассимиляция <...> так мы переходим на следующий этап и следующую стадию». Несмотря на такие высказывания, Трамп сам прибегает к использованию испанского языка, включая испанские слова в свои выступления, но использует их с отрицательными коннотациями или в отрицательных контекстах. Не владея в полном объёме испанским, он использовал его карикатурную версию (*Mock Spanish*), искусственный вариант языка, который получается благодаря имитации или пародированию основного варианта. Эта версия имеет негативную индексацию из-за ассоциаций с вульгарностью и просторечием и способствует воспроизводству отрицательных стереотипов. Эта стратегия заключается в замене английских слов, которые считаются оскорбительными, на испанские (типа *saca* или *cojones*) или в намеренном искажении произношения испанских слов. Использование такого языкового механизма свидетельствует о расистской идеологии и поведении [Tinshe, Junaidi, 2014].

* Термин «кавказская раса» (*Varietas Caucasia*) был введён немецким антропологом Иоганном Фридрихом Блуменбахом (1752-1840), относившим к ней жителей Европы, за исключением самоедов, лапландцев, финнов, мадьяр и турок.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ предвыборного дискурса трёх последних президентов США показывает, что, несмотря на идеологические разногласия по поводу ключевого вопроса предвыборной повестки – проблеме иммиграции, они вынуждены учитывать социальные и речевые практики своего электората. Кандидаты-демократы (Обама и Байден) апеллируют к афроамериканцам и испаноязычным, тогда как Трамп, основной электорат которого составляют белые американцы, своим языковым поведением демонстрирует неприязнь к иммигрантам.

ИСТОЧНИКИ

1. African American English and Chicano English. Available at: <https://ndla.no/en/subject:1:c8d6ed8b-d376-4c7b-b73a-3a1d48c3a357/topic:59a2daf8-db7f-4f47-8160-551f9d9c582c/resource:5b4fc826-5bb4-455e-b6a7-9856759590a3> (accessed 06.12.2023).
2. Carter, L. What Languages Can Joe Biden Speak? Available at: <https://celebanswers.com/what-languages-can-joe-biden-speak/> (accessed 30.01.2024).
3. Joe Biden's policies on immigration issues. Available at: <https://www.iside-with.com/candidates/joe-biden-2/policies/immigration> (accessed 14.01.2024).
4. Obama, B. Floor Statement of Senator Barack Obama on Immigration Reform. Available at: https://en.wikisource.org/wiki/Floor_Statement_of_Senator_Barack_Obama_on_Immigration_Reform (accessed 13.01.2024).
5. Obama, B. Remarks by the President in Address to the Nation on Immigration. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/11/20/remarks-President-address-nation-immigration> (accessed 13.01.2024).
6. Rickforf, J.R. What is Ebonics (African American English)? Available at: <https://www.linguisticsociety.org/content/what-ebonics-african-american-english> (accessed 04.12.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Марусенко М. А., Марусенко Н. М. 2024. Институционализация гегемонии английского языка в США. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024. № 4. С. 35-51. DOI: 10.31857/S2686673024040032

REFERENCES

- Alim, H.S. 2004. You Know My Steez: An Ethnographic and Sociolinguistic Study of Styleshifting in a Black American Speech Community. Durham: Duke University Press. 309 p.
- Alim, H.S., Smitherman, G. 2012a. Articulate while Black: Barack Obama, language, and race in the U.S. N.-Y.: Oxford University Press. 224 p.

Alim, H.S., Smitherman, G. 2012b. Obama's English. The New York Times. 09.08.2012.

Burrow, A.L., Ong, A.D. 2010. Racial identity as a moderator of daily exposure and reactivity to racial discrimination. *Self & Identity*. № 9. P. 383–402.

Gans, J. 2023. Vivek Ramaswamy argues Obama's race remarks are part of 'toxic' ideology. The Hill. 06.17.2023.

Gold, S.J. 2009. *Immigration Benefits America*. Springer Science & Business Media. Vol. 46. P. 408-411.

Hansen, R.J. 2022. Trump, Pence in Arizona: Dueling appearances as primary election nears. Arizona Republic. 07.23. 2022.

Marusenko, M.A., Marusenko, N.M. 2024. Institutionalizatsiia gegemonii angliiskogo iazyka v SShA [Institutionalization of English language hegemony in the USA] (In Russ.). *USA & Canada: economy, politics, culture*. 2024. No. 4. C. 35-51. DOI: 10.31857/S2686673024040032

Obama, B. 2008. *The Audacity of Hope: Thoughts on Reclaiming the American Dream*. Reprint edition. Vintage. 224 p.

Richards, J., Schmidt, R. 2010. *Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics*. 4th ed. London: Pearson. 656 p.

Tinshe, S., Junaidi, J. 2019. Who are Americans? Analysis of Abama and Trump's Political Speeches on Immigration. *CELTIC: A Journal of Culture, English Language Teaching, Literature & Linguistics*. Vol. 6. № 2. P. 73-87.

Weber, T. 2014. *Principles in the emergence and evolution of linguistic features in World Englishes*. Hamburg: Anchor Academic Publishing. 100 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

МАРУСЕНКО Михаил Александрович, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9.

МАРУСЕНКО Наталия Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9.

Mikhail A. MARUSENKO, Doctor of Sciences, (Philology) Professor, St. Petersburg State University. 199034, St. Petersburg, Universitetskaya nab. 7-9.

Natalia M. MARUSENKO, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, St. Petersburg State University. 199034, St. Petersburg, Universitetskaya nab. 7-9.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024 / Received 29.03.2024.

Статья поступила после рецензирования 12.04.2024 / Revised 12.04.2024.

Статья принята к публикации 13.04.2024 / Accepted 13.04.2024.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673024060065

EDN: ZAXRVF

«Невидимая сила» или дипломатическое бессилие? (американская дипломатия глазами директора ЦРУ Уильяма Бёрнса)

В.Ш. Сургуладзе

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Российская Федерация, 125993, Москва, Ленинградский проспект, 49.*

РИНЦ ID: 783080

ORCID: 0000-0002-7948-0128 e-mail: bafing@mail.ru

Резюме. Воспоминания американского дипломата, директора Центрального разведывательного управления США Уильяма Бёрнса рисуют широкую панораму внешней политики Соединённых Штатов. Воспоминания политика обретают особую актуальность в связи с тем, что документально раскрывают роль США в дестабилизации мирового порядка, сложившегося по итогам Второй мировой войны, участие в разжигании кризисных явлений на постсоветском пространстве, приведших к развитию украинского кризиса и началу специальной военной операции России. Мемуары представляют собой не только свидетельства информированного очевидца, но и ценный источник по современной истории международных отношений, поскольку снабжены рассекреченными дипломатическими документами американского внешнеполитического ведомства, поступившими таким образом в научный оборот и проясняющими как закономерности американского внешнеполитического поведения, так и деструктивную роль США в многочисленных кризисах, многие из которых, согласно представленным в издании документам, были предсказаны У. Бёрнсом как неизбежные задолго до случившейся эскалации.

Ключевые слова: Уильям Бёрнс; американская дипломатия; внешняя политика США; международные отношения, российско-американские отношения, сдерживание России

Для цитирования: Сургуладзе В.Ш. «Невидимая сила» или дипломатическое бессилие? (американская дипломатия глазами директора ЦРУ Уильяма Бёрнса). *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024. 54(6):78-93.

DOI: 10.31857/S2686673024060065 EDN: ZAXRVF

"Invisible Force" or Diplomatic Powerlessness? (American Diplomacy Through the Eyes of CIA Director William Burns)

Vakhtang.Sh. Surguladze

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Russian Federation, 125993, Moscow, Leningradskiy prospect, 49*

РИНЦ ID: 783080

ORCID: 0000-0002-7948-0128 e-mail: bafing@mail.ru

Abstract: The memoirs of William Burns, the American diplomat and director of the Central Intelligence Agency, paint a wide panorama of U.S. foreign policy. These memoirs are particularly relevant because they document the role of the United States in destabilizing the world

order that emerged following the Second World War, including its participation in fomenting crises in the post-Soviet space that led to the development of the Ukrainian crisis and the beginning of a special military operation by Russia. The memoirs are not only the testimony of an informed eyewitness but also a valuable source on the modern history of international relations, since they are supplemented with declassified diplomatic documents of the American State Department. These documents, now part of the academic record, clarify both the patterns of American foreign policy behavior and the destructive role of the United States in numerous crises, many of which, according to the documents presented, were predicted by W. Burns as inevitable long before the escalation occurred.

Keywords: William Burns; American diplomacy; U.S. foreign policy; international relations, Russian-American relations, containment of Russia

For citation: Surguladze, V. Sh. "Invisible Force" or Diplomatic Powerlessness? (American Diplomacy Through the Eyes of CIA Director William Burns). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024. 54(6):78–93. DOI: 10.31857/S2686673024060065

EDN: ZAXRVF

«Дипломатия – один из важнейших активов страны и один из самых тщательно охраняемых её секретов».

Уильям Бёрнс [Бёрнс, 2023: 38]

В издательстве «Альпина Паблишер» вышли воспоминания Уильяма Бёрнса, кадрового дипломата, состоявшего на службе Государственного департамента США при пяти президентах и десяти госсекретарях и с марта 2021 г. занимающего должность директора ЦРУ. На английском языке книга вышла в 2019 г. [Burns, 2019]. Русскоязычное издание вышло в 2020 г. и переиздано в 2023 г. [Бёрнс, 2023].

Для российской аудитории автобиография У. Бёрнса представляет интерес по нескольким причинам: 1) автор с конца 1980-х гг. был активным участником американской дипломатии на советском и российском направлении, занимал в 2005–2008 гг. пост посла США в Российской Федерации, в силу чего имел

возможность получать из первых рук информацию о детерминантах и характерных особенностях внешнеполитической активности Соединённых Штатов в отношении России; 2) в издание включены рассекреченные документы, вошедшие в приложения – фотокопии оригиналов и переводы на русский язык шифротелеграмм, циркулярных депеш, меморандумов и сообщений, отправлявшихся

У. Бёрнсом американскому руководству [Бёрнс, 2023: 585–671]. Публикация этих документов вводит в научный оборот важные источники по американской внешней политике и российско-американским отношениям.

Книга У. Бёрнса демонстрирует динамику восхождения США на пик «момента однополярности», наступившего в конце 1991 г., когда был разгромлен Ирак Саддама Хусейна, Советский Союз капитулировал в холодной войне, а весь мир, как казалось, был готов идти за Америкой по пути строительства либеральной демократии и свободного рынка.

Соединённые Штаты находились не только на пике политического могущества и авторитета в международных делах, но и на острие информационной революции, представляя собой не только глобального лидера в политике, но и модель государства и общества, олицетворявшую идею как социального, так и научно-технического прогресса.

По инерции отмечая благотворное влияние на мир цифровых коммуникаций, У. Бёрнс, в то же время признаёт факт зреющего в США и большинстве европейских государств яростного антиглобализма. Отмечает политик и катастрофический рост недоверия к правительству и поляризации американского общества в условиях, когда властям доверяет менее 20% граждан [Бёрнс, 2023: 29–30].

Как и многие авторы, писавшие об американской внешней политике [Nasr, 2013; Brzezinski, 2007; Brzezinski, 2004; Kissinger, 2001], У. Бёрнс фиксирует сложившееся доминирование при формировании внешнеполитического курса США непубличных и недипломатических механизмов принятия решений, что, по мнению автора, и привело США к «трагическим последствиям» [Бёрнс, 2023: 31].

Истоки упадка глобального влияния Соединённых Штатов У. Бёрнс видит в отходе от осторожной, но смелой внешней политики Джорджа Буша-старшего, на смену которой пришло воинственное и высокомерное навязывание американской гегемонии, приведшее к повсеместному обострению региональных проблем и подрыву собственного влияния.

Затрагивает У. Бёрнс и ценностно-идеологический кризис США, связанный, кроме прочего, с утратой, объединяющей граждан цели, которой долгие годы выступало желание одержать победу в холодной войне, а также лишением уникального преимущества глобального гегемона, способного проецировать силу на остальной мир, которым Соединённые Штаты пользовались на протяжении двадцати лет после дезинтеграции СССР.

Опыт последних лет показал, что американский, как и зависимый от него европейский, истеблишмент утратил навыки реализации многостороннего внешнеполитического курса, способного учитывать национальные интересы и озабоченности в сфере безопасности ведущих игроков мировой политики вне контекста блокового мышления. Неудивительно, что У. Бёрнс констатирует «разбазаривание стратегического и оперативного потенциала дипломатической службы» США последних десятилетий [Бёрнс, 2023: 37], прозорливо утверждая, что сегодня её значение важно как никогда.

Отмечает дипломат и взаимообусловленность внутренней и внешней политики, необходимость обеспечения поддержки избранного внешнеполитического курса общественностью, обеспечения соответствия этого курса задачам внутреннего обновления страны [Бёрнс, 2023: 37].

В книге У. Бёрнса много практических размышлений о сущности и особенностях дипломатической работы, что делает её полезной для специалистов в области международных отношений и сотрудников внешнеполитических ведомств.

ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ВЕДОМСТВ

С точки зрения оценки прогностического потенциала внешнеполитических ведомств и государственных аналитических структур, интересна оценка У. Бёрнсом прогнозов будущего Советского Союза. Дипломат констатирует, что в 1989 г. «мало кто мог предсказать приближающуюся кончину коммунистического блока и тем более распад СССР» [Бёрнс, 2023: 84]. Примечательна оговорка дипломата о том, что СССР мог бы устоять в случае провала перестройки. Получается, что сдачу государственных интересов Советского Союза, осуществлявшуюся в этот период союзным руководством, американцы понимали, хотя не все были готовы в это поверить [Бёрнс, 2023: 84–89 и др. Ср.: McFaul, Goldgeier, 2003].

В контексте изучения механизмов принятия политических решений и проблем прогнозирования и планирования внешней политики интересно описание У. Бёрнсом имевшихся оценок перспектив вторжения Ирака в Кувейт [Бёрнс, 2023: 93–96 и др.]. По свидетельству американского дипломата, президент Египта Х. Мубарак, короли Иордании и Саудовской Аравии, равно как и другие арабские лидеры, считали, что С. Хусейн блефует. Не разделял озабоченностей по поводу возможной эскалации и министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе [Бёрнс, 2023: 94–95].

У. Бёрнс восторгается «кипучим оптимизмом Горбачёва» и «удивительным человеком Шеварднадзе», делившимся с американцами разнообразными секретами внешней и внутренней политики СССР. Сегодня в контексте обеспечения национальной безопасности и национальных интересов России, данные, передававшиеся американцам главой советской дипломатии сложно квалифицировать иначе, чем государственная измена. Примечательно, что *параллельно с открытыми разговорами с лидерами СССР аналитики Группы политического планирования Госдепартамента разрабатывали инициативы по «консолидации революций в Восточной Европе 1989 года»* [Бёрнс, 2023: 89]. То есть несмотря на примирительную риторику, ослабление влияния СССР всегда оставалось ключевой задачей внешней политики США.

В высшей степени характерно, что в упоминаемых У. Бёрнсом документах проводятся параллели между победой над нацизмом и победой над Советским Союзом – нарратив, который сегодня с нарастающей силой пытаются продвигать

на коллективном Западе в рамках концепции «уравнивания тоталитаризмов» до степени полного смещения [Boyd, 2017] с целью искажения памяти о Второй мировой войне, размывания российской «мягкой» силы и дискредитации современной России как государства-правопреемника СССР.

ЗАВЕРЕНИЯ В НЕРАСШИРЕНИИ НАТО

В условиях регулярно возникающей полемики по поводу расширения НАТО, воспоминания У. Бёрнса представляют очередное свидетельство авторитетного очевидца о том, что неофициальные заверения руководства СССР в нерасширении альянса действительно были. При этом У. Бёрнс указывает на *осознанное введение советского руководства в заблуждение*. Американский дипломат свидетельствует о том, что Горбачёв получил «ряд неформальных гарантий безопасности развития НАТО» [Бёрнс, 2023: 91–92].

Летом 1991 г. Группа политического планирования, в которую входил У. Бёрнс, подготовила для госсекретаря Дж. Бейкера аналитический документ, в котором отмечалось, что если в 1989 г. распалась «внешняя империя» СССР, то теперь начался распад «внутренней империи» [Бёрнс, 2023: 117]. Автор описывает реакцию американского внешнеполитического истеблишмента на Августовский путч ГКЧП. Аналитики Госдепартамента подготовили в связи с этим событием два документа – один был посвящён причинам и последствиям неудавшегося переворота, второй – стратегии США в случае дезинтеграции СССР [Бёрнс, 2023: 117–119].

Примечателен нарратив, в рамках которого американский дипломат описывает политические процессы, происходившие в постсоветской России. Так, например, он характеризует правительство Б. Ельцина как «независимое российское» [Бёрнс, 2023: 119], то есть дистанцирующееся от внутрисоюзных связей и противопоставляемое Советскому Союзу. У. Бёрнс описывает впечатляющую активность США на постсоветском пространстве: в каждой столице бывших союзных республик было открыто посольство, в новые государства посылались советники-экономисты и специалисты по конверсии оборонных предприятий, наибольшие усилия были направлены на обеспечение безопасности ядерного оружия и вывоз его на территорию Российской Федерации [Бёрнс, 2023: 120; *ср.*: McFaul, Goldgeier, 2003].

В конце апреля 1992 г. американские аналитики подготовили обзор внешней политики президента Дж. Буша-старшего, в котором среди достижений его администрации, кроме окончания холодной войны, значилось объединение и вступление в НАТО Германии. Главным стратегическим вызовом США в этот момент представлялись вопросы трансформации постсоветского пространства и укрепление пошатнувшегося альянса США с Европой и Японией [Бёрнс, 2023: 121].

Учитывая наблюдающееся сегодня переформатирование Ялтинско-Потсдамского мирового порядка и интенсифицирующиеся дискуссии о территориальных претензиях в Европе, представляет интерес освещение в воспоминаниях У. Бёрнса дискуссий об объединении Германии, в принципах выработки которого, по свидетельству дипломата, большую роль сыграл Ф. Фукуяма [Бёрнс, 2023: 90–91].

Книга У. Бёрнса демонстрирует многолетнюю и последовательную линию Вашингтона на обеспечение глобального доминирования Соединённых Штатов, заставляет вспомнить о том, что объединение Германии не было предрешиено, поскольку вызывало опасения европейских политиков и в первую очередь – Великобритании и Франции [ср. Thatcher, 2002]. Учитывая данный внешнеполитический контекст, становится очевидным, насколько сильно помогала американской дипломатии соглашательская позиция советского, а затем и российского руководства в международных делах в выстраивании контуров однополярного мирового порядка и достижении глобальных стратегических целей.

Американские аналитики отмечали угрозу рисков региональной безопасности, вызванную исчезновением Советского Союза в качестве второго полюса биполярного мирового порядка. Основная неопределённость, по их мнению, была связана с будущей ролью вооружённых сил Японии и Германии, а также последствиями революции в Иране и межнациональных конфликтов в бывших союзных республиках СССР [Бёрнс, 2023: 122]. Американские эксперты делали вывод о том, что наряду с возможностями построения мирового порядка на базе «демократических ценностей и институтов», которые будут способствовать укреплению гегемонии США в мире, рост национализма и легитимизация консервативного ислама могут способствовать формированию авторитарных режимов. Цель американской внешней политики формулировалась как необходимость укрепления американского глобального доминирования [Бёрнс, 2023: 123].

В целом У. Бёрнс достаточно подробно останавливается на экспансии НАТО в период после дезинтеграции СССР, проводит ретроспективный анализ обострения взаимоотношений России и коллективного Запада в связи с вопросами о вступлении в Альянс Украины и Грузии [Бёрнс, 2023: 321–338].

Дипломат приводит примеры собственных предостережений Вашингтона, которые, тем не менее, не были услышаны, результатом чего стали последующие события, включая специальную военную операцию на Украине. У. Бёрнс недвусмысленно предупреждал руководителей США о перспективах российского вмешательства в Крыму, на Восточной Украине и в Грузии в случае пренебрежения обеспокоенностью Российской Федерации по поводу своих национальных интересов и национальной безопасности на российских границах [Бёрнс, 2023: 324–325, 331–333, 612].

У. Бёрнс последовательно и подробно описывает процесс расширения НАТО и сознательной антироссийской политики США, направленной на подрыв наци-

ональной безопасности Российской Федерации [Бёрнс, 2023: 159–162 и др.]. Дипломат свидетельствует о том, что сотрудники посольства в Москве, С. Тэлботт и министр обороны У. Перри понимали, что включение в Североатлантический альянс бывших государств – членов Варшавского договора в долгосрочной перспективе подорвёт двусторонние российско-американские отношения и позиции «реформаторов» в российском правительстве.

Многочисленные свидетельства У. Бёрнса о политике США, ориентированной на стратегическое сдерживание России дополняются описанием развёртывания под надуманным предлогом защиты от Ирана систем американской противоракетной обороны (ПРО) в Польше и Чехии [Бёрнс, 2023: 614].

Сегодня подтверждаемый У. Бёрнсом факт имевших место заверений советского руководства в нерасширении НАТО обретает особую важность, поскольку, несмотря на документальные свидетельства и воспоминания очевидцев событий [2]; [3], впоследствии этот факт многократно опровергался представителями как самого альянса, так и американскими официальными лицами.

Подводя итоги обстоятельствам расширения НАТО, на десятилетия заложившего напряжённость между Россией и коллективным Западом, У. Бёрнс уместно цитирует архитектора политики сдерживания Советского Союза Дж. Кеннана, оценивавшего экспансию альянса как «самую большую ошибку американских политиков за всё время после окончания холодной войны» [Бёрнс, 2023: 162].

НАЗНАЧЕНИЕ В ПОСОЛЬСТВО США В МОСКВЕ

В 2005–2008 гг. У. Бёрнс занимал должность посла Соединённых Штатов в Москве, после чего был назначен заместителем госсекретаря США К. Райс по политическим вопросам (третий по значимости пост американского внешнеполитического ведомства). В дальнейшем У. Бёрнсу было суждено стать первым заместителем госсекретаря Х.Р. Клинтон.

Большой интерес закономерно вызывает глава книги, в которой автор описывает катастрофу, постигшую Россию в 1990-е гг. [Бёрнс, 2023: С. 126–165]. Дипломат отмечает, что сознательно стремился к назначению в Россию, как страну, представляющую особый интерес для американской внешней политики*.

* Примечательно, что инициатива назначения послом в Москву исходила от самого У. Бёрнса, в начале 1996 г. с сожалением покинувшего пост в Москве, переходя на должность управляющего делами Государственного департамента [Бёрнс, 2023: 162–163, 286]. Дипломат признаётся, что служба на посту посла США в Москве была работой его мечты. «Россия – сложная страна... но наши отношения с ней были важны, как почти ни с каким другим государством. Россия ещё не преодолела постсоветский кризис самоидентификации и была далеко не таким мощным игроком на мировой арене, как Советский Союз, но она оставалась державой, с которой нельзя было не считаться» [Бёрнс, 2023: 285].

Дипломат вспоминает, что штат посольства в России состоял из представителей примерно двадцати министерств и ведомств США. Причём сотрудники Госдепартамента составляли менее половины. Столь широкая представленность государственных структур, позволяла послу как представителю президента Соединённых Штатов в России эффективно решать вопросы со всеми учреждениями американского правительства [Бёрнс, 2023: 132–134].

У. Бёрнс считает ключевой особенностью российского внешнеполитического поведения и мотивации – «вечное ощущение незащищённости» и полагает, что уже в 1990-е гг. стали очевидными пределы российско-американского партнёрства [Бёрнс, 2023: 134, 136].

Среди проблем России этого периода дипломат выделяет олигархизацию, войну в Чечне, ослабление позиций и авторитета России на международной арене.

В отправленной из Москвы в октябре 1994 г. шифр-телеграмме У. Бёрнс констатировал «озабоченности России пренебрежительным отношением к её интересам в процессе реструктуризации европейских институтов безопасности» [Бёрнс, 2023: 138]. Дипломат отмечал, что после дезинтеграции СССР в России наступил длительный процесс переоценки ценностей, в ходе которого возможности решения американцами многих вопросов на базе «минимального уважения к чувствам русских» было исчерпано. В данной связи американское посольство призывало руководство в Вашингтоне к осторожности в вопросе расширения НАТО [Бёрнс, 2023: 139–140].

У. Бёрнс описывает эволюцию взглядов администрации У. Клинтона и американского истеблишмента в целом на войну в Чечне**. Если в начале конфликта вице-президент А. Гор сравнивал его с Гражданской войной в США, а госсекретарь У. Кристофер называл «внутренним делом России», то по мере затягивания кризиса позиция американцев ужесточалась – чеченская кампания стала инструментом сдерживания и внешнеполитического давления на Россию. Конгресс настаивал на прекращении американской помощи Российской Федерации, составлявшей около миллиарда долларов США в год. Посольство в Москве рекомендовало сохранить финансирование, указывая на переоценку его значения в двусторонних отношениях.

Воспоминания У. Бёрнса фиксируют возмутительные антироссийские реакции США на теракт в Беслане в 2004 г., события «Оранжевой революции» на Украине, а затем «Революции роз» в Грузии [Бёрнс, 2023: 293–294].

Характерно, что, описывая террористический акт, совершённый под руководством Шамиля Басаева в 1995 г., когда в больнице в Будённовске в заложники

** Официальное наименование Первой чеченской войны согласно российским правовым актам: «Операция по восстановлению конституционного порядка в Чечне». См.: Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики» [4].

были взяты 1600 человек, американский дипломат пишет о «*повстанцах*» [Бёрнс, 2023: 148–149]. Так проявляется свойственное США и коллективному Западу в целом постоянное наличие двойных стандартов и готовность морально, идеологически, политически поддерживать любые преступления, направленные против граждан Российской Федерации и её национальных интересов, отмечаемые в контексте истории контртеррористической операции в Чечне непредвзятыми западными экспертами, указывающими на сомнительную тенденцию освещать антироссийские террористические атаки в качестве «актов героизма борцов за свободу» [ср.: Кунце, Фогель, 2020].

Сложно не видеть злонамеренной активности США в описании У. Бёрнсом деятельности в регионе фонда Сороса, исчезнувшего сотрудника которого Ф. Куни пришлось разыскивать американскому посольству, открыв в Ингушетии «неофициальное представительство» [Бёрнс, 2023: 149–154].

Обращает на себя внимание занижение американским дипломатом до 20 миллионов погибших во время Великой Отечественной войны советских граждан [Бёрнс, 2023: 155]. Данный факт можно считать проявлением общей тенденции по дискредитации и дегероизации советского/российского прошлого, в котором, привычно для создаваемого американскими официальными лицами антироссийского нарратива, акцентируются разнообразные ужасы и завышается число жертв сталинских репрессий при параллельном замалчивании и занижении вклада СССР в победу над нацизмом.

Воспоминания У. Бёрнса, посвящённые России, иллюстрируют перманентное вмешательство во внутренние дела, неуважение суверенитета, политизацию прав человека и манипулирование правозащитной повесткой в целях внутренней дестабилизации и подрыва международного авторитета Российской Федерации.

В частности, дипломат останавливается на *вмешательстве США в российские президентские выборы 1996 г.*, во время которых американские советники помогали Б. Ельцину удержаться у власти.

Указывает дипломат и на факт отсутствия действенной помощи России со стороны Запада, например, аналога Плана Маршалла. Политик отрицательно оценивает ход проводившейся «реформаторами» «шоковой терапии» [Бёрнс, 2023: 163].

Описывая события войны 2008 г. по принуждению Грузии к миру, У. Бёрнс демонстрирует характерную для западных политиков точку зрения, в соответствии с которой России отказано в праве на безопасность и защиту собственных национальных интересов. Забывая ранее перечисленные провалы внешней политики США на российском направлении, У. Бёрнс переходит к привычным обвинениям России в имперских комплексах и авторитаризме, представлению В.В. Путина как угрозы «демократическому миру» [Бёрнс, 2023: 337–338].

НЕОБХОДИМОСТЬ НЕЙТРАЛЬНОГО СТАТУСА УКРАИНЫ И ОТНОШЕНИЯ С РОССИЕЙ

Воспоминания У. Бёрнса приводят к заключению о том, что в конечном счёте России, как и всегда в её многовековой истории, пришлось решать все проблемы самостоятельно, опираясь только на собственные силы.

Нельзя отказать американской дипломатии в целом в верной передаче в Центр опасений российского руководства в отношении расширения Североатлантического альянса. [Бёрнс, 2023: 156–157]. В данной связи важно подчеркнуть, что, как и М. Тэтчер и до недавнего времени Г. Киссинджер, У. Бёрнс отмечает необходимость нейтрального статуса Украины.

Дипломат пишет, что, находясь в 1990-е гг. в Москве, рассматривал расширение НАТО как в лучшем случае преждевременный шаг, а в худшем – бессмысленную провокацию. При этом ему казалось, что на первом этапе расширения, когда в альянс вступили государства Центральной Европы, отрицательная оценка Дж. Кеннана, была слишком мрачной, поскольку ухудшение отношений, по-видимому, не носило фатального характера [Бёрнс, 2023: 164–165].

Несмотря на тот факт, что после теракта 11 сентября «одним из первых президенту США позвонил Владимир Путин, предложив российскую помощь» [Бёрнс, 2023: 226, 292] Соединённые Штаты не были готовы выстраивать равные отношения [Бёрнс, 2023: 282–338]. Любые попытки защиты собственных национальных интересов Российской Федерации рассматривались американской стороной в качестве «возвращения в прошлое» [Бёрнс, 2023: 283]. Вопрос о том, что это «возвращение» есть геополитически и исторически обоснованный факт возвращения на своё место, как одного из ключевых игроков мировой политики, традиционно для американской дипломатии оставляется за скобками, несмотря на формальную констатацию роли России на международной арене.

Передавая предупреждение российского президента, высказанное К. Райс относительно последствий агрессии Грузии в Осетии, У. Бёрнс констатирует: «Это была не та Россия, которую я покинул 10 лет назад, – лежащая на обеих лопатках, переживающая стратегический упадок» [Бёрнс, 2023: 285].

Характерны высокомерные ноты приводимых дипломатом депеш, уходивших в Вашингтон, прорывающиеся сквозь констатации объективных обстоятельств, в частности, попытки шельмования и очернения российской истории, указания на необходимость подрыва «слишком большого веса» России во многих сферах международных отношений [Бёрнс, 2023: 296].

У. Бёрнс предлагал Вашингтону делать ставку на молодёжь, создав в России «сообщество приблизительно 60 000 выпускников американских учебных заведений» в расчёте, что расширение программ обмена приведёт к созданию агентов влияния США в стране [Бёрнс, 2023: 298]^{***}.

Учитывая ставку на дестабилизацию социально-политической обстановки в России средствами сети разнообразных НКО, У. Бёрнс высказывал закономерную обеспокоенность усилением контроля российских властей над подобными организациями [Бёрнс, 2023: 309]. Мюнхенская речь В.В. Путина 2007 г. и укрепление внутреннего суверенитета России стали для американцев очевидным свидетельством срыва планов по ослаблению самостоятельности Российской Федерации [Бёрнс, 2023: 309].

В традиционном для американской внешней политики ключе У. Бёрнс и вступление России во Всемирную торговую организацию (ВТО) рассматривал как инструмент либерализации Российского государства и российского общества изнутри [Бёрнс, 2023: 326], делал ставку на системное продвижение «повестки свободы» мерами вовлечения России в работу глобальных международных организаций, в которых доминировали Соединённые Штаты и их союзники [См. Email госсекретарю К. Райс 8 февраля 2008 г. «Стратегия для России». Бёрнс, 2023: 613].

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ

Значительное место в мемуарах У. Бёрнса занимает проблематика государств Ближнего Востока. С теплотой вспоминает автор годы работы на посту посла США в Иордании [Бёрнс, 2023: 166–211].

Традиционным для США проявлением двойных стандартов можно считать практически полное отсутствие каких-либо моральных правозащитных нападений в отношении союзных Соединённым Штатам авторитарных режимов региона. Характерно, что при констатации абсолютной власти короля Хуссейна, дипломат не пишет об ужасах недемократического режима, подавлении прав человека, поскольку Израиль, Иордания и любые иные государства, идущие в фарватере внешней политики Вашингтона до поры до времени традиционно проходят под рубрикой «это другое». В отличие от возмущения «несменяемостью власти в России», У. Бёрнс оплакивает кончину десятилетия правившего Иорданией короля, оставившего свой осиротевший народ жить в «этом сложном мире» [Бёрнс,

^{***} Примечательно в данной связи, что в соответствии с заявлением директора Службы внешней разведки России С.Е. Нарышкина, «по подсчётам Госдепартамента, число российских стипендиатов американских образовательных и культурных программ, таких как *Access, Advance, FLEX, Fulbright, Global UGRAD, Summer Work and Travel* и других, насчитывает более восьмидесяти тысяч человек». В условиях массового выезда из России после начала специальной военной операции представителей годами поддерживавшейся Западом несистемной оппозиции, именно эти люди рассматриваются американскими спецслужбами в качестве потенциального источника формирования пятой колонны по дестабилизации и подрыву суверенитета Российского государства [1].

2023: 191]. Несмотря на авторитарный характер абсолютной власти, дипломат повествует о том, как США пролоббировали вступление Иордании в ВТО, содействовали развитию особых промышленных зон в результате чего экспорт страны вырос с 9 млн в 1998 до 950 млн долл. США в 2003 г., государство заняло третье место в списке получателей американской помощи [Бёрнс, 2023: 192–193]. В подобных примерах раскрывается вся конъюнктурность «универсальных американских ценностей» на практике.

Поучительны приводимые дипломатом портреты иорданской элиты: пристрастие принцев к односолодовому виски, обучение в Оксфорде и королевской военной академии в Сандхерсте – интересный «бэкграунд» компрадорской, удобной Западу вестернизированной авторитарной элиты.

Не называя вещи своими именами, У. Бёрнс констатирует принцип американской политики – «цель оправдывает средства», в рамках реализации которого речь о ценностях не идёт, хотя бросающиеся в глаза несоответствия между риторикой и практикой и приводят к необходимости оговорок и попыток оправданий. В отличие от воспоминаний Х.Р. Клинтон, в которых достаточно много места было отведено оправданиям за свержение многолетнего «друга США» Х. Мубарака [Clinton, 2014], опытный карьерный дипломат У. Бёрнс пошёл иным путём – сослался на особенности профессиональной деформаций сознания: «Одним из видов профессиональной деформации дипломатов является так называемый клиентел – тенденция к отождествлению интересов страны пребывания с интересами страны, которой они служат. Одним из симптомов этого профессионального заболевания является избирательная слепота – мы перестаём замечать недостатки страны, в которой работаем, чему немало способствует соблазнительная лёгкость доступа к власти имущим и очевидная возможность влиять на их решения» [Бёрнс, 2023: 196]. Таким элегантным образом У. Бёрнс объясняет двойные стандарты США и избирательное «закрывание глаз» на отсутствие демократии и нарушения прав человека. Его подход – нечто промежуточное между не вызывающими никакого доверия назойливыми попытками оправдаться за дружбу с монархиями Персидского залива Х. Клинтон [Clinton, 2014] и реально политическими прагматичными суждениями М. Тэтчер, откровенно написавшей в своей «Стратегии управления государством», что не представителям Запада учить арабских шейхов управлению собственными народами.

МИЛИТАРИЗАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Результатом теракта 11 сентября 2001 г. стала милитаризация внешней политики США [Бёрнс, 2023: 212–281], приведшая к смене режима в Ираке и вводу войск возглавляемой США коалиции в Афганистан. У. Бёрнс отмечает, что долгосрочные последствия вторжения в Ирак вызывали опасения как у американских специалистов, так и у региональных политиков. Автор особо останавливается на деструктивной роли прозападной иракской оппозиции при подготовке к

войне против С. Хуссейна, отмечает тот факт, что ястребы из неоконсервативного лагеря были готовы использовать любой повод для реализации силового сценария [Бёрнс, 2023: 237].

Лидеры государств региона считали, что потенциальные угрозы свержения иракского режима намного превышают возможные благоприятные последствия. Однако после 11 сентября американская дипломатия при принятии политических решений отошла в тень Министерства обороны.

Признавая милитаризацию внешней политики США и её катастрофические последствия, автор, тем не менее, не отказывается от привычных для американских чиновников клише, характеризует режим М. Каддафи в качестве «жёсткой репрессивной системы «народной власти»» [Бёрнс, 2023: 213].

Судьба ливийского лидера вообще показательна. В надежде сохранить власть М. Каддафи пытался идти на уступки Соединённым Штатам, однако, несмотря на засвидетельствованные У. Бёрнсом заверения в том, что США не ставят перед собой цели смены режима, был свергнут [см., напр.: Бёрнс, 2023: 274–276].

В приложенных к изданию рассекреченных документах представлены классические американские схемы сдерживания неугодных США режимов. Так, например, приводится Меморандум для госсекретаря К. Райс от 27 мая 2008 г. «Как вновь завладеть стратегической инициативой в Иране», в котором аргументировалась необходимость выработки «творческого подхода к подрыву режима, всячески способствующего усилению разногласий между в высшей степени консервативно настроенными руководителями и иранским народом, стремящемся к нормализации отношений с другими странами, в том числе с США [Бёрнс, 2023: 616–622].

Примечательно, что, говоря о стратегии по вмешательству во внутриполитические дела Ирана с целью дестабилизации этого государства, У. Бёрнс призывает придерживаться классической теории сдерживания, отработанной на СССР, базирующейся на «разработанном Кеннаном подходе к работе с глубоко враждебным противником, раздираемым серьёзными внутренними противоречиями, которые неизбежно приведут к его краху...» [Бёрнс, 2023: 618–619].

Меморандум У. Бёрнса, посвящённый сдерживанию Ирана, представляет широкий спектр действий, которые в той или иной степени испытывали на себе все государства, подвергавшиеся гибридной агрессии США. Среди этого инструментария: санкции, антииранские действия на площадках ООН, стравливание стран Исламского мира, агрессивная антииранская информационная кампания в СМИ, «чтобы поставить на место, вынудить занять тактическую оборонительную позицию и использовать противоречие между желанием режима рисовать Америку в качестве «врага у ворот» и стремлением иранского народа к получению доступа в США и другие страны мира»; ставка на внутреннее разложение методами «мягкой» силы, среди которых «парламентские обмены, увеличение количества спортивных и культурных визитов, творческий подход к теле- и радиовещанию, включая выступления американских чиновников в иранских программах на фарси»;

выделение тысяч стипендий студентам. Из этих примеров «вбивания клина между иранским режимом и народом» [Бёрнс, 2023: 620–621] видно насколько системно и стандартно работают власти США, проводя гибридную политику сдерживания конкурентов на внешнеполитической арене. В то же время важно отметить, что столь самоуверенная ставка Соединённых Штатов на идейно-политическое и моральное разложение и деконсолидацию обществ геополитических противников не учитывает общемирового снижения авторитета Америки, баланса и общего потенциала привлекательности американского образа жизни и культуры для представителей мирового большинства****.

Не менее характерны и приводимые У. Бёрнсом примеры американской «дипломатии силы», основанные на ночных телефонных обзвонах высокопоставленных чиновников формально суверенных государств [Бёрнс, 2023: 363].

Воспоминания У. Бёрнса было бы уместно назвать «Мир разнонаправленных страстей», о котором упоминает автор [Бёрнс, 2023: 342]. Однако, к сожалению, отличительной чертой внешней политики США является разжигание таких кризисов до такой степени, что порою кажется, что именно Соединённые Штаты, а не мир в целом – эпицентр разрушительных противоречий.

Автор характеризует политику администрации Б. Обамы как попытку «игры в долгую» [Бёрнс, 2023: 339–406], однако подобная оценка кажется слишком комплементарной. Каковыми бы ни были намерения этой администрации, глобальный стратегический итог её деятельности только усилил тенденции эскалации международной напряжённости, связанной с попытками ущемления интересов суверенных государств США и их сателлитами. Воспоминания У. Бёрнса свидетельствуют о осмысленном и системном стремлении внешней политики США к силовой дипломатии, ставке на решение политических вопросов методами давления, шантажа и военно-политического принуждения.

В характерной для американских политиков манере книга изобилует клише вроде обвинений В. Путина в «стремлении играть не по правилам», придуманым в Вашингтоне [Бёрнс, 2023: 29]. Стандартная пропагандистская риторика, призванная сохранить американское доминирование в информационно-идеологической сфере, с течением времени и сокращением авторитета Соединённых Штатов на мировой арене всё менее уместна, однако, создаётся впечатление, что без подобных пассажей ни одна американская работа социально-политического характера уже немыслима. Характерен в данной связи и пронизывающий воспоминания У. Бёрнса «антитрампизм», который на фоне очевидных провалов внешней политики администрации Дж. Байдена и общей системной деградации

**** Свидетельства этому могут служить как размышления Б. Обамы о кризисе «американской мечты» и необходимости её «возрождения» [Obama, 2008], так и сетования Зб. Бжезинского о том, что инфраструктурные проблемы США делают государство страной третьего мира [Brzezinski, 2012], так и, например, снижение глобального интереса к Голливуду и другим образцам американской популярной культуры, транслирующим установки чуждой подавляющему большинству человечества повестки десятков гендеров и разнообразных меньшинств.

государственного аппарата США кажется не вполне обоснованным и уместным. Не избежал У. Бёрнс и пропагандистских клише о мнимом вмешательстве России в американские президентские выборы 2016 г. [Бёрнс, 2023: 319].

В целом воспоминания У. Бёрнса оставляют впечатление достаточно искренних, что выгодно отличает его книгу от «предвыборных» мемуаров Х. Клинтон [Clinton, 2014] и других аналогичных изданий с ретроспективным анализом политических событий. Кроме того, есть основания полагать, что книга американского дипломата в определённом смысле знаковая, рубежная, подводящая черту и резюмирующая «момент-эпоху» однополярного мира, в котором доминировали Соединённые Штаты.

ИСТОЧНИКИ

1. США работают над созданием пятой колонны в России. Пресс-бюро СВР России. 11.01.2024. Available at: <http://svr.gov.ru/smi/2024/01/ssha-rabotayut-nad-sozdaniem-pyatoy-kolonny-v-rossii.htm> (accessed: 14.04.2024).

2. NATO Expansion: What Gorbachev Heard. Declassified documents show security assurances against NATO expansion to Soviet leaders from Baker, Bush, Genscher, Kohl, Gates, Mitterrand, Thatcher, Hurd, Major, and Woerner. National Security Archive. Available at: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2017-12-12/nato-expansion-what-gorbachev-heard-western-leaders-early> (accessed: 14.04.2024).

3. Wiegrefe, K. Neuer Aktenfund von 1991 stützt russischen Vorwurf Russland behauptet seit Jahrzehnten, die Nato-Osterweiterung verstoße gegen westliche Zusagen nach dem Mauerfall. Nun ist ein bemerkenswertes Dokument aufgetaucht. *Der Spiegel*. 18.02.2022. Available at: <https://www.spiegel.de/> (accessed: 14.04.2024).

4. Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики».

ЛИТЕРАТУРА

Бёрнс У. Невидимая сила: Как работает американская дипломатия. М.: Альпина Паблишер, 2023. 688 с.

Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР: Что стало с бывшими союзными республиками. М.: Кучково поле, 2020. 288 с.

REFERENCES

Boyd, J. *Travelers in the Third Reich: The Rise of Fascism Through the Eyes of Everyday People*. London: Elliott and Thompson Limited, 2017. VIII + 487 p.

Brzezinski, Z.K. *The Choice: Global Domination or Global Leadership*. New York: Basic Books, 2004. XI + 242 p.

Brzezinski, Z.K. *Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower*. New York: Basic Books, 2007. VI + 234 p.

Brzezinski, Z. Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power. New York: Basic Books, 2012. VIII + 208 p.

Burns, W.J. The Back Channel: A Memoir of American Diplomacy and the Case for its Renewal. New York: Random House, 2019. XII + 500 p.

Clinton, H.R. Hard Choices. A Memoir. New York: Simon and Schuster, 2014. XII + 636 p.

Kissinger, H. Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the 21st Century. New York: Simon and Schuster, 2001. 320 p.

Kunze, T., Vogel, T. Das Ende des Imperiums: Was aus den Staaten der Sowjetunion wurde. Berlin: Ch. Links Verlag, 2016. 328 s.

McFaul, M., Goldgeier, J.M. Power and Purpose: U.S. Policy Towards Russia After the Cold War. Washington: Brookings Institution Press, 2003. VIII + 467 p.

Nasr, V. The Dispensable Nation: American Foreign Policy in Retreat. New York: Doubleday, 2013. 300 p.

Obama, B. The Audacity of Hope: Thoughts on Reclaiming the American Dream. New York: Crown Publishers, 2008.

Thatcher, M. Statecraft: Strategies for a Changing World. New York: Harper Perennial, 2002. 512 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СУРГУЛАДЗЕ Вахтанг Шотович, кандидат философских наук, старший преподаватель Кафедры политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Российская Федерация, 125993, Москва, Ленинградский проспект, 49.

Vakhtang Sh. SURGULADZE, Candidate of Sciences (Philosophy), senior lecturer of the Chair of political science of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

49 Leningradskiy prospect, Moscow 125993 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 15.04.2024 / Received 15.04.2024.

Поступила после рецензирования 29.04.2024 / Revised 29.04.2024.

Статья принята к публикации 30.04.2024 / Accepted 30.04.2024.

УДК: 327

DOI: 10.31857/S2686673024060077

EDN: ZAWSLC

Американские специалисты о проблеме подрыва стабильности российского общества

П.Т. Подлесный

Институт Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова

Российской академии наук (ИСКРАН)

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

РИНЦ ID: 104756

e-mail: podlpavel@yandex.ru

Резюме. Главная цель данной статьи – анализ некоторых американских оценок расшатывания внутренней ситуации в России, их реалистичности и вытекающих отсюда задач политики российского руководства.

Ключевые слова: В.В. Путин, выборы президента России, российско-американские отношения, внутренняя политика, политический анализ.

Для цитирования: Подлесный П.Т. Американские специалисты о проблеме подрыва стабильности российского общества. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024. 54(6):94–99. DOI: 10.31857/S2686673024060077

EDN: ZAWSLC

American Experts on the Problem of Undermining the Stability of Russian Society

Pavel T. Podlesnyi

Arbatov U.S. and Canada Institute Russian Academy of Sciences.

2/3, Khleby pereulok, Moscow 121069, Russian Federation

РИНЦ ID: 104756 ORCID:

e-mail: podlpavel@yandex.ru

Abstract: The main purpose of this article is to analyze certain American assessments of the unraveling of the internal situation in Russia, their feasibility, and the resulting policy objectives of the Russian leadership.

Keywords: V.V. Putin, Russian presidential elections, Russian-American relations, domestic politics, political analysis.

For citation: Podlesny, P.T. American Experts on the Problem of Undermining the Stability of Russian Society. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024. 54(6): 94–99.

DOI: 10.31857/S2686673024060077

EDN: ZAWSLC

Важнейшим уроком украинского конфликта является очевидность невозможности военной победы над Россией. Не оправдались и расчёты коллективного Запада разрушить с помощью санкций российскую экономику и тем самым вызвать социальное недовольство россиян политикой нынешнего руководства, ослабить его позиции и авторитет. Более чем успешное переизбрание президента В. Путина в марте 2024 г. на новый шестилетний срок показало полную поддержку

населением его внутреннего и внешнеполитического курса, в том числе специальной военной операции на Украине.

В сложившейся ситуации американские эксперты не ослабляют своих усилий по поиску уязвимых мест и слабостей внутри России, стремясь при этом доказать, что поддержка президента России не столь мощная, как это изображают российские политики. Показательна в этом плане статья «Скрытые уязвимости Путина», подготовленная сотрудниками ведущих университетов США Т. Фрайем, Г. Хейлтон, Дж. Рейтером и Б. Розенфильдом и опубликованная в журнале «Форин афферс» в марте этого года. «Многие россияне, – утверждается в статье, – включая тех, кто голосовал за Путина, скептически настроены касательно решимости Кремля продолжать длящийся уже два года конфликт <...> Только скромное большинство сторонников президента поддерживают нынешний курс на Украине, а именно только чуть больше 54% полагают, что России следует продолжать войну, которую Путин защищал со времени её начала в феврале 2022 г. Поддержка Путина лично сильнее, нежели поддержка усилий Кремля в защиту войны» [1: 1–2].

Приведённые выше данные, полагают авторы, содержат в себе позитивные и негативные аспекты для Украины, её союзников и покровителей. Неоднозначная поддержка войны гражданами России не может сама по себе понудить президента В. Путина прекратить военные действия против Украины, он в состоянии продолжать их и без мощной поддержки со стороны населения. Но ослабление такой поддержки, тем не менее, может осложнять их продолжение и руководству страны придётся принимать жёсткие меры против оппозиции. Кроме того, ослабление поддержки затруднит набор контрактников, снизит моральный дух и осложнит обеспечение поддержки войны в будущем. Иными словами, победа на выборах была лёгкой, но серьёзные вызовы для руководства остаются. Тут надо сказать, что американские эксперты сознательно не замечают, что тысячи россиян добровольно отправляются на фронт. Количество желающих возросло после чудовищного террористического акта в Красногорске в марте 2024 года.

Авторы статьи признают тот факт, что поддержка президента России имеет много измерений: «Руководитель России продолжает опираться на широкую базу рядовых россиян, которую он обеспечивал на протяжении 25 лет. Популярность Путина обусловлена развитием экономики, уверенным его поведением, и во всё возрастающей мере защиты традиционных ценностей, которые разделяют многие россияне. Он постоянно подчёркивает тот факт, что армия России справляется с проведением специальной военной операцией, что позволяет большинству россиян вести привычный образ жизни, ситуация в стране остаётся стабильной, а страна продолжает развиваться в условиях военной ситуации. По данным авторов, россияне, поддерживающие В. Путина, в основном настроены оптимистически касательно экономики страны в условиях многочисленных санкций Запада. Почти половина из них считают, что экономика остаётся стабильной или даже стала развиваться на протяжении 2023–2024 гг. Аналогичной позиции придерживаются и 14% тех, кто настроен против В. Путина и военной операции на Украине. Те россияне, кто поддерживают Путина, но настроены против войны, полагают,

что не понесли личных финансовых потерь, их финансовое положение осталось прежним и даже улучшилось за истекший год. Более половины тех, кто выступает и против В. Путина, и против войны, утверждают, что их экономическое положение ухудшилось.

Что же, в представлении авторов, может подорвать ощущение нормальности жизни страны в условиях военной ситуации? Война России на Украине, а точнее с коллективным Западом, носит для страны экзистенциальный характер, а поэтому каждый гражданин должен вносить свой вклад в обеспечение победы над врагом. Может возникнуть и потребность в «частичной мобилизации», как это было осенью 2022 г., что вызвало озабоченность многих россиян. Иными словами, возможное повышение затрат на войну – рискованная стратегия, которая может оттолкнуть часть сторонников от Путина, и особенно если негативные тенденции затронут экономику страны. Сторонники В. Путина, которые тем не менее настроены против войны, разделены в вопросе оприоритетности военных расходов по сравнению с социальными программами. Этим объясняется, по крайней мере до настоящего времени, увеличение социальных расходов и поддержание ощущения экономической стабильности даже в условиях перевода экономики на военные рельсы. Отсюда вывод авторов статьи: «Если в России произойдёт спад экономики или возрастут требования увеличить социальные расходы, это может ослабить поддержку войны и тем самым подорвать политическую базу Путина» [1: 3–4].

Потенциалом дальнейшей озабоченности Кремля, утверждают авторы, может стать специфическая природа оппозиции войне. Некоторые группы населения, которые традиционно оказывали поддержку В. Путину, сейчас настроены против войны. Речь идёт прежде всего о женщинах, более четверти которых высказываются за прекращение специальной военной операции. Кроме того, сторонники В. Путина в аграрных регионах страны в большей мере настроены против войны, нежели население, проживающее в крупных городах и промышленно развитых регионах: один из трёх полагает, что её надо прекратить. Мобилизация осенью 2022 г. в более ощутимой мере затронула именно аграрные регионы. Если антипутинские настроения там соединятся с антивоенными, как это зачастую характерно для больших городов, то это может стать поворотным моментом для Кремля [1: 4].

Отмеченные выше потенциальные проблемы могут обостриться, если Москве придётся прибегнуть к новой мобилизации, ибо она окажет негативное влияние на женщин и аграрные регионы. Мужчины в таких регионах будут в большей мере затронуты мобилизацией нежели их собратья в крупных городах. Жёны и матери мобилизованных в наибольшей мере опасаются за жизни своих мужчин и сыновей и хотят их быстрее возвращения с фронта домой, они уже стали одним из основных источников настроений против военной стратегии руководства страны. В целях нейтрализации таких настроений, Кремлю придётся делать ротацию военнослужащих более частой, но это потребует новых волн мобилизации.

Сторонники В. Путина, настроенные тем не менее против войны, охватывают группы, которые наверняка будут призваны в армию и испытывающие серьёзные экономические трудности. В таких отдалённых районах Сибири, как Бурятия, Алтай, Забайкалье, с самой высокой смертностью среди мужчин, подлежащих военному призыву, две трети приверженцев В. Путина открыто выступают против войны. Менее образованные сторонники президента России настроены антивоенно в большей степени, нежели более образованные части населения. Столкнувшись в двусмысленными настроениями к войне в регионах, где российские военные сосредоточили свои усилия по набору в армию, Кремль по сути дела не имеет шансов защитить свою политику. Именно поэтому, утверждается в статье, российские власти допустили антивоенно настроенного оппозиционера Б. Надеждина к участию в выборах в марте 2024 г., затем сняли его с регистрации под предлогом ошибок в списках в поддержку его кандидатуры. «Ясно, – полагает эти американские эксперты, – что режим Путина посчитал слишком опасным позволить Надеждину отстаивать свою позицию перед избирателями, уже скептически настроенных против продолжения специальной военной операции» [1: 4–5]. Проводимая российскими властями патриотическая разъяснительная работа не устраняет полностью сомнения по поводу войны. Сейчас, по утверждениям авторов, только половина россиян, выступающих за её продолжение, разделяют точку зрения о том, что 22 февраля 2022 г. у России была одна альтернатива – начать полномасштабную специальную военную операцию [1: 4–5].

В заключительной части статьи авторы вновь повторяют свою точку зрения, что именно новая мобилизация может создать серьёзные трудности для российских властей. В настоящее время официальная позиция Кремля состоит в том, что в новой мобилизации нет необходимости. У российской армии достаточно контрактников, набранных за истекший год, чтобы осуществлять ротацию военнослужащих и уменьшить потребность в привлечении дополнительных контингентов. Контрактники и добровольцы получают солидные финансовые выплаты и другие бонусы. Наряду с этим, подчёркивают авторы, Кремль обращается с просьбой к женам и матерям солдат, находящихся на фронте, проявлять терпение, обещая новые привилегии и социальную мобильность для ветеранов, возвращающихся домой. Путин заверил их в том, что они и есть «новая элита» и заслужили соответствующее вознаграждение. По мнению авторов, только время покажет, удастся ли президенту России выполнить свои обещания найти для «новой элиты» соответствующую роль в государственных компаниях, образовании, госуправлении. Возможные военные неудачи, однако, могут затруднить приток новых контрактников и добровольцев в армейские ряды. Сокращение числа добровольцев породит потребность в более массовой мобилизации, что Путин явно хочет избежать.

В сложившихся условиях политика США, коллективного Запада, то прежде всего следует ослабить мнение, что поддержка западных стран Украины ослабевает. На Западе сейчас распространена точка зрения о том, что положение дел на фронте складывается в пользу России. «Но, – утверждается в статье, – такая тенденция может быть повернута вспять, Запад должен оказывать военную помощь

с тем, чтобы понудить Россию чаще проводить ротацию военнослужащих, а привлечение добровольцев более затратным. Одновременно Западу следует довести до российского населения точку зрения о том, что военные и экономические издержки продолжения войны на Украине перевешивают выгоды. Делая это, Запад должен использовать тот факт, что судьба войны её исход – проблема и для самой Москвы, а недовольство, связанное с её продолжением, реально и присуще даже сторонникам войны» [1: 6].

Правда, это не должно порождать у западных политиков иллюзий относительно возможности ухода Путина с поста президента. Сильные лидеры могут сохранять власть даже при неудачах на фронте. Но определённый диссонанс среди сторонников В. Путина нервирует Кремль. Хотя после смерти А. Навального, «кажется, что режим Путина устранил жизнеспособные источники оппозиции. Но, возможно, что наибольшая угроза для президента России в настоящее время исходит от его нынешних сторонников <...> Тот факт, что Кремль расходует столь много энергии в целях нейтрализации даже тривиальной антивоенной деятельности свидетельствует о том, что он осознаёт опасность недовольства, опасность, которую не сможет спрятать даже победа на выборах» [1: 6].

Но некоторые американские специалисты придерживаются более осторожной позиции, полагая, что отстаиваемые президентом В. Путиным идеи глубоко укрепились в государственных структурах и российском обществе. Именно к такому выводу пришли М. Киммэдж и М. Липмэн в статье «Вечный путинизм. Ответ российского автократа на проблему преемственности» в том же журнале. По мнению авторов статьи, В. Путин находится на вершине своей политической власти: «Превалирующее чувство "вечного путинизма" многие россияне связывают в основном со стабильностью и чувством политической преемственности, в то время как меньшинство испытывают чувство отчаяния или возмущения» [2: 1]. В глазах общественности, утверждают далее авторы, президент В. Путин прошёл главную проверку – он противостоит Западу, разоблачает его критическую позицию в отношении России, преодолевает негативные последствия санкций и предоставление военной помощи Украине и ведёт дело к консолидации успехов Москвы на фронте. Если бы российская армия потерпела неудачи, это поставило бы под вопрос компетенцию главнокомандующего. Сегодня путинская Россия находится в большей безопасности нежели Советский Союз в 1980-х годах [2].

Конечно, авторы видят и те возможные события, которые могут негативно сказаться на внутренней ситуации в России – возможные неудачи на фронте, экономические проблемы, принятие каких-то недостаточно продуманных решений и т.д. Но глубина и степень путинизма поражают до настоящего времени, специальная военная операция сделала В. Путина сильнее. «В случае, – подчёркивается в статье, – если российская армия начнёт добиваться что-то близкого к победе на Украине, система управления Путина укрепит свои позиции внутри страны и за рубежом. Даже в случае неожиданного отхода В. Путина от власти, механизмы управления наверняка останутся там, где В. Путин их создал – в Кремле, силовых структурах, в военных кругах. Удастся ли любому руководителю, который придёт на смену Путину, умело использовать эти инструменты, неясно. Но с Путиным

или без него, они связаны с многими интересами, многими прецедентами прошлого и не будут мирно переданы сторонникам какой-то иной системы управления» [2].

Иными словами те, кто могут сменить Путина и избежать кровавой борьбы за власть, будут во многом заинтересованы в сохранении существующей системы, в сохранении влияния военных и силовых структур. Они не захотят, чтобы внутренние разногласия наносили ущерб геополитическим позициям России и не откажутся от идеологических взглядов, высказанных Путиным. Это, завершают свои размышления М. Киммэдж и М. Лирмэн, даёт основания для основного вывода о том, что «вечный путинизм», связанный в настоящее время с одним человеком, может пережить, сохраниться и после ухода самого Путина. Президент России сделал достаточно для того, чтобы кто бы ни пришёл ему на смену, наверняка станет похожим на него [2: 5–6].

Но любые усилия США, коллективного Запада по подрыву внутренних устоев Россия сможет нейтрализовать прежде всего достижением новых успехов на украинском фронте, особенно с учётом того, что в его стратегии всё возрастающее значение отводится террористическим атакам на российской территории. Но важнейшую роль сыграет и решение таких внутренних проблем, как стабильное развитие экономики, выполнение социальных программ, коренное переосмысление миграционной политики, поддержание межнационального мира и согласия.

ИСТОЧНИКИ

1. Frye, T., Hale H., Reuter, J. Rosenfeld, B. Putin's Hidden Weakness. *Foreign Affairs*, March 25, 2024. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/russian-federation/putins-hidden-weakness> (accessed 12.04.2024).

2. Kimmage, M., Lipman, M. Forever Putinism. *Foreign Affairs*, March 13, 2024. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/russian-federation/vladimir-putin-for-ever-putinism> (accessed 12.04.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПОДЛЕСНЫЙ Павел Терентьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института США и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, д 2/3.

Pavel T. PODLESNY, Candidate of Sciences (History), Leading researcher, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3 Khlebny per., 121069 Moscow, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 12.04.2024 / Received 12.04.2024.

Статья поступила после рецензирования 22.04.2024 / Revised 22.04.2024.

Статья принята к публикации 23.04.2024 / Accepted 23.04.2024.

УДК: 327.82(73)

DOI: 10.31857/S2686673024060084

EDN: ZASXAZ

Отражение культурных войн в современном кинематографе США

В.М. Халилов

*Институт Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика А.Г. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).*

Хлебный пер., д. 2/3, Москва, 121069

Российская Федерация, 121069, г. Москва, Хлебный пер. д. 2/3.

РИНЦ ID: 464270 ORCID: 0000-0003-1665-1206 e-mail: v.khalilov@iskran.ru

Резюме. Работа посвящена освещению роли кинематографа в текущей культурной войне между «ортодоксальным альянсом» – консервативными, правыми, преимущественно христианскими группами, и прогрессивистскими, леволиберальными, по большей части светскими и атеистическими кругами в борьбе за право диктовать общественную повестку, доминировать в публичном дискурсе и определять общественную культуру Америки.

Автор работы рассматривает продвижение прогрессивистской повестки в голливудских фильмах и попытки правых традиционалистов противостоять этому воспринимаемому ими в качестве насильственного насаждения враждебных ценностей наступлению через бойкотирование и создание альтернативного контента. Коммерческие неудачи массовой голливудской кинопродукции, проповедующей многообразие, равенство и инклюзивность, и неожиданный прокатный успех независимых фильмов, апеллирующих к ультраконсервативной аудитории, демонстрируют, что многолетняя гегемония носителей либерального мировоззрения в сфере публичного развлечения начала испытывать серьёзную конкуренцию со стороны проводников ортодоксальных взглядов, что способно повлиять на исход всего противостояния двух принципиально различных видений Америки.

Ключевые слова: культура США, Голливуд

Для цитирования: Халилов В.М. Отражение культурных войн в современном кинематографе США. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024. 54(6):100–110. DOI: 10.31857/S2686673024060084 EDN: ZASXAZ

Reflections of Culture Wars in Contemporary U.S. Cinema

Vladimir M. Khalilov

Georgy Arbatov Institute for US and Canada Studies

Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

РИНЦ ID: 464270 ORCID: 0000-0003-1665-1206 e-mail: v.khalilov@iskran.ru

Abstract. This article focuses on the impact of cinema in the ongoing culture war between the "orthodox alliance" – conservative, right-wing, predominantly Christian groups – and progressivist, leftist liberal, mostly secular and atheist communities in the struggle for the right to shape the social agenda, dominate public discourse, and define American popular culture.

The author examines the advance of the progressivist agenda in Hollywood films and the attempts of right-wing traditionalists to counter this perceived imposition of hostile values

through boycotts and the creation of alternative content. The commercial failures of mainstream Hollywood productions that preach diversity, equity, and inclusion, and the sudden box office success of independent titles that appeal to ultraconservative audiences, demonstrate that the longstanding hegemony of liberal perspectives in public entertainment has begun to face considerable competition from orthodoxy. This could affect the outcome of the entire confrontation between two fundamentally different visions of America.

Keywords: US culture, Hollywood

For citation: Khalilov, V.M. Reflections of Culture Wars in Contemporary U.S. Cinema. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024. 54(6):100-110.

DOI: 10.31857/S2686673024060084 EDN: ZASXAZ

ВВЕДЕНИЕ

В основе культурных войн лежит борьба (соперничество) за власть, моральный авторитет и право определять социальную реальность [Hunter, 1991: 39]. Это идеологическое противостояние двух принципиально различных мировоззрений, ортодоксального и прогрессивного, охватывает широкий ряд вопросов – аборт и воспитание детей, позитивная дискриминация и квоты, права ЛГБТК+ (LGBTQ+)* и пределы легальной сексуальности, мультикультурализм, образовательные и семейные ценности, финансирование искусств и др. В ортодоксальной системе убеждений авторитет исходит свыше, является внешним, определяемым и трансцендентным, и состоит из последовательных и неизменных мер ценностей, цели, понятий о правде, добре, личности, взаимных обязательствах, персональных и коллективных. Внутри культурного прогрессивизма моральный авторитет определяется духом современной эпохи, рационализма и субъективизма. В политической сфере это принимает форму противостояния культурных консерваторов, или моральных традиционалистов, и культурных либералов, или прогрессивистов.

Введший в широкое обращение термин «культурная война» социолог Джеймс Дэвисон Хантер отмечает, что культурные напряженность и рознь в Америке с её «зыбким плюрализмом» на протяжении двух последних веков распалялись двумя конкурирующими тенденциями. С одной стороны, это стремление различных групп (культур) меньшинств выкроить для себя нишу в американской жизни, где они могли бы «жить согласно императивам сознания и обязательствам сообщества без преследований и репрессий» – пространство, которое должно было «обеспечить основу для расширения их собственных легитимных интересов в качестве дистинктивного морального сообщества». С другой стороны, усилия преимущественно протестантского, популистского большинства защититься от любых посягательств на своё превосходство в определении устоев и сути американской культуры.

В то время как межрелигиозные разногласия прошлого в значительной степени угасли, а межконфессиональная толерантность возросла, в том числе в связи с угасанием религиозной аффилиации и возрастанием светской идентичности

* «ЛГБТ-движение» признано экстремистским российскими властями и запрещено в России.

среди американцев, на первый план выступило противостояние Сакрального и Светского и сопутствующие ему политические и идеологические разногласия [Hunter, 2009]. Дискуссии об абортах (является ли плод образом и подобием Божьим или только потенциально человеком, бесправной частью тела матери), сексуальности (извращение священного порядка или естественное и «прекрасное»), поле (где распределение ролей и власти внутри семьи либо модель священного порядка либо человеческая конструкция, открытая для пересмотра), образовании (где культивируемые ценности либо отражают христианскую традицию либо прагматичные, субъективные и «инклюзивные»), религии (привилегированный статус или не статус в правовой и публичной политике) и даже искусстве (воспринимаемом как «прогрессивное» или кощунственное).

Эти соревнующиеся видения коснулись также прошлого Америки, её истоков и предназначения. Согласно двум противостоящим историческим нарративам это либо история Америки, чьё предназначение диктуется провидением/промыслом Божьим, либо история Америки как благородного, но всецело светского эксперимента. Как отмечал историк Саймон Шама (двадцать лет назад), «со времён Гражданской войны линии разлома между двумя Америками – религиозной (*Godly*) и светской (*Worldly*) – не были столь отчётливо видны, а пропасть между ними столь непреодолимой», несмотря на все разговоры об «исцелении» и «наведении мостов» после каждых президентских выборов, предложив новое название для страны – «Разъединённые штаты Америки» [1].

В глобальном смысле речь идёт об определении всей национальной идентичности и сути Америки (*what America is really all about*), её институтов и идеалов, что подчёркивается публичной риторикой противостоящих сторон, где неизменно «на кону судьба нашей страны», демократии и наследия отцов-основателей и превеличение власти и намерений их оппозиции.

Этот конфликт затронул все сферы американской жизни, в том числе содержание популярных средств массовой коммуникации – фильмов, телешоу, книг и произведений искусства – превратившихся в мощное орудие культурной войны. Не ограничиваясь пассивным отражением социальной и политической реальности своего времени, масс-медиа активно определяют реальность, формируют время и придают смысл истории, как прошлого, так и той, что разворачивается на наших глазах, выступая в качестве фильтра общественного восприятия реальности. Ключевую роль здесь приобретает влияние и доминирование в бизнесах и отраслях публичной информации, искусства и развлечения. На протяжении десятилетий эта сфера демонстрировала твёрдый и стойкий уклон в сторону либеральных и прогрессивистских точек зрения. В последнее время, однако, новый виток информационной революции, связанный в первую очередь с компьютерными технологиями и развитием сети Интернет, серьёзно расширил доступ и возможности для правой и консервативной части социума. Как отмечал Шама, вопреки ожиданиям светской Америки, что религиозная Америка превратится в «милый анахронизм, обречённый на атрофию и исчезновение в столкновении с гипермодерном кибер-эпохи» [1], она в

действительности открыла религиозным правым новые возможности для завоевания пространства в публичной сфере посредством сайтов, блогов и социальных сетей (символическим здесь является «падение» сервиса «Твиттер» (*Twitter*), некогда либерального бастиона, превратившегося в «X» с отчётливо правым уклоном).

DEI or DIE: ГОЛЛИВУД КАК ПРОВОДНИК ПРОГРЕССИВИСТСКОЙ ПОВЕСТКИ

Одним из ключевых пунктов в повестке тех, кого Хантер причисляет к «ортодоксальному альянсу», озабоченному содержанием публичной информации и развлечения, является «привлечение к ответственности» медиа-истеблишмента.

Консервативный критик Армонд Уайт (*Armond Allen White*) в своей статье «Могут ли консервативные кинозрители выиграть культурную войну?» призывал единомышленников не ограничиваться поддержкой откровенно полемичных правых фильмов, но прозреть, пробудиться и восстать против навязываемого голливудскими левыми либералами «ретрогрессивного канона» (в который он включил популярные в том числе в среде консерваторов фильмы – от «Звёздных войн» до «Властелина колец») и «культуры разврата» [White, 2024a].

Идущие вразрез с мейнстримом полемичные рецензии Уайта представляют своеобразное видение и альтернативный взгляд на превозносимые либеральной критикой картины. Так, собравший урожай на последней церемонии вручения премий американской киноакадемии «Оппенгеймер»/Oppenheimer (2023) Кристофера Нолана характеризуется им как «нигилистическое» и «аморальное» «прославление американской ненависти к себе», а также «индоктринацию» и «груминг» аудитории в антиамериканизм, антипатриотизм и идеализацию коммунизма [White, 2024b].

В статье «Наши советизированные Оскары» Уайт сравнил Киноакадемию с Коминтерном, чьи новые директивы («Стандарты репрезентации и инклюзии») напомнили ему о временах сталинского тоталитаризма [White, 2020]. Победители в категории «лучшая кинокартина» последних лет – «12 лет рабства», «В центре внимания», «Лунный свет», «Зелёная книга» – являются, по мнению Уайта, образцами «крайнего, ханжеского либерализма», чьё предназначение состоит в том, чтобы послужить примерами «критическо-расово-теоретической идеи американских греха и вины».

Объявленная киноакадемией «Апертура 25» предполагает, что начиная с 96-й церемонии к рассмотрению на выдвижение в категории «лучшая кинокартина» допускаются только фильмы, соответствующие двум из четырёх следующих критериев: 1) включать в себя актёров и персонажей из «недопредставленных» расовых и этнических групп и/или фокусироваться на сюжетах, темах и нарративах, посвящённых этим группам; 2) съёмочные группы должны как минимум на 30% состоять из женщин, расовых и этнических групп, ЛГБТК+ (*LGBTQ+*)* и людей с когнитивными и физическими ограничениями, в том числе на руководящих должностях; 3)

* «ЛГБТ-движение» признано экстремистским российскими властями и запрещено в России.

предоставлять доступ и возможности для перечисленных групп в рамках программ по стажировке; 4) члены указанных групп должны быть задействованы в маркетинге, рекламе и распространении фильма. (В социологии эта практика – изменение деятельности организации посредством регуляций и указов сверху – именуется «принудительный изоморфизм».) Эти меры, по замыслу создателей, призваны увеличить представительство меньшинств в индустрии развлечений, одновременно компенсируя историю их дискриминации в кинобизнесе.

Победа «Опшенгеймера», «очередной истории белого гетеросексуального мужчины», наглядно продемонстрировала, что планка для соответствия голливудскому многообразию довольно низка – достаточно женщины в качестве продюсера, режиссёра азиатского происхождения, маркетолога-афроамериканца и дистрибьютора-женщины – и «сталинский свод правил» в реальности носит скорее по-голливудски показной, перформативный характер.

Тем не менее, триада Многообразие-Равенство-Инклюзивность (*DEI*; в версии правых, благодаря перестановке буквы, преобразованные в аббревиатуру *D.I.E.*, то есть «умри») действительно стала краеугольным камнем и боевым знаменем текущей прогрессивистской повестки. *DEI* также стала базовым компонентом корпоративных и культурных начинаний повсеместно в США, определяя образование, найм на работу и принципы управления [2].

“GET WOKE – GO BROKE”: СЛУЧАЙ СТУДИИ «ДИСНЕЙ»

В последнее время становится всё более очевидным, что кинокартины с неприкрыто «прогрессивным» содержанием вызывают раздражение даже у умеренной аудитории, воспринимаясь ею как неуважительная к умственным способностям зрителей, навязываемая, дидактичная, тенденциозная, а также фальшивая, агитация и пропаганда, на которую они реагируют игнорированием и финансовым бойкотированием. В связи с этим в среде правых стала популярной саркастичная поговорка «*Get woke, go broke*», смысл которой переводится как «начни продвигать прогрессивистскую повестку – вылети в трубу».

Компания «Дисней» потеряла миллиарды долларов из-за прохладного приёма в прокате своих дорогостоящих попыток внедрить *DEI*-тематику и политику идентичностей в свои семейные развлечения.

«Капитан Марвел 2»/ *The Marvels* (2023), очередная часть сверхуспешной медиа-франшизы «Кинематографическая вселенная *Marvel*», с бюджетом около 300 млн долл. не смогла достичь даже точки безубыточности. Значительную долю вины за коммерческую неудачу комментаторы списали на многообразный актёрский состав (белая девушка, чёрная девушка, девушка-мусульманка), феминистский посыл («девушка-босс») и дискуссии о сексуальности персонажей (несмотря на то, что бисексуальность и «сафические» отношения героинь остались на уровне подтекста).

«Элементарно»/ *Elemental* (2023) показал наихудшие финансовые показатели в истории студии *Pixar*, когда попытался принести повестку в анимацию,

затронув темы этнических и расовых предрассудков, проблем беженцев и включив «небинарный» персонаж (голубое существо с серьгами в ушах, использующее «они/их» в качестве предпочитаемых гендерных местоимений).

«Русалочка»/ *The Little Mermaid* (2023), игровая версия анимационной классики студии, обошлась в сумму свыше 250 млн, и несмотря на мировые сборы свыше 500 млн., была воспринята как коммерческое разочарование. Картина вызвала особое отторжение у китайских и южнокорейских зрителей, отказавшихся воспринимать чёрную героиню, превратив фильм в этих странах в полноценный прокатный провал. Двумя годами ранее с проблемами в прокате в Азии столкнулся другой фильм из «киновселенной Марвел», «Вечные»/ *Eternals*, включавший помимо прочего гей-пару и гей-поцелуй (в исполнении актёров афроамериканского и ливанского происхождения). Картина была запрещена к показу в пяти арабских странах, а ещё в четырёх подверглась цензуре с полным вырезанием однополых любовных линий (китайского рынка она лишилась из-за якобы политических убеждений режиссёра Хлои Джао и актёра Симу Лю).

За пределами развлечений «Дисней» вступил в схватку с губернатором Флориды (где находится крупнейший тематический парк отдыха медиакорпорации) Роном Десантисом. Противостояние началось из-за принятого штатом закона 2022 г. «О родительских правах в образовании» (*Florida Parental Rights in Education Act*), запретившем, в частности, обсуждение в классных комнатах вопросов сексуальной ориентации и гендерной идентичности среди детей младше 10 лет. В ответ неравнодушная к трансгендерной повестке корпорация выступила с осуждением законопроекта, который, по её мнению, наносит ущерб интересам ЛГБТ-детей (ЛГБТК+ /LGBTQ+)**, а также перечислила миллионы долларов противостоящим биллю общественным организациям. Десантис в свою очередь лишил компанию специальных привилегий, которыми она десятилетиями пользовалась в штате, включая право на самоуправление и особый налоговый статус. Конфликт ещё более подорвал репутацию «Дисней» как поставщика семейно-ориентированного развлечения, а его поддержка среди американцев упала на 25% [3].

Корпорация подала на Десантиса в суд за якобы нарушение её прав, гарантируемых Первой поправкой, однако, первый раунд дела «"Дисней" против Десантиса»/ *Disney v. DeSantis* закончился в пользу ответчика. Воодушевлённый Десантис, в то время уже баллотировавшийся на пост президента США, практически целиком построил свою предвыборную кампанию на обещаниях одержать победу в борьбе с «Воук-вирусом мозга» – критической расовой теорией (*critical race theory*, CRT), гендерной теорией и квир-теорией – «в образовании, корпоративной сфере и залах Конгресса». Кампания, тем не менее, не нашла горячего отклика в широких кругах американцев. В том числе из-за сложностей, которые испытал кандидат в попытках формулирования самого понятия «воукизма», чем умело воспользовались либеральные средства массовой информации. «Это форма

** «ЛГБТ-движение» признано экстремистским российскими властями и запрещено в России.

культурного марксизма, когда заслуги и достижения ставятся позади политики идентичностей, и по сути является войной с правдой», в частности заявил Десантис, отвечая на лукаво заданный корреспондентом «Эн-би-си» (NBC) вопрос во время своего визита в штат Айова – что для рядовых избирателей скорее всего звучало как словесный салат из модных жаргонных терминов. Ещё одним тревожным знаком для Десантиса должно было стать поражение в суде, в том числе, апелляционном, по поводу другого параллельно принятого закона – об индивидуальной свободе, также известного как «Остановим воукизм» (*Stop WOKE Act*, где *W.O.K.E* использовалось в качестве аббревиатуры «Остановим нанесение вреда нашим детям и работникам»), регулирующий внедрение («тренинг и индоктринацию») критической расовой теории в школах и на рабочих местах. Окончательная судьба этих сражений скорее всего решится в Верховном суде.

Тем не менее, очевидно, что для мультинациональной медиакорпорации, значительная доля прибыли которой приходится на иностранные рынки, «Дисней» вступил на рискованный путь и вынужден балансировать между своим статусом производителя семейного развлечения и актом пионера прогрессивной повестки.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ФИЛЬМЫ/ *FAITH-BASED MOVIES*

Когда-то религиозным правым приходилось довольствоваться голливудскими художественными фильмами на библейские сюжеты и темы – несмотря на то что католическая Церковь одной из первых разглядела просветительские и пропагандистские возможности нового медиума (уже в конце 1910-х «Ассоциация католических искусств» (*Catholic Art Association*) выпустила несколько игровых фильмов на религиозную тематику, включая «Грешник»/ *The Transgressor* (1918) и «Жгучий вопрос»/ *The Burning Question* (1919), посвященные католикам из рабочего класса «в мире перемен, промышленных агитаторов, политических восстаний и революций»). В конце 1960-х гг. вылазку в кинобизнес совершили протестанты, когда основанная в 1951 г. баптистским проповедником Билли Грэмом студия *World Wide Pictures* выпустила ряд фильмов, которые пытались соответствовать голливудским производственным стандартам и демонстрировались в обычных кинотеатрах, не в подвалах церквей (первым и наиболее известным из них стала драма о несовершеннолетних правонарушителях «Беспокойные»/ *The Restless Ones* (1968)). В этих картинах скептически настроенные к христианскому учению, ведущие открыто греховную жизнь или ищущие ответы на фундаментальные вопросы бытия и более глубокого смысла жизни герои приходили к Христу (обычно после проповеди Билли Грэма).

Однако полноценная христианская киноиндустрия сформировалась лишь к началу XXI века, с появлением новых способов финансирования, производства и донесения до аудитории, а также растущего общественного запроса. Эти картины производятся как независимыми кинематографистами, так и христианскими медиакомпаниями и выходят в широкий прокат. Растущие популярность и фильмов на христианскую тематику привлекли к ним внимание крупнейших голливудских студий, и ныне

вся большая пятёрка («Юниверсал», «Парамаунт», «Уорнер», «Уолт Дисней», «Сони») имеет маркетинговые отделы, целью которых является таргетинг и удовлетворение спроса на эту разновидность развлечения. Вместе со спросом растут бюджеты (ныне они достигают \$12–15 млн, и это явно не предел) и качество продукции (*production values*), включая приглашение известных голливудских кинематографических талантов (так, в вышедшей в 2024 г. мелодраме «Обычные ангелы»/ *Ordinary Angels* главную роль сыграла двухкратная лауреатка премии Академии Хиллари Суонк).

Таким образом, в текущей культурной войне, которую верующие во многом воспринимают как «войну с религией» христианская аудитория получила подкрепление в виде религиозных фильмов, чьей заявленной целью является «пробуждение христианского воображения, укрепление социальных и политических ценностей», «репрезентация [христианских] дискурсов и актуальных проблем», а также при возможности обращение в веру новой паствы [6].

«ЗВУК СВОБОДЫ»

«Звук свободы» (*Sound of Freedom*) (2023) режиссёра Алехандро Гомеса Монтеверде стал кассовой сенсацией и культурным феноменом в США. Картина предположительно была основана на истории реального агента-изгоя (*rogue agent*) группы по борьбе с секс-торговлей, предположительно осуществившей сотни миссий в стиле коммандос по спасению детей из лап торговцев людьми в Латинской Америке.

Затронутые в картине темы резонировали с широким спектром консерваторов, включая политиков-республиканцев и их сторонников, озабоченных проблемами образования и охраны детства, евангельскими христианами, у которых нашли отклик религиозные обертоны и «христианский посыл» (в прессе подчеркивалось, что картина снята кинематографистами-католиками, тем самым демонстрируя пример межконфессионального единения в текущей культурной войне), а также крайне правых с их теориями заговора и распространением алармистских страхов об угрозах благополучию детей.

Фильм был снят ещё в 2018 г., но его выпуск в прокат оказался в подвешенном состоянии, когда дистрибьютор, компания «XX век Фокс» была поглощена конгломератом «Дисней». Пандемия ковид-19 ещё более отсрочила релиз, и в итоге создатели выкупили обратно права на картину и перепродали её независимой компании *Angel* – базирующейся в штате Юта и специализирующейся на прокате фильмов на религиозную христианскую тематику. Изначально компания, основанная братьями-мормонами Хармон, представляла собой стриминговый сервис, предоставлявший своим пользователям функцию фильтрации контента голливудских фильмов и телешоу – пропуска или отключения звука на сценах насилия, сквернословия и наготы. Раздражённые голливудские студии подали в суд за нарушение авторских прав, доведя сервис до банкротства, однако братья вскоре реорганизовали свой бизнес, занявшись производством оригинального контента, задействуя такие современные модели финансирования как краудинвестинг и «плати сколько хочешь». Студия обрела успех вместе с выпуском телесериала «Избранный»/ *The Chosen* (2017 – по

настоящее время) о жизни Иисуса – «крупнейшим краудфандинговым проектом в истории», собравшим свыше 13 миллионов пожертвований.

Мейнстримная пресса заклеила картину как манипулятивную попытку апеллировать к правой аудитории, опираясь на идеи заговоров, распространяемые так называемыми «кью-анонами» (*QAnon*) – о существовании тайной всемирной клики растлителей малолетних, состоящей из поклоняющихся Сатане членов глобальной элиты и занимающейся торговлей детьми с целью сексуальной эксплуатации, пыток, убийств и изъятия органов (актёр Джим Кавизиел на пресс-конференции озвучил теорию «извлечения аденохрома» – якобы извлекаемого из крови напуганных детей гормона, выступающего в качестве «эликсира молодости» для элиты).

«Очернение» либеральными изданиями, однако, позволило правым задействовать слоган «Фильм, который воук-нацисты не хотят, чтобы вы видели!» в промокампании. (Под «воук-нацистами» имеются в виду «Голливуд, муниципальные школы и университеты, большой бизнес, корпоративные средства массовой информации, а также Демократическая партия») [7].

Тема «детей в опасности» и необходимости в их защите стала ключевой для крайне правых в культурной войне: запрет аборт, анти-трансгендерная повестка, борьба с «воук»-контентом школьных куррикулумов и библиотек и пропагандой ЛГБТК+ (*LGBTQ+*)*** среди несовершеннолетних. Популярным хештэгом в Фейсбуке**** стал #СпасёмНашихДетей.

Обозреватель крайне правого сайта «Брейтбарт» Джон Нолте сформулировал это следующим образом: «"Защитим наших детей", – говорит фильм "Звук свободы". В эту непристойную эру подвергания маленьких детей зрелищу дрэг-квинов (трансвеститов)****, гей-порнографии, гомосексуальности, эксгибиционистов, необратимому воздействию блокаторов полового созревания и хирургических операций по смене пола, навсегда увечаящих детей, этот посыл напрямую угрожает политической власти левых» [7]. Крайне левые средства массовой информации и коммуникации («Си-эн-эн» (*CNN*), «Вашингтон пост», Гардиан, а также Дисней и Нетфликс), по мнению Нолте, «хотят удерживать политическую власть, вставая между родителем и ребенком посредством сексуального растления. Если им удастся превратить следующее поколение в несчастных невротиков, помешанных на половой идентичности дегенератов, или заплутавших детей, не способных повзрослеть, то появится целое поколение готовых демократов» [7].

После показа в частном гольф-клубе экс-президента Дональда Дж. Трампа в Нью-Джерси (где картину представили звезда Джим Кавизиел и бывший стратег

*** «ЛГБТ-движение» признано экстремистским российскими властями и запрещено в России.

**** проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена.

***** Дрэг-квин – сленговое выражение, используемое для обозначения артистов (обычно мужского пола), использующих женские образы, переодеваясь в женскую одежду; трансвестизм – общее название ряда психологических отклонений, характерным признаком которых является надевание или ношение одежды, характерной (в рамках рассматриваемой культуры или традиции) для противоположного пола.

и советник Трампа Стивен Бэннон), фильм «Звук свободы» заручился эндорсментом (публичной поддержкой) ведущих фигур Республиканской партии, включая сенатора от Северной Каролины Тима Скотта, сенатора от штата Техас, экс-кандидата в президенты Теда Круза и других [3], [4].

Апеллирование к правой, консервативной и христианской аудитории воздалось для создателей сторицей – картина собрала 184 млн долл. в североамериканском прокате (и благодаря сгенерированному интересу 66 млн долл. на других территориях), став «одним из самых успешных независимых фильмов в истории».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Благодаря развитию технологий, политической мобилизации и стратегической целеустремлённости ортодоксальным и консервативным кругам удалось создать полноценную сеть альтернативных медиа, бросив вызов многолетнему доминированию прогрессивных и либеральных взглядов в средствах массовой информации и сфере развлечений посредством контрпрограммирования – создания и распространения контента, предлагающего принципиально отличные и конкурентные реальности и видения Америки.

В то же время так называемые мейнстримные, или корпоративные медиа усилили свою скоординированную атаку на традиционные ценности, взяв на вооружение концепцию Многообразие-Равенство-Инклюзивность, провозглашающей своей целью достижение расовой и социальной справедливости. Учитывая глобальный охват и влияние последних, кажется, что у ортодоксальных медиа мало шансов выбраться за рамки нишевого рынка. Но само их существование, развитие и рост даже в качестве культурных аутсайдеров (не говоря об успехах консерваторов в других сферах общественно-политической жизни, как, например, судебной) позволяет говорить о том, что война моральных видений за сердца и умы Америки далека от завершения.

ИСТОЧНИКИ

1. Shama, S. Onward Christian soldiers. *The Guardian*, 6.11.2004. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2004/nov/05/usa.uselections2004> (accessed 22.03.2024).

2. Smith, L. Disney: a billion-dollar casualty of woke. *Spiked online*. 19.02.2024. Available at: <https://www.spiked-online.com/2024/02/19/disney-a-billion-dollar-casualty-of-woke> (accessed 21.03.2024).

3. Huynh, A. Trump Promotes 'Sound of Freedom,' a Conservative Hit About Child Predators. *The New York Times*, 07.19.2023. Available at: <https://www.nytimes.com/2023/07/19/us/politics/trump-sound-of-freedom.html> (accessed 22.03.2024).

4. Smith, D. Trump hosts screening of Sound of Freedom, a hit with QAnon devotees. *The Guardian*, 07.20.2023. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2023/jul/20/donald-trump-sounds-of-freedom-screening-golf-course-qanon> (accessed 25.03.2024).

5. Kaufman, D. Hollywood has reached peak woke. *Telegraph*, 2.01.2024. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/us/comment/2024/01/02/hollywood-disney-bob-iger-woke-oscar-awards-2024> (accessed 20.03.2024).

6. How Christian movies are capitalizing on the culture wars. *The Week*, 09.01.2015. Available at: <https://theweek.com/articles/447171/how-christian-movies-are-capitalizing-culture-wars> accessed (23.03.2024).

7. Nolte, J. Pathetic Media Attacks on 'Sound of Freedom' Driven by Bigotry and Fear. *Breitbart*, 10.07.2023. Available at: <https://www.breitbart.com/entertainment/2023/07/10/nolte-pathetic-media-attacks-on-sound-of-freedom-driven-by-bigotry-and-fear> (accessed 14.03.2024).

REFERENCES

Hunter, J.D. Culture wars: the struggle to define America. New York: BasicBooks, 1991. p. 39.

Hunter, J.D. The Culture War and the Sacred/Secular Divide: The Problem of Pluralism and Weak Hegemony. *Social Research*, vol. 76, no. 4, 2009, pp. 1307–22. Available at: <http://www.jstor.org/stable/40972215> (accessed 16.03.2024).

White, A. 2024a. Can Conservative Filmgoers Win the Culture War? *National Review*, February 21. Available at: <https://www.nationalreview.com/2024/02/can-conservative-filmgoers-win-the-culture-war/> (accessed 18.03.2024).

White, A. 2024b. Oppenheimer, the First Nihilist Oscar Winner. *National Review*, March 13. Available at: <https://www.nationalreview.com/2024/03/oppenheimer-the-first-nihilist-oscar-winner/> (accessed 18.03.2024).

White, A. 2020. Our Sovietized Oscars. *National Review*. September 11. Available at: <https://www.nationalreview.com/2020/09/academy-awards-diversity-rules-progressive-resolve-control/> (accessed 19.03.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ХАЛИЛОВ Владимир Мадаминович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела внутриполитических исследований Института Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика А.Г. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер. д. 2/3.

Vladimir M. KHALILOV, Candidate of Sciences (History), Research fellow of the Department of Domestic policy studies, Georgy Arbatov Institute for US and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKРАН). 2/3, Khlebny pereulok, Moscow 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 2.04.2024 / Received 2.04.2024.

Статья поступила после рецензирования 12.04.2024 / Revised 12.04.2024.

Статья принята к публикации 13.04.2024 / Accepted 13.04.2024.

УДК: 338.22
JEL: H63, G18
DOI: 10.31857/S2686673024060095
EDN: ZAOPGN

Бюджетный процесс в США: шатдаун как инструмент межпартийной борьбы

Э.В. Кириченко

*Национальный исследовательский Институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова
Российской академии наук (ИМЭМО РАН).*

Российская Федерация, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23.

РИНЦ ID: 162348 ORCID: 0000-0001-8025-5852 e-mail: elinakir@imemo.ru

Резюме: В Соединённых Штатах сформирован сложный процесс ежегодного принятия федерального бюджета на очередной финансовый год, начинающийся 1 октября. Палата представителей и Сенат должны принять и согласовать 12 законопроектов об ассигнованиях основных направлений деятельности правительства на следующий финансовый год, а президент их подписать до 30 сентября. Если не приняты законопроекты об ассигнованиях, то происходит приостановка деятельности государственных учреждений (шатдаун). Конгресс завершил процесс одобрения бюджета до начала финансового года последний раз в 1997 фин. г. С тех пор Конгресс, чтобы избежать шатдауна, ежегодно прибегал к такому инструменту как резолюции о временном финансировании. Анализ обсуждения бюджета в Конгрессе в годы администрации Джо Байдена показал, как угроза шатдауна используется в политической борьбе двух партий в условиях разделенного правления. Также анализируются проблемы и риски, связанные с шатдаунами и резолюциями о временном финансировании, для социально-экономического развития США.

Ключевые слова: шатдаун, федеральный бюджет, дискреционные расходы, обязательные расходы, резолюция о временном финансировании

Для цитирования: Кириченко Э.В. Бюджетный процесс в США: «шатдаун» как инструмент межпартийной борьбы. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024. 54(6):111–122. DOI: 10.31857/S2686673024060095 EDN: ZAOPGN

Budget Process in the USA: Shutdown as a Tool of Inter-Party Struggle

Elina V. Kirichenko

*Primakov National Research Institute of World Economic and International Relation,
Str., 23, Russian Academy of Sciences
Profsoyuznaya Moscow, 117997 Russian Federation.*

РИНЦ ID: 162348 ORCID: 0000-0001-8025-5852 e-mail: elinakir@imemo.ru

Abstract: In the United States, a complex process has been formed for the annual adoption of the federal budget for the next fiscal year starting on October 1. The House of Representatives and the Senate must coordinate and approve 12 bills on appropriations for the main areas of government activity for the next fiscal year, and the president must sign them by September 30. If the appropriations bills are not passed, the activities of government institutions are suspended (shutdown). Congress last completed the budget approval process before the start of the fiscal year in 1997. Since then, Congress has resorted to continuing resolutions every year to avoid a shutdown. An analysis of the budget debate in Congress during the Joe Biden administration shows how the threat of a shutdown is used in the political struggle between the two parties in conditions of divided government. The problems and risks associated with shutdowns and continuing resolutions for the socio-economic development of the United States are also analyzed.

Keywords: shutdown, federal budget, discretionary spending, mandatory spending, continuing resolution

For citation: Kirichenko, E.V. Budget Process in the USA: Shutdown as a Tool of Inter-Party Struggle. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2024. 54(6):111-122. DOI: 10.31857/S2686673024060095 EDN: ZAOPGN

ВВЕДЕНИЕ

В Соединённых Штатах сформирован сложный процесс ежегодного принятия федерального бюджета на очередной финансовый год, начинающийся 1 октября. По Конституции США «функции кошелька» переданы Конгрессу. Утверждение бюджета подчинено определённому графику. Администрация отсылает проект бюджета в Конгресс в начале календарного года (по правилам, с первого понедельника января, но не позднее первого понедельника февраля). На практике строгий график нарушается. Бюджет на 2022 фин. г. администрация Дж. Байдена представила только 28 мая 2021 г., на 2023 фин. г. – 28 марта 2022 г., на 2024 фин. г. – 9 марта 2023 г., на 2025 фин. г. – 11 марта 2024 года.

Затем начинается сложный процесс его оценки и утверждения в соответствующих подкомитетах и комитетах обеих палат, согласования между Сенатом и Палатой представителей. При этом здесь сталкиваются интересы администрации и Конгресса, демократов и республиканцев, федерального центра и штатов, лоббистов разных уровней [Кириченко, 2019].

Подготавливаются резолюции, в которых фиксируются основные параметры будущих расходов, а затем сводятся воедино в так называемой бюджетной резолюции (*budget resolution*). На её основании Палата представителей и Сенат должны утвердить и представить на подпись президенту 12 законопроектов об ассигнованиях основных направлений деятельности правительства (*appropriations bills*) на следующий финансовый год. Этого можно добиться, приняв каждый законопроект по отдельности или, чтобы облегчить бюджетный процесс, объединив их все или часть из них в единый консолидированный закон (*Omnibus Bill*).

Конгресс редко заканчивал свою работу над бюджетной резолюцией к 15 апреля, дате, кодифицированной законом 1974 г. «О бюджете» (*Budget Act of 1974*). В отсутствие бюджетной резолюции Палата представителей и Сенат обычно принимают отдельные бюджетные показатели. В Палате представителей решения принимаются простым большинством, а в Сенате требуется три пятых голосов. Если большое число сенаторов возражает против представленного бюджета, они могут помешать голосованию, прибегнув к затягиванию обсуждения (*filibuster*). Если же большинство сенаторов – но меньше 60 – благоприятно относятся к законопроекту, они могут использовать так называемый процесс примирения (*reconciliation*), который разрешает принятие законопроекта простым большинством голосов. В случае разногласий между двумя палатами Конгресса расхождения разрешаются в совещательном комитете. Законопроекты вступают в силу после подписания их президентом [1].

Главное, что, как отмечалось выше, Палата представителей и Сенат должны согласовать и представить 12 законопроектов об ассигнованиях основных направлений деятельности правительства на следующий финансовый год, а президент их подписать до 30 сентября. Если не приняты все 12 законопроектов об ассигнованиях, то происходит почти полная приостановка деятельности государственных учреждений – шатдаун (*shutdown*). В случае если принята часть законопроектов, то закрываются только федеральные агентства, не получившие финансирование (частичный шатдаун).

Когда дебаты между партиями затягиваются, чтобы избежать шатдауна, Конгресс широко прибегает к такому инструменту, как резолюции о временном финансировании (*continuing resolution*), которые после подписания президентом становятся законами. Они часто включают в себя определённые оговорки (аномалии), увеличивающие или уменьшающие конкретные статьи об ассигнованиях, чтобы обойти некоторые проблемы, которые могут возникнуть в результате продолжения политики предыдущего года, и «райдеры» (*policy rider*), когда определённые рамки финансирования увязываются с политическими целями.

ЧТО ТАКОЕ ШАТДАУН

Шатдаун означает, что государственные служащие отправляются в вынужденный отпуск без содержания. Часть служащих остаются на рабочих местах без зарплаты. Продолжают работу только критически важные для национальной безопасности учреждения. Активно действующие военнослужащие остаются на своём посту. В Министерстве энергетики остаются на работе те, кто отвечает за безопасность ядерных арсеналов страны, мониторинг гидроэлектростанций и энергетических линий. В определённом режиме продолжают работу ведомства, имеющие фонды самофинансирования (например, почта, таможня, ФРС, Верховный суд и федеральные суды, ЦРУ).

В США, помимо утверждения ежегодных расходов (*discretionary spending*), существует обязательное финансирование (*mandatory spending*) основных социальных и ряда критически необходимых направлений деятельности правительства. Оно включает в себя три крупнейшие программы социального обеспечения: социальное страхование (*Social Security*), Медикэр (*Medicare*) и Мединкейд (*Medicaid*), а также ряд более мелких программ. Обязательное финансирование не зависит от ежегодного одобрения Конгрессом, осуществляясь в значительной части из специальных внебюджетных фондов, что в определённой степени страхует общество от последствий политической борьбы. Проценты по государственному долгу также выплачиваются автоматически.

Таблица

Дискреционные и обязательные расходы в бюджете США 2022–2025 фин. гг.,
млрд долл.

Расходы	2022	2023	2024	2025
Расходы, всего	6376	6135	6941	7266
Дискреционные	1736	1718	1818	1879
В том числе оборона	800	806	852	884
Обязательные	3735	3758	4165	4104
Социальное страхование	1196	1348	1452	1543
Медикэр	767	839	839	936
Мединкейд	518	616	567	587
% платежи по долгу	665	658	890	969

Составлено автором по: Budget of the U.S. Government for Fiscal Year 2024: tables S-1, S-3. Budget of the U.S. Government for Fiscal Year 2025: tables S-1, S-3.

В целом, в период шатдауна программы социального обеспечения и здравоохранения продолжают действовать. Однако из-за того, что их деятельность нередко осуществляется в рамках ведомств, финансирование которых связано с дискреционными расходами, может нарушаться чёткий график их функционирования.

К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Конгресс завершил процесс одобрения бюджета вовремя до начала финансового года последний раз в 1997 фин. г. С тех пор он ежегодно прибегал к продолжающимся резолюциям иногда на длительный период. Так, в 2007, 2011 и 2013 фин. гг. было принято соответственно 4, 8, 2 таких резолюций, но финансирование на «временной основе» длилось по 365 дней с 1 октября по 30 сентября. Тем не менее шатдаунов удалось избежать [2].

После того как на основе закона 1974 г. «О бюджете» Конгресс представил в 1976 г. современный бюджетный процесс, произошло 20 «пробелов в финансировании» (сюда включены однодневные шатдауны. [3])

Наиболее масштабные остановки работы правительства отмечались в 1995–1996 гг. при администрации У. Клинтона, в 2013 г. при администрации Б. Обамы, 2018–2019 гг. в период правления Д. Трампа.

В 1995 г. противоречия между президентом-демократом У. Клинтон и республиканским Конгрессом по вопросам бюджетной политики, которые касались здравоохранения, образования, социальной поддержки малоимущих, на 1996 фин. г. вылились в два шатдауна подряд, второй из которых длился 21 день, прежде чем был достигнут компромисс.

Во время администрации Б. Обамы разногласия между демократическим Сенатом и республиканской Палатой представителей о сроках начала финансирования реформы здравоохранения (*Patient Protection and Affordable Care Act*) дошли до шатдауна, который продлился с 1 октября до 16 октября 2013 г., то есть первых 16 дней 2014 фин. года.

При администрации Д. Трампа имело место наибольшее число «финансовых провалов» – 5 шатдаунов. Один из них был рекордным – 35 дней: с 21 декабря 2018 г. по 25 января 2019 г. (тогда было принято 5 из 12 необходимых законов об ассигнованиях, что привело к частичной приостановке деятельности правительственных учреждений). Под шатдаун попали Министерство внутренней безопасности, Министерство юстиции, Госдепартамент, Министерство внутренних дел, Департамент сельского хозяйства и ряд других. Главным камнем преткновения стало требование Д. Трампа выделить 5,7 млрд долл. на строительство стены на границе с Мексикой, при этом он имел поддержку руководства некоторых штатов, страдающих от притока иммигрантов.

УГРОЗА ШАТДАУНОВ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БАЙДЕНА

Администрация Дж. Байдена и Конгресс находятся между необходимостью решать проблему огромного бюджетного дефицита и государственного долга и продолжить дальнейшие бюджетные вливания для поддержания экономики, осуществления социально-экономических и оборонных приоритетов. Всё это обостряет борьбу вокруг бюджетных расходов. Вопросы бюджетной политики в очередной раз вышли на передний край идеологической конфронтации между Республиканской и Демократической партиями [Травкина, 2008]. Угрозы шатдауна стали разменной картой в спорах о бюджетной политике. Деятельность демократической администрации Дж. Байдена за 4 года правления не приостанавливалась, но необходимые законы об ассигнованиях ни разу не были приняты до 1 октября. Каждый год противоречия между республиканцами и демократами (внутри партий между умеренными республиканцами и консерваторами, между умеренными демократами и леволиберальным крылом партии) доводили дело до того, что резолюции о временном финансировании одобрялись буквально накануне даты шатдауна.

Чтобы финансировать деятельность администрации на 2022 фин. г., были приняты четыре такие резолюции общей длиной в 166 дней. 30 сентября 2021 г. (последний день предыдущего финансового года) с помощью резолюции «дата X» была перенесена на 3 декабря, затем на 18 февраля. К этому времени Палата представителей одобрила 9 из 12 необходимых законопроектов о федеральных расходах на 2022 фин. г., Сенат – только три. Но демократы и республиканцы так и не смогли согласовать ни один из них для передачи на подпись Дж. Байдена. Основная борьба шла вокруг размера финансирования ассигнований на оборонные (приоритет республиканцев) и необоронные (приоритет демократов) статьи бюджета. Была принята новая резолюция, продлившая финансирование правительства до 11 марта. 9 марта 2022 г. Палата представителей и 10 марта Сенат наконец одобрили всеобъемлющий законопроект 2023 г. «О консолидированных ассигнованиях» (*Consolidated Appropriations Bill, HR 2471*), в который вошли все 12 необходимых законов о финансировании деятельности правительства, а также несколько дополнительных разделов, в частности о помощи Украине. Сенат отправил 2741-страничный законопроект президенту на подпись в 20 часов вечера 10 марта. Чтобы у администрации была возможность ознакомиться с законопроектом, обе палаты Конгресса приняли ещё одну резолюцию, продлевающую финансирование правительства на четыре дня, до 15 марта, и в этот день закон был подписан президентом. Федеральный бюджет на 2022 фин. г. был принят с опозданием на 5,5 месяцев. Закон кодифицировал расходы правительства на оставшиеся месяцы финансового года на сумму в 1,5 трлн долларов.

В 2023 фин. г. США снова вступили без одобрения Конгрессом сводного закона о финансировании деятельности федеральных государственных учреждений. Конгрессу пришлось трижды принимать резолюции, предотвращая шатдаун. Суммарно временное финансирование длилось 91 день. Процесс выделения ассигнований на 2023 фин. г. был завершён в декабре 2022 г., когда был принят закон «О консолидированных ассигнованиях» (кодифицировал расходы правительства на сумму 1,7 трлн долларов).

Обсуждение бюджета на 2024 фин. г. наиболее ярко показало, как угроза шатдауна (и технического дефолта) используется в политической борьбе двух партий в условиях разделенного правления. Президент Дж. Байден направил в Конгресс проект бюджета на 2024 фин. г. 9 марта 2023 г., оценив расходы в 6 883 млрд долл. (25,3% ВВП), а дефицит бюджета в 1 846 млрд (6,8% ВВП) [3, Table S-1]. Проект традиционно завис в Конгрессе. Первая половина 2023 календарного года проходила в США под знаком межпартийного противостояния по вопросам повышения потолка государственного долга, лимит которого истёк 19 января, в результате чего Казначейство утратило право выпуска новых долговых бумаг. Государство было поставлено на грань технического дефолта. После многомесячной острой борьбы между администрацией и республиканцами в Конгрессе 31 мая 2023 г. Палатой представителей был одобрен закон «О финансовой ответственности» (*Fiscal Responsibility Act of 2023*), который сдвинул лимит по госдолгу на 1 января 2025 г.

1 июня закон утвердил Сенат, а 3 июня подписал президент. Этот закон усложнил бюджетный процесс. Приостановив действие долгового потолка, он установил лимиты на дискреционные расходы на 2024 и 2025 фин. гг. Более того, чтобы поддерживать дисциплину в бюджетном процессе, в закон вошло положение о секвестировании расходов. Если резолюция будет действовать до 30 апреля, то должен вступить в силу секвестр, после чего дискреционные расходы столкнутся с автоматическим и повсеместным сокращением, чтобы соответствовать пересмотренным предельным значениям (например, сокращение на 1 процент по сравнению с 2023 годом).

Когда ассигнования на 2024 фин. г. обсуждались в Конгрессе, положения закона подогрели дебаты вокруг уровней расходов [4]. Основная борьба между республиканцами и демократами развернулась вокруг вопросов об иммиграции и помощи Украине. Правые республиканцы Палаты представителей пытались добиться бюджетных полномочий для администрации существенно ниже согласованных в рамках закона уровней и включить новые положения по безопасности границ. Администрация же в августе 2023 г., не обращая внимание на лимиты, установленные законом «О финансовой ответственности», запросила у Конгресса дополнительные ассигнования в размере 40 млрд долл., включающие 24 млрд долл. на военную и гуманитарную помощь Украине и другие международные нужды, 12 млрд на помощь при стихийных бедствиях внутри страны [5]. Дебаты затянулись до «дня X» – субботы 30 сентября, когда Палата представителей одобрила временную резолюцию (335 голосов «за», 91 – «против», из них один демократ), продлевающую финансирование правительства до 17 ноября 2023 г. Она включала уступку демократам – ассигнования на помощь при стихийных бедствиях, но в ней не было дополнительного финансирования для Украины, чего так добивались консерваторы. Сенат одобрил законопроект в субботу вечером (88 – «за», 9 – «против»). Законопроект прошёл через обе палаты за 12 часов, установив рекорд скорости. Дж. Байден подписал его до полуночи 30 сентября, предотвратив в последний момент приостановку работы правительства.

Однако сразу же начался новый виток борьбы вокруг бюджетных расходов. 3 октября 2023 г. Палата представителей впервые в истории проголосовала за отстранение от должности спикера республиканца Кевина Маккарти (инициатором стал ультраправый республиканец Мэтт Гетц (*Matt Gaetz*) из Флориды); однопартийцы голосовали за отстранение, обвинив Маккарти в том, что он прибег к поддержке демократов, чтобы остановить шатдаун.

Демократы и республиканцы, сделавшие проблему иммиграции одним из важнейших пунктов своих программ, но с полярных позиций, не собираются идти на уступки. В условиях огромного бюджетного дефицита и государственного долга вопрос об объёме помощи Украине также стал центром политических баталий.

Противоречия между партиями по поводу помощи Украине и проблемы иммиграции так и не были решены. В ноябре пришлось принять вторую (двухступенчатую) резолюцию, позволяющую финансировать часть государственных учреждений (4 из 12 законопроектов об ассигнованиях) до 19 января и 8 законопроектов об ассигнованиях – до 2 февраля 2024 г. Затем последовала третья «продолжающаяся резолюция», кодифицировавшая два транша, первый из которых финансировал снова 4 из 12 законопроектов об ассигнованиях и истекал 1 марта 2024 г., срок действия второй части был продлён до 8 марта 2024 г. 6 марта Палата представителей (339 голосами «за», 85 «против»), а 8 марта Сенат (75 – «за», 22 – «против») приняли закон, куда вошли шесть законопроектов об ассигнованиях, касающихся сельского хозяйства, юстиции, энергетики, внутренних дел, военного строительства и транспорта. Для них ассигнования были утверждены на весь 2024 фин. г. Срок действия второго пакета (оборона, финансовые услуги, внутренняя безопасность, труд, здравоохранение, образование, общее правительство, законодательная власть и государственные иностранные операции) был продлён только до 22 марта [6]. Этот транш касался деятельности, которая в наибольшей степени затрагивала приоритеты обеих партий, и торг продолжился. Голосование в Палате представителей состоялось в «день X» с результатом 286 – «за» и 134 – «против» (112 республиканцев и 22 демократа) [7]. Только рано утром в субботу 23 марта Сенат принял пакет правительственного финансирования до конца финансового года, предотвратив частичное закрытие правительственных учреждений, Дж. Байден его в тот же день подписал. Шатдаун не был объявлен, хотя формально он длился половину суток.

Насколько высока напряжённость между законодателями и велики внутрипартийные разногласия иллюстрирует тот факт, что сразу после того, как Палата представителей проголосовала за принятие закона, консервативный член Палаты представителей от республиканской партии Марджори Тейлор Грин от штата Джорджия подала ходатайство об отстранении республиканца Майка Джонсона от должности спикера, обвинив его в том, что он плохо защищает интересы своей партии.

Федеральный бюджет на 2024 фин. г. был принят с опозданием почти на 6 месяцев. У Конгресса осталось полгода, чтобы утвердить необходимые законы об ассигнованиях на 2025 фин. год.

ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ ШАТДАУНОВ И «ПРОДОЛЖАЮЩИХСЯ РЕЗОЛЮЦИЙ»

Шатдаун оказывает прямое и косвенное воздействие на экономику, серьёзность которого во многом зависит от продолжительности и масштаба приостановки работы правительства.

Государственные поставки товаров и услуг в III квартале 2023 г. составляли 11,3% ВВП США. [8, table B-8] Теоретически, шатдаун уменьшает ВВП, но следует

учитывать, что приостанавливаются только дискреционные расходы, на которые в 2024 г. приходится всего 26,2% общих расходов федерального бюджета (см. табл.).

По оценкам Бюджетного управления Конгресса, БУК (*Congressional Budget Office*), шатдаун в 2018–2019 гг. снизил ВВП в общей сложности на 11 млрд долл. Помимо этого, БУК отмечает, что более длительные остановки отрицательно влияют на инвестиции и решения о найме в частном секторе, поскольку предприятия не могут получить федеральные разрешения и сертификаты или получить доступ к федеральным кредитам. Кроме того, во время остановки работы многие сборы не взимаются, что снижает поступления в бюджет. Федеральные подрядчики иногда включают в свои предложения премии, чтобы учесть неопределённость в оплате [9]. Чем дольше длится шатдаун, тем большее влияние он оказывает на деятельность федеральных агентств и государственных контрактников. В период шатдауна 2013 г. примерно 850 тыс. из 2,1 млн федеральных служащих, не являющихся почтовыми служащими, были уволены. В 2018 г. 350 тыс. федеральных служащих ушли в неоплачиваемый отпуск, 400 тыс. были вынуждены продолжать работу с отсрочкой зарплаты.

Приостановка деятельности государственных учреждений вызывает социальную напряжённость. В январе 2019 г. был принят закон, гарантирующий выплату зарплаты тем, кто был вынужден уйти в неоплаченный отпуск или работать бесплатно в периоды шатдаунов. Это в какой-то мере смягчило проблему удержания трудовых кадров на своих местах.

Комитет по ответственному федеральному бюджету (*Committee for a responsible federal budget*) провёл исследование о влиянии шатдаунов на деятельность отдельных государственных ведомств и отдельных программ [9]. Так, в период шатдауна в 2013 г. Агентство по охране окружающей среды (*Environmental Protection Agency*) приостановило проверки на 1 200 различных объектах, включая опасные отходы, питьевую воду и химические предприятия, а Управление по контролю за продуктами питания и лекарствами (*Food and Drug Administration*) отложило почти 900 инспекций. В период длинного частичного шатдауна в 2018–2019 гг. наблюдались задержки авиAPERелётов в некоторых аэропортах, так как в целом из-за вынужденных отпусков не хватало авиадиспетчеров и агентов Управления транспортной безопасности (*Transportation Security Administration*), а часть из них, работая без оплаты, не приходили на работу.

Финансирование на основе «продолжающихся резолюций» имеет свои риски. Дело в том, что ассигнования на их основе осуществляются в объёме, который был заложен в предыдущем бюджете, и распространяются на те виды деятельности, которые были прописаны в бюджете за прошлый финансовый год.

Использование таких резолюций нарушает деятельность внутри агентств, затрудняет планирование или запуск будущих проектов и требует от сотрудников времени на пересмотр планов работы каждый раз при изменении бюджета.

Угроза приостановки деятельности государственных ведомств отвлекает руководителей от выполнения основных задач. В частности, за неделю до истечения срока действия законов о финансировании Административно-бюджетное управление (*Office of Management and Budget*) Белого дома рассылает руководству всех ведомств письма с требованиями разработать планы работы этих ведомств в период предполагаемого шатдауна. Каждый департамент или агентство имеет свой набор процедур. План обязательно включает информацию: сколько работников должны уйти в неоплаченный отпуск, какие работники критически важны и будут работать без оплаты.

Финансирование на основе продолжающихся резолюций создаёт проблемы также для государственных подрядчиков, поскольку они вынуждены замораживать уровни расходов, отказываться от модернизации оборудования и запуска новых программ. Так, Министерство обороны часто оттягивает заключение новых контрактов до второго или третьего квартала каждого нового финансового года. «К сожалению, к трём месяцам мы как-то привыкли, годовая резолюция – это наихудший возможный сценарий», – в своё время отметил в одном из выступлений контр-адмирал Джон Гамблтон, заместитель помощника министра ВМС по бюджету [10].

Чем дольше правительство США действует в соответствии с продолжающейся резолюцией, тем выше вероятность того, что произойдёт сбой в осуществлении социальных программ. Так, по программам социального обеспечения и медицинской помощи чеки высылаются, но проверка пособий, а также выдача новых карт прекращаются. Хотя финансирование программы льготной покупки продуктов питания (*Supplemental Nutrition Assistance Program*), известная как программа продовольственных талонов, является обязательным, длительный шатдаун может повлиять на возможность выдачи талонов на питание, поскольку действующие резолюции обычно разрешают Министерству сельского хозяйства рассылать пособия только в течение 30 дней после начала остановки. В период шатдауна в 2018–2019 гг. Министерство выплатило февральские пособия рано утром 20 января, незадолго до окончания 30-дневного срока, но оно не смогло бы выплатить мартовские пособия, если бы шатдаун продолжился. Кроме того, во время любого шатдауна магазины не могут продлить лицензии на свои карты электронного перевода пособий, поэтому те, чьи лицензии истекают, не смогут принимать льготы до окончания срока закрытия правительственных учреждений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В один клубок переплелись партийные противоречия по вопросам дефицита федерального бюджета, бюджетных приоритетов в сфере оборонных и необоронных статей, долгового потолка. Угрозы шатдауна (и технического дефолта) стали инструментом торга. Непримириемость позиций между партиями и отдель-

ных фракций внутри партий всё чаще заводит в тупик процесс принятия решений в сфере бюджетной политики США, подрывая доверие к этому процессу. Это особенно ярко проявляется в условиях разделенного правления.

ИСТОЧНИКИ

1. A Brief Overview of the Congressional Budget Process. Congressional Research Service. Updated January 10, 2023 R46468. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46468> (accessed 01.03.2024).
2. Continuing Resolutions: Overview of Components and Practices. CRS Report. Updated May 16, 2023. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46595> (accessed 01.03.2024).
3. Budget of the U.S. Government for Fiscal Year 2024. Available at: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2023/03/budget_fy2024. (accessed 19.02.2024).
4. Peter, G. Peterson Foundation. How is the Debt Limit Deal Affecting a Potential Government Shutdown, September 22, 2023. Available at: <https://www.pgpf.org/blog/2023/09/how-is-the-debt-limit-deal-affecting-a-potential-government-shutdown> (accessed 01.03.2024).
5. Pecorin, A., Gomez, J. Biden administration seeks billions more in Ukraine aid, teeing up congressional fight. Available at: <https://abcnews.go.com/Politics/biden-administration-seeks-billions-ukraine-aid-teeing-congressional/story?id=10217> (accessed 11.12.2023).
6. Appropriations Watch: FY 2024. MAR 11, 2024. Available at: <https://www.crfb.org/blogs/appropriations-watch-fy-2024> (accessed 14.03.2024).
7. Senate passes government funding legislation, averting a partial shutdown. Available at: <https://edition.cnn.com/2024/03/22/politics/federal-government-shutdown-march-friday/index.html> (accessed 25.03.2024).
8. 2024 Economic Report of the President. Available at: <https://www.whitehouse.gov/cea/economic-report-of-the-president/> (accessed 30.03.2024).
9. Committee for a Responsible Federal Budget. Government Shutdowns Q&A: Everything You Should Know. Feb 26, 2024. Available at: <https://www.crfb.org/papers/government-shutdowns-qa-everything-you-should-know> (accessed 14.03. 2024).
10. Harper, J. Continuing Resolutions Could Extend Well into 2022. Available at: <https://www.nationaldefensemagazine.org/articles/2021/9/27/continuing-resolutions-could-extend-well-into-2022> (accessed 11.12. 2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кириченко Э.В. Формирование экономической политики США: процесс принятия решений. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2019, № 3. С. 23-37. DOI: 10.31857/S032120680004153-2

Травкина Н.М. США: партии, бюджет, политика. М.: Наука. 2008.

REFERENCES

Kirichenko, E.V. Formirovanie ekonomicheskoi politiki SShA: protsess priniatiia reshenii [Formation of the US economic policy: the decision-making process] (In Russ.). *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2019, No. 3. DOI: 10.31857/S032120680004153-2

Travkina, N.M. SShA: partii, biudzheth, politika [USA: parties, budget, politics]. Moscow, NAUKA. 2008 (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КИРИЧЕНКО Элина Всеволодовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Группы экономических исследований США Института мировой экономики и международных отношений.

Российская Федерация, 117997, Москва ул. Профсоюзная, д. 23.

Elina V. KIRICHENKO, Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher. Head of the Group of Economic Studies of the USA Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Science.

Profsoyuznaya Str., 23, Moscow, 117997 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 3.04.2024 / Received 3.04.2024.

Статья поступила после рецензирования 15.04.2024 / Revised 15.04.2024.

Статья принята к публикации 16.04.2024 / Accepted 06.04.2024.

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**
**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ
НАУК**
ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Лицензия на право ведения образовательной деятельности
серия 90Л01 № 0009385 от 09.08.2016 г.

Свидетельство о государственной аккредитации № 3207 от 24.07.2019 г.

Объявляет приём студентов на первый курс (2023/2024 уч. г.) очного (дневного) отделения:

по направлениям **БАКАЛАВРИАТА** (срок обучения – 4 года)

- **«Международные отношения»**, направление подготовки: 41.03.05, профиль «Международная безопасность» (**6 бюджетных мест: 1 место – особое право, 1 места – целевая квота, 1 место – специальная квота, 3 место – общий конкурс; 30 контрактных мест**)
- **«Зарубежное регионоведение»**, направление подготовки: 41.03.01, профиль «США и Канада» (**5 бюджетных мест: 2 места – целевое; 1 место – особое право; 1 место – специальная квота, 2 место – общий конкурс; контрактных мест – 30**)

Приём проводится на основе конкурса по результатам ЕГЭ по предметам:

- История
- Иностранный язык
- Русский язык

по направлению **МАГИСТРАТУРЫ** (срок обучения – 2 года)

- **«Зарубежное регионоведение»**, направление подготовки: 41.04.01, профиль «Американские исследования» (**бюджетных мест – 4; контрактных мест – 10**)

Приём в магистратуру проводится на основе конкурса по результатам сдачи экзамена по зарубежному регионоведению и итогам собеседования.

Приём документов очно и онлайн с регистрацией на сайте priem.gaugn.ru

- бакалавриат – с 20 июня 2024 г.
- магистратура – с 20 июня 2024 г.

Телефон для справок: 8 (499) 238-04-12; 8 (495) 915-33-82 доб. 103, 404;
8 (962) 927-32-69.

Абитуриенты представляют в приёмную комиссию:

документ или копию документа о среднем (полном) образовании,
копию паспорта,

4 фотографии 3х4 см,

для льготных категорий – документы, удостоверяющие льготы
медицинскую справку (форма 086/у).

- Сайт ИСКРАН: www.iskran.ru
- Сайт ГАУГН: www.gaugn.ru
- Электронный адрес: worldpolitics@gaugn.ru

Факультет мировой политики (ФМП) ГАУГН основан в 2000 г. на базе **Института США и Канады имени академика Г.А. Арбатова РАН (ИСКРАН)** – ведущего Российского и мирового научного центра в области американских исследований, канадоведения, международных отношений и международной безопасности. Декан факультета – научный руководитель ИСКРАН, академик РАН, профессор С.М. Рогов. Факультет входит в структуру Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) – высшего учебного заведения, созданного благодаря сотрудничеству Российской академии наук и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Президент ГАУГН – академик РАН, профессор, Председатель Общественного совета при Министерстве науки и высшего образования А.О. Чубарьян, врио ректора – кандидат исторических наук, доцент Н.В. Промыслов. В ГАУГН действуют 10 факультетов, каждый из которых базируется в профильном институте РАН.

Учебные планы и программы обучения, составленные в соответствии с ФГОС 3++ по направлениям бакалавриата и магистратуры «Зарубежное регионоведение» и «Международные отношения», предусматривают изучение общих гуманитарных, естественно-научных, профессиональных и специальных дисциплин, предметов по выбору студента, а также факультативных дисциплин.

Специфика ИСКРАН, активно участвующего в процессе формирования внешней политики России, даёт студентам факультета уникальную возможность приобщиться к практике экономического и политического анализа и консультирования, ориентированных на реализацию внешнеполитических интересов России.

Основу профессорско-преподавательского состава ФМП составляют научные сотрудники Института США и Канады им. академика Г.А. Арбатова РАН. Многие из них имеют многолетний опыт научной и педагогической работы в МГИМО(У) МИД РФ, МГУ, МГЛУ, а также ведущих университетах США и стран Западной Европы.

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И КАНАДЫ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА Г.А. АРБАТОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова (ИСКРАН) – ведущий российский и мировой научный центра в области американских фундаментальных и прикладных исследований, канадоведения, международных отношений и международной безопасности. Специфика ИСКРАН, активно участвующего в процессе формирования внешней политики России, даёт аспирантам уникальную возможность приобщиться к практике экономического и политического анализа и консультирования, ориентированных на реализацию внешнеполитических интересов России.

Основу профессорско-преподавательского состава аспирантуры составляют научные сотрудники Института США и Канады им. Г.А. Арбатова. Многие из них имеют многолетний опыт научной и педагогической работы в МГИМО(У) МИД РФ, МГУ, а также ведущих университетах США и стран Западной Европы. И.о. директора ИСКРАН – кандидат политических наук С.В. Кислицын. Научный руководитель ИСКРАН – академик РАН, доктор исторических наук, профессор С.М. Рогов.

*Лицензия на осуществление образовательной деятельности № 0244 от
25.07.2012 г.*

Свидетельство о государственной аккредитации № 2445 от 22.12.2016 г.

**Объявляет приём аспирантов на 2024/2025 учебный год
(форма обучения – очная, срок обучения – 3 года) по научным
специальностям:**

- **5.5.2. «Политические институты, процессы, технологии»** (3 места по договору об оказании платных образовательных услуг);
- **5.5.4 «Международные отношения»** (5 мест по договору об оказании платных образовательных услуг).
- **5.2.5 «Мировая экономика»** (5 мест по договору об оказании платных образовательных услуг).

Сроки приёма документов – с 12 августа по 6 сентября 2024 г.

Документы, необходимые для поступления, представляются поступающим в организацию одним из следующих способов:

- Лично по адресу: г. Москва, Хлебный переулок, д. 2/3;
- Через операторов почтовой связи по адресу: 121069, г. Москва, Хлебный переулок, д. 2/3;
- В электронной форме на информационно-образовательном портале ИСКРАН по ссылке: <http://edu.iskran.ru/aspirantura/priem-dokumentov/>

Поступающие предоставляют в приёмную комиссию: оригинал или копию документа об окончании магистратуры или специалитета; копии паспорта, СНИЛС и ИНН; 2 фотографии 3х4 см; реферат по выбранной специальности; сведения об индивидуальных достижениях.

Вступительные испытания:

1. экзамен по специальной дисциплине и собеседование по реферату;
2. экзамен по английскому языку.

Сроки проведения вступительных испытаний: с 9 по 25 сентября 2024 г.

Сайт ИСКРАН: www.iskran.ru

Телефон для справок: 8 (495) 691-15-90

Электронный адрес: aspirantura@iskran.ru

Иногородним не предоставляется общежитие.

Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объём принимаемых к рассмотрению статей до 45 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюме, подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. *Бумажная версия* печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте <http://orcid.org/>.

Электронная версия представляется в форматах *doc*, *docx* или *rtf*. Текст статьи и вся сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русс., англ.), аннотация (русс., англ.), ключевые слова (русс., англ.), полная информация об авторе (русс., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик «Размышляя над прочитанным» и «Книжная полка» могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках («Список литературы» и «References» соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: <http://translit.net/>). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).

Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

1. При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название (*курсивом*), город издания, издательство, количество страниц.

2. Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

3. При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание не является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

4. Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе «Источники», который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

5. Публикации в разделах «Источники» и «Список литературы/References» приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе «Источники», [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе «Список литературы».

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте <http://www.iskran.ru/journal.php>.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*.